

5 (695) май, 2015

УРАЛЬСКИЙ снегони́м

www.uralstalker.com

9 770134 241006 15005

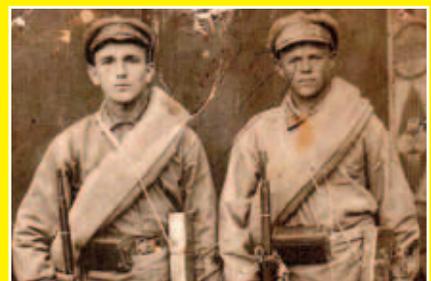

ОБРАЗЕЦ НЕФРИТА
предоставлен Уральским Центром камня

ПОЧЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

**ИРЕМЬЕЛЬ,
ДОСТУПНЫЙ ДЛЯ ВСЕХ**

ЗАМЕРЗШАЯ ДИВИЗИЯ

Май 2015

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1 стр. обложки: Памятник погибшим висмчанам. Фото Вадима Осипова.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

- в республике Татарстан
- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лажнецв, Председатель

- Коми республиканского отделения РГО
- Камилл Зиганшин, Председатель отделения РГО

- в республике Башкортостан
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2015 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №4 (694), 2015.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотип и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы помеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Добрые попутчики
На Урал пришло
ЛЕТО 2015 21

Камни Урала
Е.ТАМПЛОН
Нефрит22

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Ощущение благодатного огня..... 24

Безопасность

С.КАБАКОВ
Последний
лед 42

Доступный туризм

Е.АРБЕНЕВ
«Иремель,
доступный
для всех» 44

Река времени

Никто не забыт?
О.ДЬЯКОНОВА
Замерзшая
дивизия..... 3

Родословная
В.ТРУСОВ
Войны одной
семьи 8

Тропой поиска

А.БУЛАНКИНА
Согретые
Сибирью..... 12

День Победы

Н.ПАЭГЛЕ
В.ОСИПОВ
Взгляд с неба..... 14

Верхотурские
были-небыли
Ю.ГОРБУНОВ
Обитель.
Крест отца
Ксенофонта..... 30

Портреты
Ю.ГОРБУНОВ
Остров
Борисихина..... 35

Тропой поиска

С.ПУДОВ
На самолете
по волнам..... 36

Наши проекты

С.КУДРЯВЦЕВ
Н.ДЕМИНА
З.МЕХОНЦЕВА
История России.
Река Чусовая..... 38

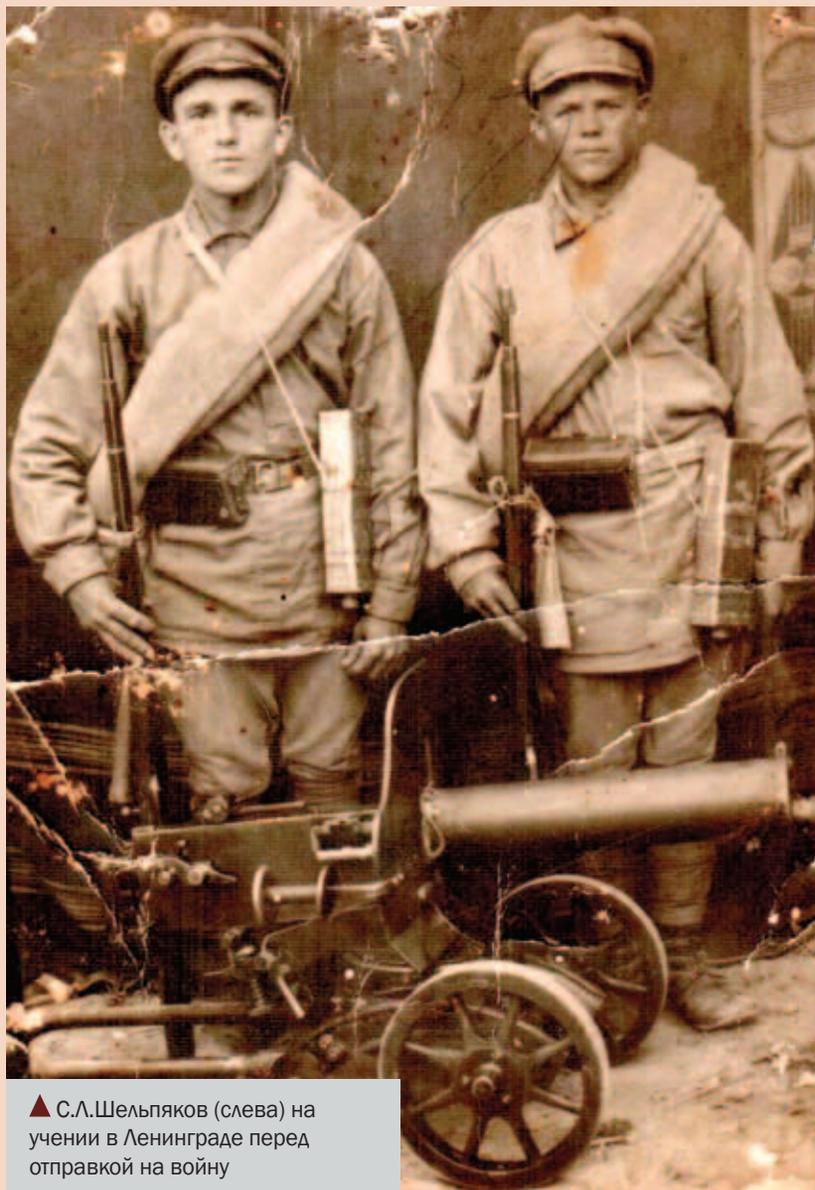
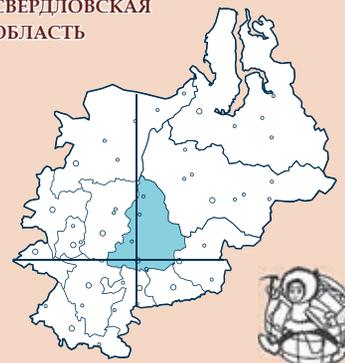

Журнал в журнале

Иллюстрации из семейного архива автора

Замерзшая ДИВИЗИЯ

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ С.Л.Шельпяков (слева) на учении в Ленинграде перед отправкой на войну

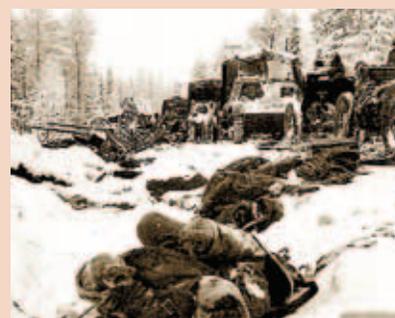
В Великой Отечественной войне участвовал мой отец, сержант Савелий Лукич Шельпяков, 1902 года рождения, пропавший без вести 8 мая 1942 года. Служил в составе 152 стрелковой Днепропетровской ордена Ленина Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. Я хочу, чтобы он был зачислен в состав этого бессмертного полка.

www.uralstalker.com

Ольга Дьяконова

Заслуженный учитель школы РФ. Окончила Пермский педагогический институт. Преподавала в школах Верхотурья и Красноуфимска. Возглавляла в Красноуфимске городское управление образования. Избиралась депутатом Горсовета. С 2012 года возглавляет Координационный Совет ветеранов учреждения социальной политики города и района. Заместитель председателя красноуфимской городской Общественной палаты.

Он ушел на войну в 1941-м (хотя у него на тот момент была бронь). Ушел из г. Верхотурья, Свердловской области, где он проживал со своей семьей. Был призван Новолялинским военным комиссариатом. На протяжении более 20 лет я вела поиск каких-либо сведений о судьбе своего отца. Куда бы ни обращалась, отовсюду приходили отрицательные ответы: данных о его судьбе в архивах нет. Как будто и вообще не было такого солдата. Хотя маме пришло извещение от командира Ляшенко, что папа, со слов выживших в той трагедии солдат, был отправлен в первый медсанбат... Да, он занесен в Книгу без вести пропавших (т. 5, стр. 169).

Но мне удалось добраться до трагедии, которая его постигла. Помогли поисковики Забытого полка, которым я низко кланяюсь. В День Победы 9 мая утром захожу в церковь, ставлю свечи за умершего папу и за здоровье этих добрых и отзывчивых людей. В официальных источниках об этой трагедии ничего не писалось, а ветеранам, видимо, было запрещено об этом даже вспоминать.

Одна из легенд о боях на Севере в годы Великой Отечественной — легенда о «Замерзшей дивизии». Впервые о ней написала газета «Полярная Правда» 22 июня 1999 года. Автор — местный историк, Почетный гражданин города Мурманска Лев Журин.

Но начну с изложения архивного документа.

22 декабря 1941 года командир дивизии полковник Вехин и полковой комиссар Иванов в Красноуфимском районе Свердловской области (Урал ВО) приступили к формированию 152 стрелковой дивизии. В ее состав были призваны военнообязанные 17 национальностей, на 75% совершенно не обученные. Вошли также поправившие здоровье в красноуфимских госпиталях после ранения красноармейцы. 16 февраля 1942 года дивизия в составе: 480 стрелкового полка, 544 стрелкового полка, 646 стрелкового полка, 333 артиллерийского полка, противотанкового дивизиона, саперного батальона, батальона связи, медсанбата, зенитной батареи, разведроты, химвроты, автороты общей численностью 11371 человек из г. Красноуфимска выступила на Карельский фронт (ЦАМО.Ф. 152 сд. Оп. 1. Д. 1).

А вот выдержки из книги Олега Смылова «Окопная правда войны», которые далее цитирую: «...152 стрелковая дивизия с весны 1942 года находилась в резерве Карельского фронта и располагалась в Кеми. Погода в этот период в Карелии выдалась неожиданно теплой, и командующий фронтом не без чьих-то ходагайств приказал досрочно на 20 дней переодеть подчиненные ему войска в летнее об-

мундирование. Естественно, попала под этот приказ и 152 стрелковая дивизия, отправленная на Крайний Север. 1 мая 1942 года бойцов этой дивизии хорошо накормили, выдали им по 100 наркомовских граммов и, погрузив в эшелоны, отправили под Мурманск, где шли напряженные бои... Сразу же по прибытии в Колу личный состав дивизии выгрузился и двинулся в путь пешим порядком по безлюдной тундре на расстояние почти в 90 км. 3 мая 1942 года на половине пути пошел дождь. А ночью разыгрался ураганный ветер и ударил мороз. Марш колонны замедляли машины с боеприпасами и продовольствием в сторону фронта и обратно с ранеными и больными. Грунтовая дорога была очень узкой, и встречный транспорт едва разъезжался. Кроме того: днем распутица, а ночью гололед. 4 мая ветер с мелким дождем усилился. Шинели стали тяжелыми, а ноги в ботинках быстро промокли и начали отмерзать. 5 мая ветер ураганной силы и началась снежная выюга.

Питание и ночлег на местах стоянок не были организованы. Солдаты погибали от холода и голода. «Во главе колонны верхом на коне ехал пожилой комиссар майор Рябов. Озерельные от голода бойцы окружили его и злобно стали требовать, чтобы их накормили. Комиссар слез с коня, снял седло и бросил его в сторону: «Убивайте коня! Вот все, чем я могу помочь вам!» А сам, шатаясь, пошел дальше пешком. Коня сразу пристрелили и с дракой разорвали тушу на куски. Ели сырое мясо без соли и хлеба. Выюга бушевала уже третьи сутки... Особенно страшной была ночь 6 и 7 мая. Дорога устлана трупами бойцов. Кое-где в снежных ямах за огромными валунами разожгли костры. Бойцы вокруг них сразу заснули, и огонь никто не поддерживал. А утром вокруг погасших костров лежали заснеженные трупы. В самый пик выюги 7 мая дивизию повернули обратно по уже пройденной дороге к озеру Порт-Лубол. Возвращались буквально по трупам своих товарищей, так и лежащих на дороге. Едва шевелились умирающие. Но на них никто не обращал внимания...

8 мая выюга стала затихать. Командующий 14 армией генерал Щербаков приказал организовать спасательные группы. В их составе были медработники из полевых госпиталей с термосами горячего чая и медикаментами для обмороженных. Подвезли

▼ С.А.Шельпяков (второй слева в первом ряду) с коллективом сотрудников детского дома в Верхотурье. Довоенный снимок

и установили палатки. Затопили переносные чугунные печки. Созданная в связи с этой трагедией комиссия установила, что личный состав дивизии истощен на 80% и дивизия небоеспособна. Обмороженных, ослепших и тяжелобольных отправили в тыловые госпитали. Часть больных оставили в медсанбате. Во выюге с 5 по 8 мая 1942 года замерзли насмерть 484 человека, а 1683 обморозили ноги, руки, лицо, уши. Еще 196 бойцов погибли в боях с немецкими егерями, 28 пропали без вести и 527 получили ранения. Братские могилы замерзших затерялись где-то между 25 и 68-м километрами дороги Мишуково – Титовка. Вечный им покой! И укор живым за то, что обрели павших на забвение».

Вернувшись к озеру, дивизия две недели приводила себя в порядок, строила землянки и огневые точки. В Ставку Верховного командования было сообщено, что в связи с этим положением наступление может не иметь успеха. Сам Сталин по телеграфу передал приказ об отмене наступления, отводе дивизии на отдых и усиленное питание.

Многие из выживших скончались в госпиталях. Но страшно то, что нигде в архивах нет посписочных данных погибших и умерших. В этом я лично убедился в ходе поиска свое-

го отца. Почему? В чем они виноваты? В том, что погибали, так и не успев сделать ни одного выстрела?

Сведения, добытые мной из газет и книг, подтвердили поисковики «Забытого полка». Их письмо, полученное 10 марта 2010 года, привожу полностью: «Добрый день, Ольга Савельевна! ППС 1666 (полевая почтовая станция) – это 152 стрелковая дивизия, которая сформирована в Красноуфимске как 430-я стрелковая дивизия, 7 января 1942 года переименована в 152-ю стрелковую дивизию. 16 февраля 1942 года дивизия закончила формирование. В действующей армии с 7 апреля 1942 года по 1 февраля 1943 года, с 2 марта 1943 года по 1 апреля 1944 года, с 28 мая 1944 года по 14 сентября 1944 года, с 13 октября 1944 года по 1 апреля 1945 года и с 20 апреля 1945 года по 11 мая 1945 года.

16 февраля 1942 года дивизия закончила свое формирование и была передислоцирована в район города Сокола Вологодской области, а в апреле 1942 года направлена в распоряжение командующего Карельским фронтом, в г. Кемь, во второй эшелон войск фронта, затем 30 апреля 1942 года переброшена в Мурманск. Насчитывала 11370 человек личного состава.

В ночь накануне 1 мая 1942 года дивизию подняли по тревоге, погрузили в эшелоны и отправили в Мурманск. Пушки, боеприпасы, кухни, продовольствие должны были прибыть позже другими эшелонами. Переправившись через Кольский залив, дивизия совершает 80-километровый марш на передовую по безлюдной голой тундре, чтобы принять участие в оказавшейся безуспешной Мурманской наступательной операции войск 14-й армии с рубежа реки Западная Лица. Двигалась колонной по дороге Мишуково – Титовка.

Переход начался 2 мая, а через пять суток 152-стрелковая дивизия почти полностью погибла. Стояла повесенному солнечная погода, поэтому солдаты были одеты в летнюю форму. Шли колонной по дороге, которая представляла собой желоб в снегу и льдах. Днем ветер неожиданно сменился на северо-западный. На небе появились темные низкие тучи. А к ночи начался ад. Тяжелый мокрый снег крупными хлопьями падал на голову, слепил глаза, превращал легкую одежду в мокрую тряпку...

Но самое страшное было впереди. Вдруг с моря подул морозный ветер, и гимнастерки мгновенно превратились в ледяные скафандры. А потом – пурга. Комья снега величиной почти с кулак неслись с огромной ско-

ростью над землей. На расстоянии вытянутой руки — сплошная мгла.

Люди теряли ориентировку, но колонна продолжала двигаться. Шли, пока снежные завалы прочно не перекрыли дорогу. Те, кто успел схватиться за узду лошадей, еще пытались держаться на ногах. Остальные падали в снег и передвигались ползком из последних сил. Уставшие, они засыпали... Навсегда.

Буран был такой сильный, что крики о помощи тонули в свисте ветра. Колонна замерла. Пытаясь спастись, люди уходили в сторону, бежали в снежную пустынную даль поодиночке и умирали. Тот, кто еще мог передвигаться, шел, невзирая на упавших товарищей. Помощь означала смерть. Огонь развести было невозможно, полевые кухни затерялись в крошечной темноте, равно как и поклажа с одеждой.

Стихия бушевала пять дней. Снег хоронил тела погибших, на их место приходили другие и, обездвиженные бессилием и голодом, падали. А снег

вновь заметал могилы, и мокрый ветер покрывал их ледяной коркой. Навсегда...

Одному из полков авангарда пришлось еще и принять бой. Пока остальные сражались со снежной бурей, передовые части погибали под огнем немецкой артиллерии. Ни первым, ни вторым помощи ждать было неоткуда...

Стихия прекратилась так же неожиданно, как и началась. 7 мая выглянуло солнце, осветив теплыми лучами жуткую картину. Тесно прижавшись друг к другу, мертвые солдаты небольшими группами были разбросаны на огромном пространстве. Кто остался жив — сошли с ума и блуждали по ледяной пустыне, бормоча что-то, понятное только им. Сотни пораженных слепотой петляли в поисках опоры. Теряли оружие, боеприпасы, одежду. А над ними на бреющем полете проносились немецкие самолеты, но почему-то не обстреливали.

152 стрелковая дивизия почти полностью погибла. Два дня прибывшие

на помощь военные части собирали трупы и сваливали их у сопки. Основная часть бойцов все же добралась до фронта, но способных держать оружие осталось лишь 20% из почти десяти тысяч! Остальные либо погибли, либо обморозились.

Судя по всему, судя по дате — 8 мая 1942 года, поставленной у вашего отца в Книге Памяти, том 5, стр. 169, — и ваш отец мог там же и погибнуть во время перехода».

Нашим свидетельствам вторят мемуары бывших фашистских горных егерей: «Те, кто был тяжело ранен, замерзал прямо на поле боя в течение короткого времени, — пишет в воспоминаниях австриец Хельмут Керн. — Горные стрелки, прячась в снежных и в выбитых в скалах ямах, в обледеневшей одежде замерзали и умирали от холода... Не было ни одной лазейки, чтобы обогреться у костра. Не было горячего питания. От морозов содержимое консервов превратилось в камень, так что его с трудом нужно было разбивать на куски и отправлять в рот, чтобы эти куски там оттаивали. Следствием этого стали тяжелые кишечные заболевания. Вместе с шоком от ранения приходил животный страх беспомощности перед ужасным концом, который мог наступить от удара советской лопатой или от укола советского штыка. Но человеческая способность переносить боль не знает границ. Один лейтенант шел к своим всю ночь с раздробленной челюстью, а раненые с раздробленными, готовыми к ампутации ногами самостоятельно тащились несколько часов по снегу...». «Мы собирали трупы погибших товарищей и убитых русских на северном участке Западной Лицы, — вспоминает Гелиодор Трибуч. — Мы строили из них временные позиции, укладывали эти промерзшие трупы в штабеля. Они, как это ни кощунственно звучит, были хорошей защитой от выстрелов советской пехоты...».

Буквально в конце марта получила письмо от поисковика из Заполярья Сергея Швецова, с которым в последние годы тесно сотрудничала в поиске. Привожу выдержку из него: «В поисках Савелия Лукича, я думаю, продвинуться дальше будет невероятно сложно, если не невозможно. Я пришел к двум вариантам: 1 — он был найден, но неопознан, 2 — он не найден, но если найдут, то шансов опознать ничтожно мало. Вновь напоминаю о медальонах, которые были введены для военнослужащих и где предусматривались пергаментные вкладыши-анкеты с указанием фамилии, имени, отчества, воинского звания, года и мес-

▲ Супруги Шельяковы

СВЕРДЛОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ

«СЕМЬИ ПОГИБШИХ ВОИНОВ»

Создана в 1995г., Рег. № 3500 Минюст РФ по Свердловской обл. Юридический адрес: 620014, Екатеринбург, ул. Малаховская, д. 10, к. 1. Деловой адрес: Екатеринбург, ул. Малаховская, д. 10, к. 1. Телефон: (343) 2403002, 3509204. Электронная почта:

На Ветеран № 062 от 30.03.05

Уважаемая Ольга Савельевна!

Относительно Вашего сына сообщаю следующие (из книги Бамбур 5, с 169):

«Мельников Савелий Лукич,
Сергачев, 1902 г.р., призван в 1941 году,
пропал без вести 8 мая 1942 года.
Можно посоветовать Вам написать
в Военно-Мемориальный музей в
г. Санкт-Петербург».

Также рекомендую Вам самим
включиться в работу движения
«Семьи погибших воинов». Напишите
увещание о встрече, о моей встрече с
руководителем г. Красноуральска,
или организовать мою встречу с
жителями города и приехать
средства массовой информации.

то рождения, адреса семьи, родных или близких. Медальоны, которые солдаты называли «смертниками», являлись основным средством установления личности погибшего.

В конце 1942-го медальоны вообще отменили и заменили на красноармейские книжки, которые истлевают без следа. Да и сами солдаты часто не заполняли медальонные форму-

ляры — считалось дурной приметой «писать письмо смерти». Поэтому так сложно устанавливать имена и судьбы павших: поисковики-общественники на сто непогребенных солдат и командиров находят всего лишь два-три медальона. Погибших хоронили на месте боя. А сколько безымянных, незахороненных лежит по лесам и болотам!.. Если добавить сюда, что многие захоронения были перенесены либо уничтожены во время прокладки новой, шоссейной дороги по линии старой дороги Мишуково — Титовка, а я думаю, что это никак не документировалось, то вырисовывается совсем мрачная картина. Хотя появилась мысль, а кто строил дорогу? Когда? И какие сохранились архивы? Видимо, это единственная линия поиска, которую еще можно продолжить».

Пришло время признать наших солдат, участников Великой Отечественной войны, не пропавшими без вести, а погибшими. На сегодняшний день из мобилизованных Советским Союзом на фронт 34 миллионов человек 5 миллионов до сих пор считаются пропавшими без вести. Эти цифры касаются и стран СНГ, разумеется. Мы единственная страна, не признавшая законодательно их погибшими. В Германии, Польше, США такие организации возникли сразу же после войны, у нас же эти люди до сих пор считаются пропавшими без вести. Достаточно было похоронить погибшего солдата. О них забыли, их предали. Кости их у нас под ногами. Это горько, больно и, по меньшей мере, несправедливо. **VC**

▲ Родной дом в Верхотурье (ул. Дементьева, 20). Построен отцом в 1939 году

Владимир Трусов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Автор книги «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова». Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото из семейного архива

◀ Бутка. Введенская церковь

Войны одной семьи

Мой дедушка Петр Евгеньевич Трусов (1893–1939) был участником Первой мировой войны. Проживал в деревне

Немковой, в двух верстах от села Буткинского (сейчас Бутка Талицкого района Свердловской области).

15 февраля 1913 года во Введенской церкви состоялось его бракосочетание с Сусаньей (Сосанной по метрической книге) Александровной Соколовой (1893–1975) из деревни Южаковой. В начале 1914 года дед прошел военную медицинскую комиссию и получил предписание военного представителя от 4 ноября 1914 года № 5898: принять на военную службу. Петр

Евгеньевич был зачислен в 254-й пехотный Николаевский полк.

Полк сформирован в августе-сентябре 1914 года в городе Николаеве. Вошел в состав 64-й пехотной дивизии. А дивизия, в свою очередь, стала частью 26-го армейского корпуса 10-й армии. В декабре 1914 года дивизия вела трудные наступательные бои на речке Ангерап в Восточной Пруссии, а летом

1915-го — в отступлении на Вильно.

В ходе Первой мировой войны впервые было применено химическое оружие массового уничтожения живой силы. Наиболее активно газовые атаки применялись против российских воинских подразделений Западного фронта, которые в течение почти двух с половиной лет (с сентября 1915 года до 18 фев-

раля 1918 года) занимали позиции на территории Беларуси по линии Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск.

Первая газовая атака на территории Беларуси была предпринята в ночь на 20 июня 1916 года (по ст. ст.) в районе города Сморгонь на участке фронта, занимаемом 253-м Перекопским и 254-м Николаевским пехотными полками 64-й пехотной дивизии 26-го армейского корпуса. Коварный замысел немцы вынашивали задолго до его осуществления – мешала дождливая погода.

Как только погода стала благоприятной, подул юго-западный ветер, так, по словам очевидца, записанным в журнале боевых действий, «в 3 часа 30 минут немцы заиграли на рожках сигналы, затем через несколько минут было обнаружено движение удушливых газов со стороны деревни Ходоки на позиции 254-го пехотного Николаевского полка и левофлангового батальона нашего (253-го пехотного Перекопского) полка. Сейчас же немцы дали залп из всех орудий по передовым окопам, а потом перенесли огонь

на батареи и штаб полка из орудий тяжелой артиллерии, снарядами с удушливыми газами.

По окопам продолжался ураганный огонь легких батарей. В 6 и 7 часов газовые атаки были повторены.

Газы от снарядов ели очень сильно глаза, быстро вызвали тошноту и головную боль. Николаевский полк пострадал очень сильно, многие роты пришлось заменять, так как способных драться оставалось

по 10–15 человек. Немецкий артиллерийский огонь временами сопровождался ружейным и пулеметным и продолжался восемь с половиной часов.

При этом на участке Николаевского полка и нашего 4-го батальона, а затем и 1-го батальона немцы переходили в наступление. Наступали без огня, довольно беспорядочно. Видимо, нижние чины были пьяны. Некоторые достигли наших проволочных заграждений, но дружным пулеметным и ружейным огнем были обращены в бегство. Наступление немцев скорее носило демонстративный характер, с целью вырвать у нас инициативу и заставить израсходовать большое количество снарядов». На позициях 254-го Николаевского полка «страшный шум, похожий на шум паровоза, слышался в 3 часа 10 минут. Вслед за этим наблюдатели увидели густое облако желтоватого дыма,двигающееся на наши окопы. Не было сомнения, что это был удушливый газ».

Наблюдатели сообщили об этом командирам рот, занимавших пози-

▼ Петр Трусов (слева)

▼ Семья Петра Трусова

ции. Последние предупредили личный состав о надвигающейся опасности, отдали команду «надеть маски, выдвинули стрелков к бойницам, был сыгран условный сигнал газовой атаки. Были предупреждены и артиллеристы, которые немедленно совместно с ружейным и пулеметным огнем открыли артиллерийский для рассеивания газового облака» и отражения наступления немецкой пехоты. Первая атака была отбита.

Спустя 15 минут после первой газовой атаки немцы повторно выпустили из пяти точек газы на участок 254-го полка, одновременно открыв сильный артиллерийский огонь снарядами с удушливым газом. Как было записано в журнале боевых действий 254-го пехотного полка, «облако газов окутало позиции 1-й, 3-й и 15-й рот 4-го батальона. Газы были очень сильнодействующие. Бойцы стали падать отравленными. Силы слабели».

Вслед за второй газовой атакой, при поддержке артиллерии, в атаку пошла немецкая пехота, численностью около полка. «Им удалось подойти к нашим проволочным заграждениям, — записал очевидец, — но встреченные в упор ружейным и пулеметным огнем защитников окопов германцы отхлынули назад, в свои окопы, понесши огромные потери от нашего огня». Потерпев неудачу, они открыли «убийственный артиллерийский огонь тяжелыми и легкими снарядами по окопам 1-й, 2-й и 3-й линий, батареям и всем подступам полкового участка, но в атаку переходить больше не решились. После 9 часов огонь и атаки противника утихли».

Одновременно пехота противника численностью до трех рот пошла в наступление. Оставшиеся в живых после газовой атаки защитники окопов, подпустив врага почти до своих проволочных заграждений, открыли ружейно-пулеметный огонь. Отражению атаки содействовала артиллерия. Обстрел русских позиций артиллерией противника продолжался до 3 часов утра 21 июня. В результате атак противника 254-й пехотный Николаевский полк понес большие потери: отравленными газами оказались 19 офицеров и 1114 нижних чинов, умершими от отравления 147 человек, ранеными 167 солдат и 1 офицер.

Каким было состояние оставшихся в живых защитников окопов, говорит донесение командира одного из батальонов подполковника Константинова в штаб 254-го пехотного Николаевского полка: «Вновь под-

▲ Иван Петрович Трусов

тверждаю свою просьбу о смене меня, так как от переутомления ноги подкашиваются, и нет сил больше от такой напряженной и тяжелой работы. Голова отказывается служить».

О слабости сил на участке позиций, занимаемых 3-м батальоном, доносил его командир подполковник Тихонов: «В окопах почти никого не остается. В настоящее время это не боевая часть, а жидкое сторожевое охранение, мало способное к сопротивлению. Необходимо принять меры к скорому усилению этого участка, так как газы, несмотря на дезинфекцию окопов, еще действуют».

Следует заметить, что применяемые в русских войсках средства противохимической защиты в то время

были несовершенны, а потому и малоэффективны. Да и их было недостаточно. Немцам это обстоятельство было хорошо известно, чем они и пользовались. Генерал Людендорф, например, позже признавал: «Мы получили газы и ожидали от применения их больших тактических результатов, так как противогазовая защита у русских еще не была создана».

В ночь на 22 июня 1916 года 254-й пехотный Николаевский полк, как наиболее пострадавший, был сменен и отведен в резерв.

Бабушка Сусанья со слов мужа рассказывала, что из его роты в живых осталось только два человека. Они смачивали в воде платки и через

▶ Старый памятник Гражданской войне

них дышали. Но в легкие Петра все равно попали отравляющие газы, что сказалось на его дальнейшей жизни, он часто болел и умер в 46 лет.

В армии Петр Трусов от солдата дошел до унтер-офицера. Служил в разведке, за пленение «языка» был награжден медалью (возможно, Георгиевским крестом). На военном фото Петр (слева) со своим другом. В 1930-х годах на фотографии соскоблили награду Первой мировой войны, чтобы не пострадать во время сталинских репрессий.

Жена Сусанья усердно трудилась в колхозе и рожала детей. Очень переживала о рано умерших маленьких детях. Награждена престижным в то время знаком «Ударнику Сталинского призыва».

Гражданская война связана в нашей семье с потерей отца бабушки

Сусаньи — Александра Матвеевича Соколова (1870–1918). Его зарубили саблями белогвардейцы. Похоронен в центре Бутки. С памятником случилась неприятная история. На старом обелиске его фамилия значилась в числе имен других людей, также погибших от рук Белой армии. Но при установке нового памятника на нем оказалась только одна фамилия. Надеюсь, что к 100-летней дате Гражданской войны администрация Бутки восстановит имена всех, погибших в тех событиях.

У Александра Матвеевича Соколова было 19 детей (5 от Афанасии и 14 — от Анны). Большинство из них умерли в младенчестве, не дожив и до одного года. Мне известны пять взрослых детей: три дочери от первого брака с Афанасией Тимофеевной Бердниковой и два сына от второй

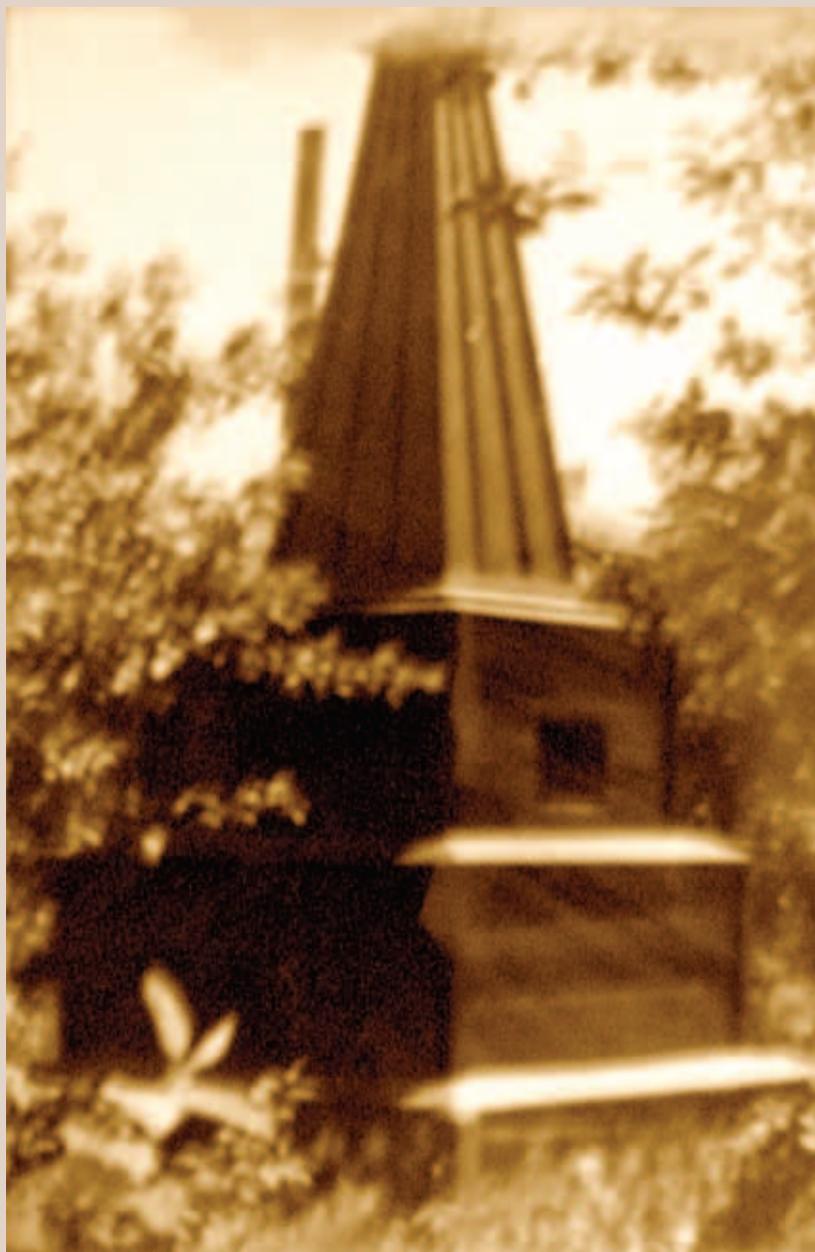
жены Анны Павловны Саночкиной. Дети: Анна (по мужу Филимонова), Сусанья, Александра (в замужестве Завьялова), Иван и Николай Соколовы. Шесть внуков Александра Матвеевича воевали на фронтах Великой Отечественной войны: Александр Филимонов, Иван Трусов, Степан Завьялов, Николай и Егор Трусовы, Иван Соколов (умер от ран 28 апреля 1942 года). Первые трое остались в живых.

Теперь расскажу о семье Петра Трусова. На фото 1934 года только одни сыновья, нет дочерей. Старшая Вера (1914 года рождения) к этому времени была уже замужем и имела своего ребенка, а младшая Надежда родилась в 1935 году. У Сусаньи на руках Сергей, который умер в 8-летнем возрасте. С Петром стоит Александр. В центре находятся слева направо: Николай, Егор и Иван.

О сыновьях Петра и Сусаньи — воинах Великой Отечественной войны. Егор Петрович Трусов, рядовой, 1924 года рождения, минометчик, погиб в марте 1945 года у Франкфурта-на-Одере.

Николай Петрович Трусов, лейтенант, командир взвода, 1923 года рождения, окончил в 1942 г. Камышловское пехотное училище (ускоренные курсы), погиб 23 марта 1943 года в Новороссийске на Малой земле, об этом матери написал в письме старший лейтенант Коршиков.

Иван Петрович Трусов (1920–2000) — старший сын. В 1940 году Иван окончил Талицкий лесной техникум. Здесь замечу, что в этом же учебном заведении учился и будущий разведчик, Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов, но они учились в разные годы. Еще до войны Иван был призван в армию и служил на Западной границе. В это время уполномоченный набирал людей для учебы в авиацию. Так молодой человек стал штурманом. Он воевал в ночном бомбардировочном полку на самолетах У-2 и ПО-2. Совершил 315 боевых вылетов. Принимал участие в боевых действиях на Курской дуге, в освобождении Украины на Днепре, в операциях Корсунь-Шевченковской, Криворожской, Яско-Кишиневской, Трансильванской, Будапештской, Дунайской, Дебрецинской. Закончил войну в Праге. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медалями. На фотографии середины 1970-х годов Иван Петрович в парадном мундире, но еще без многочисленных юбилейных медалей. **УС**

Согретье Сибирью

Иллюстрации предоставлены автором

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Слева направо верхний ряд: воспитатель Надежда Тихоновна (?), Людмила Петровна Комлева, (?), директор детского дома Анастасия Александровна Волкова; средний ряд: Шурик Герасимов, Витя Федоров, Иван Цыбин, Ваня Кальноев; нижний ряд: Толя Савельев и Алик Босин.

Анна Буланкина

Ученица 7 класса средней школы №1 г. Тобольска. Победительница конкурса «Пишем книгу рекордов Тюменской области». Занимается в школьном музее и архиве Тюменской области. В 2013-м награждена путевкой на Кремлевскую елку в Москве.

В истории родного края Отечественная война 1941–1945 гг. отразилась на судьбах тысяч детей Ленинграда, которые были эвакуированы и проживали в Омской области (Тюменская область до 1944 года входила в ее состав). Работая над темой, я встречалась с детьми Е.Д. Кручининой, ленинградки, ныне прожива-

ющей в городе Тобольске; Д. Г. Крюковой, которая в годы войны работала завхозом в Тобольском доме отдыха, где жили сто детей блокадного Ленинграда; переписывалась с М. Е. Будариним, историком-краеведом, доктором исторических наук, в годы Великой Отечественной он был спецкором «Комсомольской правды».

Детей эвакуировали целыми школами, детскими садами, пионерскими лагерями. В Омскую область с августа 1941 года по ноябрь 1942 года прибыло 18634 ребенка в составе 118 детских учреждений. Зачастую к эшелонам подъезжали санитарные машины, маленьких пассажиров выносили на носилках и сразу увозили в больницы.

Вспоминает Е.Д. Кручининая (Веселова): «Приехали в Омск, в детприемнике, размещенном в бывшей колонии, прожили, как в аду, три месяца. Бывшие уголовники установили свои законы. И детей, которых несмотря ни на что сберегла страна, видевшая войну, смерть, били жестоко за каждую мелочь. Нас с сестрой Женей били за младших сестренок, которых мы защищали. Начались тиф, скарлатина.

Нижняя Тавда, 10-й класс.

Фото на память о новогоднем утреннике.

Младшая сестренка Валя сильно заболела. У нее не спадал жар, изо рта уже шла пена. Я стояла на коленях у постели сестренки и плакала: «Только не умирай...». Увезли сестренку в больницу, осталась она жива, вернулась худенькая, остриженная.

Прибывшие дети были расквартированы в Исетском, Армизонском, Полтавском, Абатском, Тарском, Сорокинском, Тобольском и других районах области.

До Тобольска машины добирались 10 суток. Февраль был бурным, снежным, машины буксовали, двигались буквально по десятку метров. Ребятишки сильно обморозились, изголодались, даже плакать уже не было сил. Грязные, оборванные, завшивленные — такими мы прибыли в Тобольск».

А вот что вспоминает Д.Г. Крюкова (Жукова): «Коллектив Тобольского дома отдыха радушно встретил более 100 детей от 8 до 19 лет. Мы все делали для того, чтобы дети не были оставлены без внимания. Питание дети получали 4 раза в день, с обязательным завтраком в школе. Промежутки между приемами пищи составляли 3–4 часа.

Общественно-полезная работа воспитанников была разнообразна и значительна по объему, особенно в период сельскохозяйственных работ весной, летом, осенью. Во всех детских домах старшие дети не только работали на полях, они также подвозили воду, дрова, продукты, поливали огороды. В засушливые дни, не считаясь с трудностями, на полив расходовали до тысячи ведер воды.

Тщательно готовились к сенокосу. Во время сенокоса жили в шалашах, строили кухню, выпускали боевые листки, читали газеты, художественную литературу.

Дарья Георгиевна Крюкова (Жукова).

Ко всем работам дети относились очень серьезно. Большим наказанием считалось лишение труда. В свободное время, в выходные дни занимались спортом, ходили на рыбалку, устраивали однодневные походы на озеро, реку, в лес. Зимой занимались в кружках: хоровом, драматическом, литературном, математическом, историческом, вышивки. Любили петь, танцевать, но музыки, за исключением десятка патефонов, не было никакой». Проводили литературные вечера, читательские конференции. Ярким и красочным праздником была Новогодняя елка. Переписывались с родителями, поддерживали связь с фронтом, посылали красноармейцам свои стихи. С фронта приходили отдельные маленькие книжки с боевыми эпизодами. Читали газеты и журналы, играли в шахматы. Дети с нетерпением ждали информации о положении дел на фронте.

Начинался новый учебный год, а в школу ходить было не в чем. В отдельных интернатах на двух человек имелась одна пара обуви. За год 80% детей получили по одной паре для пошива телогреек. Из города Иваново был получен вагон с хлопчатобу-

мажной тканью: 30 тысяч метров марли, 350 метров упаковочного материала, 700 метров бязи. Помимо спецфонда было получено 60 тысяч метров шерстяной материи, трикотажных изделий 4 тысячи штук, 1019 комплектов белья, 500 одеял, 11600 пар чулок и носков.

С хлебом было напряженно, вместо муки выдавали зерно, которое надо было получать за 30–40 километров.

Помощь эвакуированным детям оказывали местные жители, колхозы. Они предлагали интернатам в случае острой необходимости овощи, мясо. В 1942 году интернатам колхозники сдали 37 тысяч кг мяса, 106 голов скота, 240 центнеров картофеля, 36500 литров молока.

Бывало, детей после обеда спрашивали:

— Дети, вы сыты?

— Да!

— А еще бы поели?

— Да.

И еще долго маленькие ленинградцы прятали под матрацы кусочки хлеба про запас, на всякий случай».

Обслуживающий персонал интернатов нес ответственность за организацию и состояние работы, и каждый делал все возможное для сохранения здоровья детей. Взрослые поддерживали настроение детям, постоянно заботились о них. Большинство работников интерната работали так, что их труд измерялся не часами, не графиками, а необходимостью сделать все лучшее для детей. «Работают, забывая про отдых, личную жизнь, не считаясь со временем...».

Большинство воспитателей тогда не жили дома. Сдав смену, они штопали носки детям, шили, мыли полы и стирали. И если раз в месяц воспитательница получала выходной, то домой везла 3–4-х детей, чтобы дать им почувствовать тепло семьи. «Мы тысячи детей тогда приняли, старались, как могли, их боль унять. А дети эти часто по ночам кричали, все снилась им бежка и война опять...». Вспоминает А. Алешкевич: «Работа моя над темой еще не закончена, так как я продолжаю сбор архивных материалов о старшеклассниках, о взаимоотношениях ленинградских детей с местными жителями, о возвращении в город Ленинград детских домов и интернатов в июне-августе 1945 года».

Омичи в годы Великой Отечественной войны делали все возможное для детей блокадного Ленинграда: обеспечивали жильем, одеждой, заботились об их питании, быте, лечении, организации учебно-воспитательного процесса, досуге. Спасибо, Сибирь, тебе за это! 🇷🇺

Взгляд с неба

Наш проект называется «Взгляд с неба». Мы фотографировали обелиски, железные пирамиды, скульптурные композиции, плиты с фамилиями не только с высоты больше пяти метров, но еще специальным широкоугольным объективом, чтобы на снимках возникало ощущение взгляда тех, ушедших, словно это они всматриваются и вопрошают, достойны ли мы того, за что были отданы их жизни. Задумав проект, мы вряд ли сами предполагали, с какими открытиями столкнемся, какой отклик он найдет у общественности.

Поклон энтузиастам

Этот день для лета 2014 года выдался на редкость жарким. Очередная наша поездка по Свердловской области посвящена Невьянскому району. В эту поездку с нами отправились гости из Кракова: преподаватель кафедры российской филологии Государственной высшей профессиональной школы им. Станислова Пигоня в городе Кросно, он же руководитель польской группы в российско-польском проекте «Межкультурный диалог по-русски» Адам Новаковский и аспирантка Марта.

Отсняв большой мемориал с несколькими памятными комплексами в Невьянске, мы движемся

в сторону Быньгов и Таволог. Бывшая вотчина наследников Демидовых и Яковлева известна своим историческим прошлым. И уникальный Свято-Николаевский храм в Быньгах или, как его еще называют из-за особенностей конструкции, «чугунный», яркое тому подтверждение. На фоне его и установлен памятник погибшим в годы войны односельчанам. Памятник, словно птица с распростертыми крыльями, раскинулся на просторной поляне перед церковью, объединив под своей сенью всех, «с кровавых не вернувшихся полей».

Фамилии на плитах повторяются: однофамильцы или родственники. Одна из них стала темой для

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Паэгле

Публицист. Автор трехтомника «За колючей проволокой Урала», посвященного памяти жертв политических репрессий 1930–1950 гг., и нескольких других книг. Лауреат Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (2007 г.), а также Всероссийской литературной премии им. П.П. Бажова за 2009 г. Победитель Первого всероссийского конкурса научных и публицистических работ «Мы — многонациональный народ России» (2013). Член Союза журналистов России.

Вадим Осипов

Автор нескольких поэтических сборников, фотоальбомов, многочисленных публикаций в стихах и прозе в сборниках и периодике. Инициатор персональных фотовыставок и проектов, проходивших в Москве, Берлине, Нюрнберге, Гамбурге, Бремене, Кшижове (Польша), Екатеринбурге, Сыктывкаре, Челябинске, различных городах Свердловской и Челябинской областей. Лауреат премии «Чаша круговая» писателей Екатеринбурга (2005), награжден медалью «За служение литературе» Ассоциации писателей Урала (2008). Лауреат Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова (2008). Член Союза писателей России.

Фото Вадима Осипова

▲ Памятник погибшим висимочанам

бёдкино, по данным Всероссийской переписи населения, жило 675 человек. Это сколько же будущих Лебёдкиных потеряла деревня от того, что с фронта не вернулись домой 47 однофамильцев.

Чем дальше ехали мы по области, тем очевиднее и страшнее становились масштабы тех жертв, которые Урал принес Победе. Десятки фамилий на маленьких пирамидах и сотни — на плитах у мемориалов. И всюду — следы тщательного, человеческого ухода: покрашенные штакетники, белая штукатурка, букеты и гирлянды цветов.

Примета времени — восстановленные порушенные и поруганные храмы. Многие новые, да и старые памятники тяготеют к церквям, кроме звезд, на них появляются кресты. В деревне Кунарка, где еще Василием Татищевым в начале XVIII века была заложена лесопильная водяная мельница, памятник стоит об руку с храмом. И это естественно: ведь церковь слава молитвенным поминовением ушедших.

Было опасение, что памятники окажутся похожими друг на друга, но оказалось, что это совсем не так. Общее открывалось «взгляду с неба» в виде длинных столбцов и рядов фамилий, красных звезд и ярких пятен искусственных цветов, которые выдерживают капри-

▲ Курсанты Невьянского летного училища (Горохов В.М. в центре)

зы уральской погоды и не создают ощущения запущенности. А сами памятники предстали в художественном многообразии.

Остроконечные пирамиды на Руднике имени III Интернационала под Нижним Тагилом и высокая фигура солдата в Висиме-Уткинске; игла обелиска в Артях и «крылья» монумента в селе Быньги; объемная композиция тагильского скульптора Анатолия Неверова в Висиме и окруженный деревьями среди поля мемориал в Симинчах, дополненный фотографиями ветеранов войны, ушедших из жизни в последние годы...

Взгляд с неба — это взгляд народной памяти. Мостом к ней служат фамилии на плитах: только на сфотографированных нами — более семнадцать тысяч. Их потом-

ки и по сей день живут в тех же местах, и зачастую, спрашивая дорогу у местных жителей, мы заодно узнавали о том, что здесь выбиты и имена их родственников.

Нашим польским друзьям все происходящее вокруг было в диковинку. На их лицах мы читали удивление и непонимание.

Авиаторы и танкисты

В Невьянском районе живы традиции бывших поисковых отрядов. Ученица 10 класса школы №5 города Невьянска Анастасия Мехеева в своей работе «...В списках есть. Иных сведений нет» рассказала о своем поиске. В глубоко тыловом Невьянске был, оказывается, аэроклуб. Вот строки из сочинения Анастасии Мехеевой:

«Самым популярным лозунгом у молодежи 30-х годов был лозунг: «Да-

ешь 100 тысяч летчиков!». Он стал для многих путеводной звездой. Молодые люди стремились овладеть вождением самолета, стать летчиками. Не отстал от этого веяния и Невьянск. В 1936 году в нашем городе был открыт аэроклуб. Летное поле находилось в трех километрах от города, около дороги, ведущей в село Шурала. Там были построены и ангары для самолетов.

В период с 1936 по 1939 годы аэроклуб подготовил 136 летчиков на самолеты У-2. Впоследствии трое из них были удостоены звания Героя Советского Союза: Г. Т. Красота, В. Н. Сиротин и В. А. Верхоланцев. В 1984 году,

благодаря усилиям директора цементного завода А. Лазарева и инженера-конструктора этого же предприятия В. Спаи был установлен боевой самолет СУ-7 в память о курсантах аэроклуба. Из 136 воспитанников аэроклуба известна судьба 28. Об остальных сведений нет. Один из них – Виктор Михайлович Горохов.

О нём нет данных ни в Невьянском музее, ни в архивах аэроклуба. Я поставила перед собой задачу узнать его биографию, проследить его жизненный путь.

Поиск информации начала с городского музея, где мне предоставили сведения об аэроклубе. Далее я обратилась к интернет-источникам. В Общедоступном электронном банке документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» нашла скудные материалы о Горохове В. М. Оформила запрос и получи-

гу с записями, сделанными рукой летчика-штурмана Горохова, справочник штурмана, альбом с фотографиями, в том числе запечатлевшими празднование в 1986 году 50-летия Невьянского аэроклуба. На тот праздник со всего Советского Союза приехали многие его бывшие воспитанники, в том числе из Львова Герой Советского Союза Георгий Тимофеевич Красота. Поклонившись невянской земле, ветераны приняли участие в открытии сквера Авиаторов. Прделанная поисковая работа позволила Анастасии сделать вывод: «В списках есть. Иные сведения есть». И эти сведения дополнила она:

Теперь индивидуальная карточка В. М. Горохова в электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» будет полностью заполнена».

Достоинный пример меценатства по отношению к памятнику погибшим воинам описал в своем сочинении «Вечная слава павшим героям за советскую Родину» воспитанник Невьянского детского дома пятнадцатилетний Андрей Кичигин. Предметом его исследования стал памятник погибшим невянцам работы местного художника-скульптора Алексея Надтоки, который был открыт 9 мая 1967 г. возле кинотеатра «Урал».

Возведен он был из железобетона в виде прямоугольной глыбы, на которой сверху стоят солдат с преклоненным знаменем и девушка, возлагающая венки. По обеим сторонам постамента рельефы с изображениями боя. На передней грани металлическими буквами надпись «Павшим за советскую Родину». В 1979 году рабочие машиностроительного завода на свои средства и своими силами сделали косметический ремонт к тому времени обветшавшего памятника, что в целом проблему сохранности не решало. Памятник медленно, но неотвратимо погибал. Из сочинения Андрея Кичигина:

«В Москве гремели парады, ревели в небе стратегические бомбардировщики, по телевизору показывали хорошие патриотические фильмы. А памятник павшим в глубинке осыпался, распозался и готов был в любой момент пасть сам, как некогда пали герои, подвиг которых он призван увеко-

◀ Самолет-памятник курсантам Невьянского аэроклуба в поселке Цементный

▶ Летная книжка штурмана Горохова В. М.

ла сведения, что Горохов Виктор Михайлович родился и проживал в поселке Лёвиха Кировградского района.

Прделав огромную поисковую работу, Анастасия установила фронтовую судьбу Виктора Михайловича и послевоенные годы жизни. После демобилизации он приехал на родину жены – в Екатеринбург, где устроился работать на завод «Электроника», и трудился там с 1956 по 1969 годы. Умер в 1998 году в возрасте 78 лет. Более того, Анастасия нашла дочь Горохова – Наталью Викторовну Зыкову, которая предоставила в ее распоряжение интересные артефакты: штурманскую кни-

▲ Митинг у центрального мемориала в поселке Цементном 23 февраля 2015 года

вечить. И никто не знал, что с этим поделаться. Городу монумент не принадлежал. На него смотрели как на седого, увешенного орденами ветерана — уважительно, но и понимая, что он прожил уже долгую жизнь, и смерть не за горами.

И вдруг незадолго до очередного празднования Дня Победы в 2014 году один равнодушный русский человек решил этот памятник спасти. За свой счёт и своими средствами. Как некогда рабочие машиностроительного завода. Его зовут Андрей, он — основатель и руководитель фирмы, оказывающей ритуальные услуги и изготавливающей памятники.

Коллектив идею шефа поддержал, началась работа. Времени было в обрез, до Дня Победы оставалось совсем немного, а сделать предстояло достаточно. Группа добровольцев, представляющих ритуальную компанию, потратила 16 дней на то, чтобы наглядно продемонстрировать своё уважение к подвигу дедов, воевавших за Родину в Великой Отечественной войне.

Как это обычно бывает, по ходу работы планы изменились в сторону увеличения трудоёмкости. Сначала хотели использовать мрамор, а потом решили, что если уж делать, так делать на века, и взяли гранит. Ровно в 00 часов 30 минут с 8 на 9 мая работа была полностью завершена.

Для нас, живущих сегодня, это в первую очередь хороший пример патриотизма не на словах, а на деле. Именно такими малыми усилиями мы должны крепить связь времён, ведь за каждым из нас — свой город, своя совесть и своя память».

В поисках того места, где тренировались курсанты аэроклуба, мы попали в поселок Цементный, что находится с противоположной стороны трассы от Невьянска. Сколько раз приходилось проезжать мимо, и только теперь довелось узнать, как много интересных событий было в поселке. Где находится самолет, в поселке знают все и указывают направление. На са-

мом деле боевую летную машину видно сразу, как только подъезжаешь к скверу напротив школы. СУ-7 будто и сегодня стремится ввысь, набирая высоту над капсулами с названием городов-героев, полукругом установленных вокруг постаментов. Вот здесь и тренировались аэроклубовцы.

Второй интересный экспонат находится у здания школы. Это — танк Т-64, побывавший в боевых

действиях в Афганистане. Он заменил установку СУ-122, фронттовую машину, во время Великой Отечественной войны принимавшую участие в битве на Курской дуге, известной как сражение танков. Откуда же в Цементном, глубоко тыловом поселке, такой интерес не только к самолетам, но и танкам?

Об этом вам подробно расскажут в школьном музее Боевой Сла-

вы, имени Первой гвардейской Чертковской дважды ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковой бригады имени Михаила Ефимовича Катукова. По богатству фондов он равен иному городскому музею, а по их уникальности — неповторимому. Из 128 жителей поселка, ушедших на фронт, трое — Георгий Иванович Мамаев, Алексей Николаевич

танкист — дружил с катуковцами и предложил школьникам поддерживать его дружбу. И тут самое время подойти в музей к галерее портретов, которую открывает, как и положено командиру, Михаил Ефимович Катук, легендарная личность, военный деятель, маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. 4-я танковая бригада под его командованием первой в Красной Армии получила гвардейское знамя и стала именоваться 1-й гвардейской танковой бригадой. В 1945 году танкисты под командованием Катукоса освободили Польшу и Германию, участвовали в Берлинской операции. Умер Михаил Ефимович в 1976 году. Вот с таким легендарным человеком, его женой Екатериной Сергеевной и сослуживцами дружил школьный музей поселка Цементного. В коллективной работе, выполненной под руководством учителя русского языка и литературы Юлии Николаевны Откидач, одиннадцатиклассники вспоминают катуковцев, которые состояли в переписке со школьным музеем. Из школьного сочинения:

«...Владимир Иосифович Антонов долгие годы поддерживал дружеские отношения с нашей школой. Он присылал письма с поздравительными открытками, делился своими фронтовыми историями, воспоминаниями. Писал нам и Николай Павлович Головнев, который во время ожесточенных боев с гитлеровцами трижды горел в танке. По этому поводу его комбриг шутил: «Трижды ты горел и остался жив — значит, жить тебе долго». Также наш школьный музей поддерживал связь с Василием Владимировичем Ярошенко, младшим лейтенантом в отставке, бывшим механиком-водителем танка Т-34, экипажа комбрига Горелова В. М., одним из старейших ветеранов 1-й гвардейской танковой бригады».

Создатели музея, учителя Вера Алексеевна Барсукова и Николай Федорович Нарожный, работавшие в школе в 70-х годах, со своими классами выезжали на встречу с танкистами-ветеранами, знакомились, общались, участвовали в раскопках на местах боев, в том числе и на Курской дуге. В итоге собран колоссальный материал, размещенный как на стендах и в витринах главного зала музея, так в его фондах и фотогалерее. Здесь и документы танкистов, и фотографии, их личные вещи, переданные в музей, и артефакты, найденные

поисковым отрядом. Замечательно то, что традиции, заложенные поисковиками 70-х годов, продолжают и сегодня. Под руководством учителя Ольги Валерьевны Третьяковой действует совет музея.

Недавно поисковики клуба «Держава» из Невьянска, который является филиалом нижнетагильского «Соболя», передали в музей лопатку бойца, найденную при раскопках. Отряд «Держава» существует пока первый год, ребята седьмого класса из поселка Цементный ездят туда на занятия, где проходят обучение, чтобы в будущем тоже участвовать в поиске и полевых раскопках.

Одновременно с созданием музея катуковцев школьники собирали материал и об участниках войны своего поселка. И архив папок под названием «Равнение на подвиг» поражает объемом и значимостью собранного материала. Примечательно то, что его используют не только для написания современных исследований, но и в ходе новых поисков дополняют прежде собранный материал. Это подтверждают и сочинения, присланные на конкурс «Взгляд с неба».

Три работы написаны под руководством учителя русского языка и литературы Татьяны Аркадьевны Лабзун. И в каждой из них говорится о современных исследованиях: сборе устной истории — беседах с детьми и внуками участников войны, изучении документов и первоисточников, поиске артефактов, работе с материалами школьного музея. А предметом исследования являются фамилии участников войны на центральном мемориале поселка. Работа десятиклассницы Анастасии Силуяновой посвящена судьбе женщины на войне, которую ей помогают понять фронтовые письма. Из сочинения школьницы:

«Война — это и письма... Они хранят в себе много тайн... Содержимое фронтового письма заставляет людей плакать, но слезы разные...»

В семье Анны Екимовны Филимоновой сохранилось 12 фронтовых писем, и я прочитала каждое из них на несколько раз. Читаешь и чувствуешь себя частью великой истории и с некоторой осторожностью прикасаешься к чужой судьбе, с интересом вчитываешься в каждую букву, и на глаза так и навертываются слезы...

Старая бумага, смятая на сгибах больше семидесяти лет назад. Я с трепетом разворачиваю листы со следами времени. Выцвели чернила, бума-

▲ О.В. Третьякова в школьном музее боевой славы

Паньшин, Гатьян Сарахатулин — служили в Уральском Добровольческом танковом корпусе. Но даже не это стало главным поводом для проявленного интереса к танкистам. Еще один фронтовик поселка Сергей Георгиевич Акилов — тоже

Обычно, когда думаешь о России, мыслишь — Москва или Петербург. Но ведь эти города существуют как некие отдельные миры. В поисках настоящей России лучше добраться до городов поменьше, а лучше всего — именно до деревень. Нам это удалось летом 2014 года, на далеком Урале.

Наша цель состояла в том, чтобы найти и сфотографировать находящиеся там памятники погибшим в Великой Отечественной. Мы думали, что к этому надо особенно подготовиться, но оказывается,

◀ Памятник первым добровольцам села Курья

га потёрта, но эти истерзанные войной странички хранят в себе огромнейшую силу. У каждого треугольника своя история... Раскрываю их, в каждом письме немного слов, но они такие важные. В них и холодное дыхание войны, грубость суровых окопных будней, но и тепло солдатского сердца, вера в светлое будущее...».

Исследование другой десятиклассницы, Анастасии Ткачук, посвящено значению памятников в истории общества.

«Знаком памяти являються памятники и обелиски павшим на полях сражений Второй мировой войны. А над их прахом ломаются копы научных дискуссий, уличных митингов, споров на сайтах: «Переписывать историю или нет? Памятники сносить или нет? Перемещать останки или нет?.. Каждый раз, проходя мимо мемориала в центре нашего поселка, я перечитываю фамилии тех, кого уже нет в живых. И невольно задаюсь вопросом: «Кем были эти люди? Как сложилась их судьба? Каким был их боевой путь?»

В местном школьном музее боевой славы активно принимаю участие во многих беседах и собраниях. Меня заинтересовала судьба командира батальона Калининского и Белорусского фронта Полекишианова Ивана Миновича. Я решила больше узнать об этом герое: пройти вместе с ним по его боевому пути, самостоятельно найти материалы, по возможности найти членов его семьи и услышать их».

В ходе поиска Анастасия нашла детей фронтовика и с их помощью восстановила его фронтовой и жизненный путь.

«Все, что сохранилось об участниках войны — их воспоминания на пожелтевших от времени страницах, документы, личные вещи и фотографии, воспоминания ближайших родственников, — все

это тоже стало своеобразным памятником. Из таких воспоминаний обычно и складывается историческая память, память поколений, которую можно и, самое главное, нужно передавать из рода в род, из поколения в поколение».

Школьники поселка Цементный умеют чтить и хранить память.

Послесловие

Зимой 2015 года мы получили письмо из Польши от Адама Новаковски. Он писал: «Польские истории, которых изучение России одновременно привлекает и отталкивает, часто повторяют, что Великая Отечественная война — всего лишь миф, плод пропаганды сталинских времен. Это была война Гитлера и Сталина. Не было никакого добровольного, патриотического порыва среди народа. Советских солдат воевать заставили террором. Этим высказываниям я никогда не верил, а наша летняя поездка по уральским деревням меня в этом окончательно убедила.

▲ Танк Т-34 — часть мемориала в Зайково

что достаточно попасть в любой поселок — там обязательно памятник есть. Побольше или поменьше, с сотнями фамилий или десятком, но он всегда есть. Не маршалам, но в основном простым, рядовым солдатам — сынам этой земли, о личных подвигах которых историки обычно молчат. Местные жители об этих сооружениях заботятся и приносят свежие цветы не только 9-го мая.

Эта летняя поездка по уральским деревням запала нам глубоко в память и заставила задуматься. Я вдруг стал замечать, что в каждом польском городе стоит памятник Юзефу Пилсудскому*, но памятник рядовым солдатам — настоящая редкость. Не только в крупных городах, но тем более в маленьких поселках и деревнях. Не знаю почему». **УС**

* Юзеф Пилсудский (1867–1935) — польский государственный и политический деятель (прим. авторов)

На Урал пришло ЛЕТО 2015

Международная туристская выставка «ЛЕТО 2015» с успехом ознаменовала открытие летнего туристического сезона. В мероприятии приняли участие более 8500 представителей туриндустрии, 270 компаний-участников из 17 регионов России и 20 стран мира. Уникальные продукты и услуги участников позволили сформировать тематические блоки, такие как «Выставка недвижимости», в рамках которого были представлены рынки недвижимости Греции, Болгарии, Вьетнама, ОАЭ и Великобритании, и «Лечение в России и за рубежом», где помимо обширных возможностей оздоровления в России были представлены возможности лечения в Германии, Литве, Словении и др. странах.

В профи-дебатах «Туризм. Перезагрузка», ключевом деловом мероприятии выставки, приняли участие главы профессиональных туристских объединений, представители авиакомпаний, консульств, крупных туроператоров. Украшением выставки «ЛЕТО 2015» стала экспозиция картин заслуженного художника России Виталия Воловича «Виды старого Екатеринбурга». Деловое общение завершилось грандиозным вечерним приемом, организованным компаниями «Ната-

ли Турс» и «Экспоком». Как и прежде, гости собрались в просторном зале ресторана «Космос», чтобы отдохнуть от насыщенного событиями дня и обсудить планы на предстоящий сезон. Музыкальным сопровождением мероприятия стало зажигательное выступление группы «Столичный твист». Вечер прошел в теплой непринужденной обстановке в кругу добрых друзей из самых разных уголков планеты, объединенных общей целью – развивать туристическую отрасль на Урале.

Нефрит не является самостоятельным минералом, это горная порода, представляющая собой минеральный агрегат, состоящий из амфиболов — волокнистых силикатных минералов сложного состава.

Нефрит

В основном нефрит образован массой спутанных волокон амфибола актинолита (от греч. «актис» — «луч» и «литос» — «камень»), с включением различных примесей. Наличие в составе примесей двухвалентного железа определяет основную цветовую гамму нефрита — от светло-зеленых, почти белых, до темно-зеленых и даже черных тонов. Встречаются и его редкие цветовые различия голубых и красных оттенков, определяемых присутствием хрома и марганца. Волокнистое строение придает нефриту высокую прочность и вязкость, сравнимую с характеристиками некоторых легированных сталей. Эти свойства, наряду с благородной окраской, и определили значение нефрита как уникального поделочного и юве-

лирного камня. Название «нефрит» связано со старинным поверьем о лекарственных свойствах камня при почечных заболеваниях. Единственным основанием для этого поверья было внешнее сходство окатанных желваков нефрита с человеческой почкой (греч. «нефрос» — «почка»), в России его часто и называли почечным камнем. Особо нефрит ценится в Китае, где он считается главным национальным камнем — «камнем жизни». Археологические данные свидетельствуют, что на территории Юго-Восточной Азии нефрит люди начали использовать еще в мезолите — более 8 тысяч лет назад. В России нефрит никогда не был столь популярен, до 1863 года он вообще не выделялся в от-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Евгений Тамплон**

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

Фото автора

дельный минеральный вид, а вместе с жадеитом считался одним минералом — жадом. Интерес к нефриту в нашей стране стал проявляться после находки в середине XIX века крупного месторождения в Восточных Саянах, где геологом Г.М. Пермикиным по берегам реки Онет* сначала были обнаружены крупные нефритовые валуны, а следом и коренное месторождение. На российский нефрит обратили внимание мастера Петергофской гранитной фабрики, закупавшие до этого нефрит в Китае. На всемирных выставках в Лондоне и Париже в 1862 и 1867 годах ими впервые демонстрировались изделия из саянского нефрита, не уступавшего по качеству и эстетическим свойствам китайскому. До середины прошлого века восточно-саянские нефритовые месторождения оставались единственными в России, но крупно масштабные геологические исследования восточных регионов страны, проведенные в послевоенное время, существенно изменили картину. Месторождения нефрита были открыты в Западных Саянах, на территории Бурятии, на севере Краснояр-

ского края и в Витимском районе Забайкалья. Порадовал геологов и Урал. На Южном Урале небольшие количества нефрита были обнаружены в Наралинских горах. Его начали добывать в Учалинском районе Башкирии из россыпи Козьма-Демьяновского месторождения золота. Находили нефрит в верховьях реки Ирмель и на горе Большой Бикиляр. На Среднем Урале небольшие проявления нефрита были обнаружены на Баженовском месторождении хризотил-асбеста. Но все эти месторождения и проявления не идут в сравнение с нефритовыми месторождениями Приполярного Урала. Здесь наиболее известна Лево-Кечельская группа месторождений, а также месторождения Каровое массива Рай-Из и Пусьерка массива Сьгум-Кей. Прочностные качества местного нефрита не уступают ни саянскому, ни китайскому, а запасы ювелирной разновидности зеленого камня оказались настолько велики, что стала возможна его промышленная добыча. **УС**

*Впервые нефрит на реках Онет и Бибой был обнаружен учителем иркутской гимназии Н. Шукиным в 1826 году, но подробное описание месторождения было сделано Г.М. Пермикиным.

Ощущение благодатного ОГНЯ

Встречный ветер

▼ 10–11 апреля состоялась поездка уральцев в Иерусалим на церемонию схождения благодатного огня в Храме Гроба Господня. По инициативе президента благотворительного фонда «Таганский» Ивана Вилкина, при финансовой и организационной поддержке ЗАО «Таганский ряд» автор оказался на самолете «Уральских авиалиний», на котором летели священнослужители Екатеринбургской и Пермской Епархий Русской православной церкви, паломники. Современный Храм Гроба Господня — это огромный архитектурный комплекс, включающий ротонду — сооружение с огромным куполом, под которым непосредственно над погребальной пещерой издревле находится специальная часовня — Кувуклия. Слово «Кувуклия» означает «царская опочивальня».

Современная Кувуклия представляет собой часовню размером около восьми метров в длину и шесть метров в ширину. Как и в евангельские времена, Гроб Господень, Святая Гробница, в настоящее время состоит из двух комнат: небольшая «погребальная камера», почти наполовину занятая каменным ложем — аркосалием, и вход-

ное помещение, называемое приделом Ангела. Чудо схождения благодатного огня на Гробе Господнем накануне Праздника Светлого Христова Воскресения, в Великую Субботу, известно давно. С 8 часов утра начали запускать в Храм паломников и священнослужителей. Нам удалось войти около 10. К полудню Храм заполнило око-

ло двадцати тысяч ожидающих людей: паломники, полицейские, оснащенные огнетушителями, мусульманские стражники, кавасы со своими фирменными жезлами с металлическими наконечниками, которыми они, постукивая по каменному полу, предупреждают находящихся в Храме о том, что движется какая-то процес-

сия, священнослужители. После проверки Кувуклии на наличие источников огня ее вход опечатали большой восковой печатью. Затем появились молодые православные арабы, они начали возносить свои молитвы, плясать, бить в барабаны. Через какое-то время вынесли хоругви, вокруг Кувуклии трижды обошел крестный ход;

затем Иерусалимского Патриарха разоблачили до подризника и он вошел внутрь. В этот момент в Храме выключились все паникадила и все освещение вообще.

Вдруг вход в Кувуквию озарился оранжевым светом, после в Храм словно выплескивается волна огня. Огонь распространился по Храму за счет воз-

горания свечей — одна от другой, и через несколько минут вокруг словно все вспыхнуло! Наверное, в этот момент был самый яркий накал эмоций у присутствующих. Затем волна людей с огнем всколыхнулась и двинулась к выходу. Огонь, дым, запах парафина и — восторженные, умиротворенные лица. **УС**

▶ Чудо свершилось, от свечи загли лампаду, которую на автомобиле доставили на самолет, готовый к вылету. Таможенные процедуры в аэропорту Тель-Авива — шутка ли, в нарушение всех инструкций огонь на борту воздушного судна! Перелет до Екатеринбурга. В полночь на высоте десять тысяч метров началась Пасхальная Утреня — все согласно канонам. Это было второе потрясение: самолет, благодатный огонь в проходе и сто двадцать человек в едином молитвенном порыве «Христос Воскресе!». Такое в небе случилось, пожалуй, впервые. После приземления, около часа ночи, от лампад благодатный огонь был передан ожидавшим и разъехался по храмам Среднего и Южного Урала на праздничную службу.

Встречный ветер

Обитель

В последнем этюде «Верхотурских былей-небылей» повествуется о судьбе настоятеля Николаевского монастыря отца Ксенофонта — строителя Крестовоздвиженского храма.

Крест отца Ксенофонта

Архимандрит Ксенофонт, бывший настоятель Верхотурского Николаевского монастыря, умирал в поселке Медвежья Гора, штаб-квартире Беломоро-Балтийского исправительно-трудового лагеря. Его доставили сюда весной 1932 года — на трехлетний срок по групповому делу об антисоветской агитации. Однако медицинская справка о «старческой дряхлости, миокардии и правосторонней грыже» держала его на правах ссыльнопоселенца.

Приютила неразговорчивая вдова рабочего здешней лесопилки. В ее деревянной халупе без мужика стало пусто. Устроила за стенкой зимовать козу, а к весне вот поселенец подвернулся — какая-никакая, а копейка в доме. Да только нездоров оказался, дня не работал на стройке лесозавода — сразу и слег. И зовут, окажись, как ее мужа-покойника — Константином.

Отец Ксенофонт не помнил дорогу сюда из Нижнего Тагила. Какие-то жалкие обрывки. То лицо чье-то мелькнет, то станционная суতোлка, а дальше — только трясущийся и будто надающий на него потолок телячьего вагона... А вот что он видел ясно, как божий день, так это улицу в родном поселке Северского завода, соседский почему-то дом с вечно недокрашенными воротами и девочку Ньюшу. Стоит будто она и молча протягивает ему большое, даже не надкушенное яблоко. А он смотрит на нее, на яблоко и замирает от невысказанного испуга. Сейчас отец Ксенофонт прекрасно знает, что след этого детского ужаса навсегда запечатлелся на его лице как маска.

И вот от этих недокрашенных соседских ворот, от этого целехонького яблока и неимоверного испуга началась здесь, в Медвежьегор-

ском ИТЛ, недавно зародившемся для стройки Беломорканала, неотвратимая исповедь отца Ксенофонта. И духовником не мог он себе измыслить никого, кроме вопрошающей соседки Ньюши. Может быть, потому здесь и сейчас, что за дол-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

И.о. настоятеля Далмановского монастыря
иеромонах Ксенофонт. 1904 г.

Закладка Крестовоздвиженского собора

гое время послереволюционных мытарств впервые оказался он в изгнании тепле и одиночестве.

Предстал он себе нынешнему бельцом, отбывающим послушание в монастырской канцелярии. Помнится, лето было 1898 года. В стены Верхотурского монастыря, незнакомо вбирающего тогда общежительные порядки, прибыли по велению епархиального начальства несколько подростков-законоослушников — на исправление. Чумазые, громко-голосые, глаза вразбег, они собирали вокруг себя и послушников, и мальцов из церковного хора. Ни удержу не знали, ни устава. А однажды после трапезы один из прибывших на глазах у всех схватил «Житие преподобного Симеона чудотворца», рванул клочок страницы, насыпал из кармана табаку, изладил самокрутку и, чиркнув спичкой, зажег. Окружающие, онемев, смотрели на неслыханное в этих стенах кощунство. Огонек, едва обуглив край цыгарки, погас. Парень чиркнул снова, потом еще и еще. Бумага «Жития...» никак не давалась огню. Кто-то из послушников хихикнул, и святотатец, швырнув самокрутку, бросился на него с кулаками...

Событие разнеслось по всем кельям и закоулкам. Судачили также и о том, что настоятель, отец Иов, валаамский посланник, в докладе епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому Преосвященнейшему Христофору просил оградить

Архитектор А.Б. Турченко

вверенную ему обитель от присылки несовершеннолетних преступников, смущающих веру.

Ночами у послушника Константина Медведева горели уши, сон не шел к нему. Происшедшее не давало покоя. Он воочию видел мать того несчастного святотатца вопрошающей: «А где тогда, Отец небесный, спасись сыну ее и ей самой, если даже монастырская обитель отказала в спасении? Ведь Симеон-от праведный остановил, огню не дался. Указал, значит, путь...».

Это ночами. А днями того же лета 1898-го архимандрит Иов подал рапорт в Екатеринбургскую духовную консисторию о пострижении в монашество Константина Медведева, сына рабочего Северского завода, выдержавшего четырехлетний искус послушанием в канцелярии. Консистория, прав-

да, отказала по недостижении возраста, и монашеский клобук новоиспеченный чернец Ксенофонт надел только в 1901-м.

...Девочка Нюша наморщила лобик, надкусила яблоко и опять протянула ему. А новоиспеченный инок Ксенофонт уже не мог остановить дальнейшего течения событий, словно бы они происходили без его участия. Трех дней не прошло после пострига, а он уже иеродиакон. В том же 1901-м исполняет обязанности монастырского казначея, а через полгода рукоположен в сан иеромонаха, черноризного священника, набедренника удостоен за усердие. Еще через год вся монастырская казна под приглядом выученика Северского на-

чального училища. Да что казна! В 1905-м монастырская братия, поперек существовавшей традиции, сама избирает его своим настоятелем! Фотоснимок той поры передает нескрываемое недоумение на его лице. А на утро следующего дня...

Кровь стучит-колотится сейчас в голове отца Ксенофонта. Все предыдущее шло к этому дню 12 сентября 1905-го — к моменту закладки храма в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. И не надо ему лукавить: не само шло, а каждодневным его усердием. Поездками в Екатеринбург, на Моговилиху, на оренбургскую храмовую новостройку — в поисках храмового образца; обретением техническим надзирателем искусного архитектора

Александра Турчевича, поиском надежных подрядчиков земляных, каменных, кирпичных и отделочных работ. Скрупулезным накоплением финансов собственными монастырскими трудами, скромными подаяниями прихожан, милостью попечителей и благотворителей. Первой был на стройке фигурой. И блок за блоком, кирпич за кирпичом росла невиданная в здешних краях храмина. Каждый год тем же сентябрьским днем, когда были обретыны монастырем меркушинские мощи Святого Симеона Праведного, катафалк с ракой при высоких гостях и стечении верхотурских обывателей крестным ходом обносили вокруг поднимающегося к небесам храма. Исторические фотоотпечатки запечатлели зачатки этой несметной толпы в се-

рых картузах и платках, в многоношенных одежонках. Уныло взирала на тучнеющую обитель скособоленная деревянная округа, смятенная слухами о дальних и близких мятежах и нестроениях. И мнилось тогда отцу Ксенофонту, что каждым кирпичом, каждой вложенной в крепкий раствор копейкой возносится оплот нерушимой православной веры, могущей остановить наступающую со всех сторон апостасию*. Вот уже купола поднялись. Лепниной, росписью и убранством обрастают стены изнутри и снаружи. И новый архипастырь Екатеринбургский и Ирбитский Преосвященный Митрофан после Божественной Литургии освящает храмовые кресты, и ратью неборимой поднимаются они над округой. «Крест Царей Державо, — на-

чертано на юго-западном углу храма, а на северо-западном: — Крест праведных крепость».

А следы испуга на лице настоятеля Ксенофонта то и дело ловит и являет на снимках фотоспешка магния. И подступает, чуется ночами какая-то иная суть происходящего. Не мог отец Ксенофонт взять в толк причину этих тревожных бдений. Если бы только вечная нехватка средств для оплаты выполненных работ, если бы какой-то его недогляд... Это настоятелю не впервой. Но, вознося храмину над неверием, верил ли он сам неподкупно в праведность творимого им?

...Девочка Ньюша еще надкусила яблоко и протягивает ему. Да она и не девочка уже, а девица Аня, Аннушка в бело-синем пестрядином сарафане, поясочком забранном. Господи, как ее по батюшке-то Ньюшу-Ньюру? Никак Поликарповна? Ведь и не спросишь через естоль верст! А надо, надо вспомнить... Что-то кроется за этим бытовым пустячком. Поднимаясь над верхотурским миром выше и выше, поднимал ли храм за собой и человека? Или как в стихире Великой субботы: «Да молчит всяка плоть человека и да стоит со страхом и трепетом»? А не пропасть ли разделяла «державо царей» и «крепость праведных»? Не от того ли и падают храмы и державы, что непомерно возносят символ свой над сутью и плотью, теряя свя-

тость? А не шептал ли ему теми ночами нестяжатель Семейко Пинежанин: не строй, Костька, церковь, пристрой сироту! Да уж не великолепными ли руинами рухнувшего державства и веры кичатся города и веши мирового пространства?!

Утишилась вдруг боль во чреве отца Ксенофонта, и только кровь деревянным плотницким молотком стучала в голове. И все ближе, ближе тянулась к нему Ньюшина рука с надкушенным яблоком.

11 сентября 1913 года, в канун храмового праздника, произошло освящение нового трехпрестольного храма в честь Воздвижения Честного и Животворного Креста Господня, приуроченное к торжеству 300-летия Дома Романовых. Соборный храм вознесся над одноэтажным Верхотурьем памятником труду и таланту в большинстве своем безымянных архитекторов, мастеров каменного, кирпичного, известкового дела, искусных московских керамистов, сработавших чудный трехъярусный светло-бирюзовый фаянсовый иконостас, иконописцев столичной же мастерской С.К. Шварова, населивших это фаянсовое чудо живописными образами, писанными на дощатом цинке...

В день освящения его многотрудного детища и настоятель монастыря иеромонах отец Ксенофонт был возведен в сан архимандрита. Ему вручили тяжелый архиерейский жезл. Тяже-

лый, сказать, не по весу, а по той настоятельской ответственности, что предстояла отцу Ксенофонту на его остатном житейском и духовном поприще. Ибо где не ударит теперь его пастырский посох, там в большинстве и напасть, там и искушение.

Но глас Симеона, миром обетованного святого, услышан был Ксенофонтом. Первую после того сентября всенародную беду — мировую войну — его обитель с нововозведенным соборным храмом встретила более чем достойно. Попечением настоятеля и братии монастыря она оказалась, буквально сказать, на военном положении. С началом мобилизации именно в стенах обители были сформированы три дружины ратников-ополченцев, которые до выступления на передовую квартировали и обучались в монастырских зданиях. Одной из этих верхотурских дружин, отправлявшихся на войну, отец Ксенофонт с разрешения епархиального начальства вручил знамя, хранившееся в монастырской ризнице. Это знамя в Севастопольскую кампанию 1855 года реяло над дружиной тогдашнего верхотурского ополчения.

С момента объявления войны в монастыре был оборудован госпиталь и содержался на его средства. Другой лазарет под флагом Красного Креста разместился в монастырской гостинице.

Монастырь приютил и обогрел заботой несколько десятков детей воинов и беженцев, обеспечив их питанием, одеждой и обувью, а также обучением грамоте в монастырской двухклассной церковно-приходской школе. Одновременно дети приобщались и к сельскому труду — хлебопашеству и огородничеству. Попечением отца Ксенофонта была образована для них сельскохозяйственная школа, а казна отвела ей земельный участок.

Другой монастырский приют собирал увечных воинов, а с началом 1915 года в помещениях обители было расквартировано более 500 австро-германских военнопленных.

Монастырская братия и послушники собирали, что могли, для воинов и пленных, томлящихся в станах врага: одежду, обувь, прочий бытовой обиход, крестики и иконы с образом Праведного Симеона. Все вплоть до 130 пудов ржаных сухарей.

Нельзя обойти молчанием и то, что обитель проводила на войну из состава своей братии более пятидесяти человек, обмундировав их и снабдив пособием. Это была четвертая часть штатного числа братствующих в Николаевском монастыре!

Торжество обнесения мощей Св. Пр. Симеона Верхотурского вокруг Николаевского храма

Ровно и спокойно билось сердце отца Ксенофонта, когда стояли перед его внутренним взором события и дни, предшествующие вихрю апостасии, налетевшей с революцией и Гражданской войной. Монастырь жил нуждами страны, заботами монарха. И девочка Ньюша в юбке-поневе, поди-ка уже и мужняя жена, чуть улыбалась ему, протягивая уже ополовиненное яблоко.

И утишилась боль во чреве.

Но память гнала и гнала лошадей.

Новая власть, чуждая отцу Ксенофонту и всему монастырскому укладу, набирала свои страшные обороты.

Казалось, у него не было выбора — только на восток, с уходящей армией Верховного правителя адмирала Колчака.

Но неисчезаемо реяло письмо от некоей «духовной дочери Лапиной», написанное четким правильным «комсомольским» почерком без единой грамматической ошибки, коих даже он, вчерашний бухгалтер, теперь не умел избегать: «Я думаю, Вы не идете же против народа, против его власти. Давно зная Вас, я полагаю, Вы учтете многое, сумеете сказать и сделать так, как нужно. Докажете словами, а потом делом, что Вы совсем не контрреволюционер, что Вы им никогда не будете, ни тайным, ни явным, что никакая сила не может заставить Вас идти против власти народа, против власти трудящихся».

Отец Ксенофонт мучительно пытался вспомнить сейчас лицо этой «духовной дочери», а оно никак ему не давалось. Все маячила Ньюша, ее светло-голубые глаза в едва заметных ресницах и веснушках. И слова теперь будто бы ей, девочке Ньюше, принадлежали, что «никакая сила не может заставить...». Как ни пытался отец Ксенофонт отринуть их от себя, а какая-то Симеонова правда, от них исходящая, отринуть не давала.

Вот так и влачилсЯ он вслед за отступавшими один в крытой повозке, двумя лошадьми влекомой. Ноги, ска-

зять, несли, а в голове стучало-буhalo: от кого бежишь, отче, и куда? Версты ой как трудно давались. Он считал: три, четыре, пять по разбитой повозками и солдатскими обутками Бабиновке...

На шестой версте его тарантас с ма-том остановили пятеро солдат:

— Эй, кто там, вылазь!

— Э, робя, да тут никак батюшка?

— А хошь дух святой! — пьяно ото-звался третий. — Он чо ли пушку-те потащит, мать твою...

— Ты, отче, не сердчай. Сиди себе. Мы только твоих лошадок перепря-жем. С Богом-то тебя и наша кляча куды хошь доставит. А нам Бог-от нон-че, видно, не помощник.

— Не мотай боталом, распрягай!

Это был знак судьбы, и, оставшись на обочине один, отец Ксенофонт с полгчавшим сердцем повернул свою но-вую клячу назад.

Как жилось ему потом в рас-христанной стране? Монастырь его то оживал и возносился, то падал и окружался ржавой тюремной колоч-кой. То надежда церковного обнов-ленчества вдруг затепливалась в отце-настоятеле мерцающей свечой, то гну-ло к земле отчаяние. То стоял он пе-ред поредевшей братией и прихожа-нами апостолом веры православной, а то влачил свои дни в сырой кутузке или на принудительных работах. Так было вплоть до раскрытой по кивку его головы руками братии раки с мо-щами Святого Праведного Симеона. И грянул миг в череде тех взлетов и па-дений, когда холодная десница его вы-водила на каком-то бланке подпись под согласием быть осведомителем... Все смешалось тогда в его сознании, и только один колотился в голове во-прос: чьи же мощи-останки открылись дневному светилу и обтроганы руками апостасии: бритоголового следовате-ля ОГПУ? Духовной дочери Лапиной? Архиепископа-обновленца, сбежавше-го за рубеж?.. Чьи?..

Стучали колеса. Дрожал и падал на него вагонный потолок...

Документ Коллегии ОГПУ о до-срочном освобождении из Медве-жьегорского ИТЛ и ссылке на остав-шийся срок в некий «Северный край» был наскоро сочинен и дати-рован мартом 1933 года. К этому вре-мени, по свидетельству его «подель-ника» иеромонаха Игнатия (Кевро-летина), отец Ксенофонт уже два ме-сяца покоился на медвежьегорском погосте... ❧

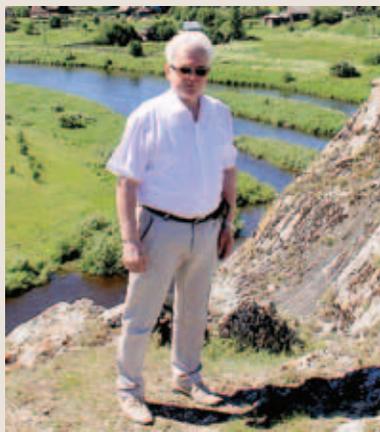
* Апостасия (греч.) — вероотступничество, полное отри-цание церковного учения.

◀ Медвежьегорский ИТЛ

Остров Борисихина

25 апреля скоропостижно скончался

Юрий Сергеевич Борисихин, журналист, педагог, путешественник, более десяти лет возглавлявший в нашем журнале отдел публицистики.

Вот главные вехи его биографии: окончил факультет журналистики УрГУ. Работал в «Уральском следопыте». Стал инициатором присвоения имени журнала одной из без-ымянных горных вершин Припо-лярного Урала. В качестве корре-спондента «Следопыта» участвовал в трансконтинентальной экспедиции вдоль арктических берегов нашей страны, организованной газетой «Со-ветская Россия». По итогам этой экс-педиции написал книгу «10000 ки-лометров полосом недоступности» (1984). Стал одним из зачинате-лей в тогдашнем СССР ЮНЕСКО-вского движения: инициировал пер-вый клуб ЮНЕСКО «Рубежи», поло-живший на Урале начало широко-му клубному движению под флагом этой международной организации, создал, стал руководителем и душой молодежной Открытой школы лиде-ров ЮНЕСКО.

Каждое из этих начинаний Юрия Сергеевича отмечено печатью само-стоятельности и инициативы. В груп-пе ли покорителей вершин, в упряж-ке ли полярников, в коллективе ли Национальной федерации содей-ствия ЮНЕСКО он всегда выбирал и держал свою тропу.

На многолюдном прощании с покойным в зале екатеринбург-

ского Театра юного зрителя мно-гие выступающие говорили о том, что благодаря самостоятельнос-ти и энергии Борисихина го-род Свердловск-Екатеринбург об-рел свое место на карте мира как центр толерантности, духовно-интеллектуального сближения и об-щения народов. Это сейчас мы труд-но уходим от пресловутого деления людей на «своих» и «чужих», «на-ших» и «не наших», «красных» и «бе-лых» и приходим к осознанию того, что человек, думающий и восприни-мающий мир не так, как ты — толь-ко другой, и в этом состоянии друго-сти и творческого разномыслия чело-вечеству предстоит жить и создавать новое сообщество людей Земли, ста-новиться равноправным членом кос-мической цивилизации. Во всех инициативах и деятельности Борисихи-на еще советского времени самоос-тательность слова и дела проходит красной линией. Этот принцип от-личает клубное движение, иници-ированное им, и каждый урок, дис-куссию в его Школе. И в этом смысле созданное Борисихиным сообщество можно назвать своего рода Островом жизнеутверждающей самостоятель-ности мысли и поступка.

В Открытой школе ЮНЕСКО Юрий Сергеевич полностью реали-зовал главный свой дар — дар устно-го слова. Афористичный, образный и эмоциональный язык его публич-ных лекций и индивидуального об-щения стал обиходным языком оби-тателей этого Острова.

Начав свой творческий путь в «Уральском следопыте», Ю. С. Бо-рисихин до конца жизни оставался следопытом и открывателем ново-го — всемирным следопытом.

Ю. С. Борисихин похоронен на его малой родине — в селе Копте-лово Алапаевского района. ❧

Юний Горбунов.

Иллюстрации предоставлены автором

На самолете по волнам

Сегодня мало кто знает и помнит, как война прокатилась по волнам Карского моря и обожгла правым крылом север Тюменской области — Ямал. Спустя десятилетия вскрываются новые детали, а за ними — подлинно трагическая и одновременно героическая история, участников которой уже нет с нами.

8 августа 1944 года из Северодвинска вышел конвой БД-5 в составе транспортного судна «Марина Раскова» и трех кораблей эскорта — тральщиков. Судну предстояло доставить груз и пассажиров на остров Диксон и в другие арктические порты. В трюмах транспорта находилось более шести тонн генерального груза: продовольствие, оборудование для арктических строек, техническое имущество. В каютах и твин-деке разместились более трехсот пятидесяти пассажиров, направляющихся на полярные станции для смены зимовщиков и на Нордвикстрой. Многие полярники и строители собрались в Арктику семьями, и потому среди пассажиров находилось 116 женщин и более двадцати детей.

12 августа около 20 часов немецкая субмарина U-365 обнаружила и атаковала советский конвой БД-5. Торпедами потопила два тральщика. Транспортное судно «Марина Раскова» еще долго держалось на плаву. Людей успели пересадить на различные плавсредства. От очередного взрыва судно переломилось и быстро затонуло 13 августа в 01 час 30 минут. Люди плавали на шлюпках, плотках и в кунгасе. Команда уцелевшего тральщика подобрала 145 человек. В море на плавсредствах осталось около 130, не считая погибших на двух кораблях сопровождения.

Наступившая сразу же после трагедии нелетная погода исключала всякую возможность поисков разбросанных по морю шлюпок и кунгасов.

15 августа к месту гибели парохода «Марина Раскова» вылетел с острова Диксон легчик Станислав Сокол. Кроме него, в поисках участвовал и тральщик АТ-116. Несмотря на все старания, обнаружить ничего не удалось.

Только 17 августа легчик Е. Евдокимов обнаружил одну из шлюпок с парохода «Марина Раскова», в которой находилось 18 человек, и в том числе

командир АТ-114 Панасюк. Все спасенные были доставлены в губу Белужью.

Вечером того же дня вылетел на поиски экипаж гидросамолета «Катилина» под руководством М.И. Козлова. Десять часов пилил море галсами. Утро 18 августа, когда уже собирался возвращаться на берег, наткнулся на вельбот. Издали показалось — пустой. Прошли над ним — люди! Живые!

Сели, подгащили вельбот. То, что летчики в нем увидели, было ужасно. Двадцать пять человек, изможденных за неделю скитаний без пищи и воды, с опухшими, раздутыми ногами, руки окровавлены. «Пить! Пить!» — просили они. Был морс — всем дали по кружке.

Приняв всех с вельбота на борт самолета, их благополучно доставили на Диксон, где медики оказали им первую помощь. 19 августа летчик Станислав Сокол спас еще 11 человек.

На следующий день оба летчика снова вылетели на поиски. Станислав Сокол сумел найти кунгас с тридцатью семью людьми. Летчик, несмотря на сильный ветер и высокие крутые волны, посадил самолет, но попытки подойти к кунгасу самолетом не увенчались успехом.

Лишь 23 августа после 7 часов 20 минут полета Козлов обнаружил

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

кунгас с людьми. Была направлена телеграмма: «Кунгас найден. Остались живые люди. Направляйте судно. Козлов». Судов в этом районе не было, и поэтому начальник штаба морских операций западного района Арктики попросил Козлова барражировать над кунгасом, чтобы не потерять его из виду, и навести на кунгас спасательный корабль.

Они и так уже кружили восемь часов. Восемь ужасных часов! Внизу, в бушующем море, волны швыряли маленькое суденышко, погибали люди. Вначале летчики пытались сосчитать, сколько же осталось в живых, и не смогли: живые сидели среди мертвых.

Уйти от этого ужасного зрелища, набрать высоту или делать большие круги было нельзя. Туман прижимал их к штормовому морю: чуть в сторону — потеряют из вида кунгас. Найдут ли его на следующем заходе?

— Ну, держитесь, держитесь, ребята, — повторял уже несколько минут Козлов, словно там внизу, в кунгасе, могли услышать его слова. — Мы ведь вас нашли!

Матвей Ильич поймал себя на мысли, что этим он хочет успокоить себя.

► Матвей Ильич Козлов

Сергей Пудов

Трудовую биографию начал в многоотражке «Звезда» на строительстве Серовской ГРЭС (Свердловская обл.). Работал в газетах Кемеровской, Свердловской, Тюменской областей. В пос. Комсомольском Советского района был главным редактором студии телевидения. Автор трех книг: «Радуга жизни» (2006), «Под небом Заполярья» (2012), «Без права на забвение» (2014). Живет в Югорске Тюменской обл.

Две стихии — море и небо — еще с тех пор, с Севастополя, сошлись в его судьбе. Всю жизнь он пролетал над морем, над Ледовитым океаном — в море садился, с моря взлетал.

И сейчас под ним — Карское море. И перед этим хаосом тяжелых волн он чувствовал свою беспомощность. Матвей Ильич сначала считал, что главное они сделали — нашли людей с конвоя БД-5. Нашли уже тогда, когда никто не надеялся — через одиннадцать дней, в шторм, в туман. Теперь оставалось только ждать судна и точно навести его на кунгас. Каждые полчаса радист давал пеленг. Их самолет — теперь и маяк, без него судно не отыщет кунгас с людьми.

— Матвей Ильич, — сообщил радист, — на связи Диксон.

— Ну что? — ожил Козлов. — Когда хоть они придут?

— Говорят, судно вернулось. В такой шторм они идти не могут.

— Ясно...

Девять долгих часов кружил самолет над кунгасом. Козлов отправил телеграмму примерно такого содержания: «Вынужден заканчивать барражирование над кунгасом. Запас горючего

◀ Теплоход «Марина Раскова»

иссякает. Если отойду от кунгаса, он будет потерян. Люди погибнут. Жду ваших указаний. Козлов».

Поколебавшись с минуту, начальник ответил: «Действуйте по своему усмотрению». От Козлова вскоре пришел ответ. Видимо, он заранее был продуман. «Иду на посадку. Постараюсь принять людей. Шторм, взлететь не смогу. Буду двигаться по воде к острову Белому».

Он знал: посадка в данных условиях — это самоубийство. Но бросить людей — убийство. И его экипаж прекрасно знал, что он скажет: «Будем готовиться к посадке».

Одно его нечеткое движение — и они бы погибли. Это он понимал. Если посадить «Каталину» на подшву волны, то самолет тут же разобьет о следующую волну, как о бетонную стену. Сажать надо только на гребень. Но все вокруг ходуну ходит. Попробуй на гребень попади. Волны высотой в четыре метра. И все же он повел «Каталину» вниз.

Удар. Будто кто-то стукнул кувалдой по днищу. Гидросамолет подбросило. Потом еще и еще, с каждым разом тише и тише. Когда «Каталина» закачалась на волне, Матвей Ильич подумал: «Мо-сказать, повезло». Его «мо-сказать» многие помнили.

Сесть-то сели, но волны заливали самолет. А самое страшное — кунгас куда-то исчез. Вокруг — вода и туман. Волны то взмывают выше самолета, то валятся вниз. Где же кунгас? Неужели потеряли?.. Наконец они увидели его в этой анархии шторма. Кунгас тяжелый. На такой волне к нему не подойти. Столкнутся.

Механик Николай Камирный — его бог силой не обидел — метров на двадцать швырнул трос. Попал. На кунгас поймали, закрепили. И трос тут же натянулся как струна.

Механик вместе со штурманом Леоновым спустили надувную лодку и двинулись к кунгасу, перебирая руками фал. За семь рейсов переправили всех живых. Их оказалось четырнадцать. Отвязали трос, и кунгас исчез в тумане.

Летчики совершили, казалось, невозможное: они не только посадили свой гидросамолет на волны штормового Карского моря, но и перенесли на борт людей, в которых еще оставались признаки жизни. На кунгасе нашли 14 человек живыми и более 25 трупов. Трупы лежали в два ряда на дне кунгаса, наполненного по колено водой. На трупах лежали и сидели остав-

шиеся в живых, из которых примерно шесть человек были способны с трудом передвигаться самостоятельно.

По заявлению снятых людей и осмотру кунгаса было установлено, что пресной воды, а также каких-либо продуктов на кунгасе не было. Последний кусок сала был съеден за три дня до спасения, а пресную воду по полкружки люди получали из анкера, оставленного летчиком Станиславом Соколом 19 августа. Экипаж «Катилины» пошел на большой риск, приняв на борт такое количество людей. О взлете в воздух не приходилось и думать. Риск увеличивался еще и тем, что на самолет сообщили о появившейся в этом районе немецкой подводной лодке. Учтя все это, Козлов принял беспримерное решение: рулить к ближайшему берегу — к острову Белый, до которого было миль 60.

Стойки поплавков уходили под воду. В кабине все намокло. От сырости обуглились электроды. Моторы начали чихать. Но выключать их было нельзя — волны развернут самолет лагом к волне и затопят.

Всех в самолете уже мутит от качки. Хорошо, что Матвей Ильич не видел страданий тех, кто сейчас в салоне. Их уже тринадцать. Один не вынес всех потрясений. Тринадцать...

В начале следующих суток показался маяк острова Белого, а затем гидросамолет вошел в пролив. Тем временем направленный командованием тральщик «ГЩ-60» приблизился к самолету и принял на борт 13 человек. Козлов же благополучно перелетел на Диксон: 33 часа напряженного труда!

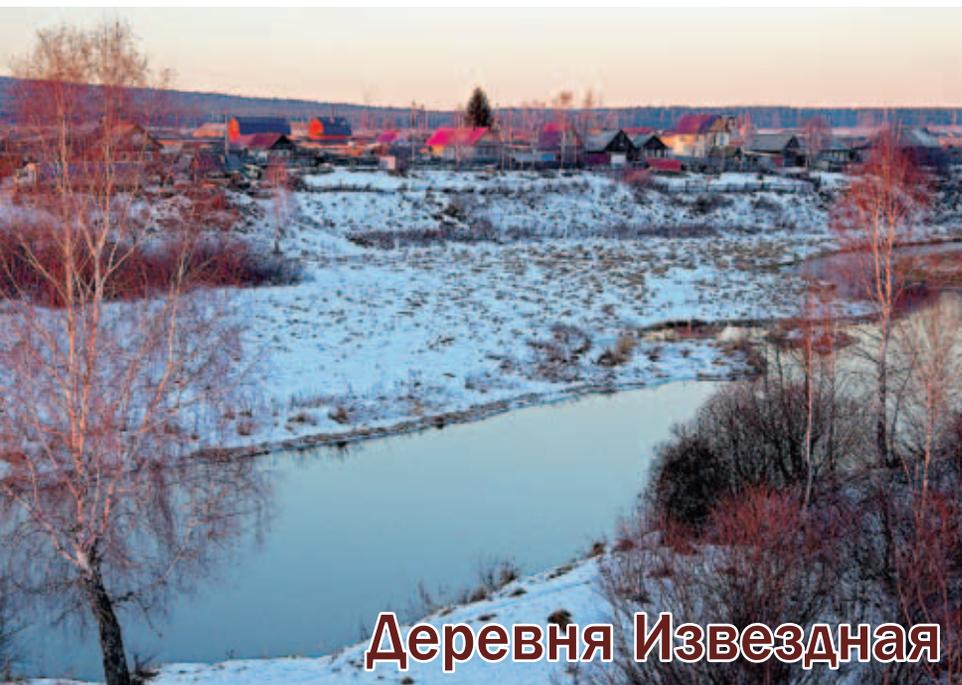
Совершив успешную атаку конвоя БД-5, фашистские подлодки активизировали свои действия: в штаб флотилии стали поступать сведения об обнаружении их в различных районах Карского моря. Однако все попытки противника нарушить судоходство по Северному морскому пути оканчивались провалом. Всего в 1944 году на внутренних коммуникациях в Баренцевом, Белом и Карском морях североморцы провели свыше четырехсот конвоев. После гибели «Марины Расковой» противнику не удалось потопить в Карском море ни одного транспортное судно.

В конце августа работники радиомаяка острова Белый обнаружили на западном его берегу, у мыса Рогозина, прибитый волнами полузатопленный кунгас. В нем находились трупы двадцати человек. Полярники похоронили умерших в братской могиле. Уже после войны могила была перенесена на островок, отделенный от Белого Рогозинской протокой. **✎**

История России.

Река Чусовая

(Фотоэкспедиция)

Деревня Извездная

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Одна из двух улиц в Извездной, естественно, Трактовая. И по сей час стоит здесь дом за номером семь. Жила в нем некогда большая семья Андрея Ильича Коньшина, председателя колхоза им. Ворошилова. В августе 1941-го он ушел на фронт, и надо же было ему, оказавшись в 44-м на госпитальной койке, написать домашним, что вот, мол, был бы рядом мой старшенький — Юрка, скорее бы я пошел на поправку. Ну, пошутил солдат, а у 12-летнего Юрки глаза загорелись.

На станции Билимбай пацаны привычно встречали очередной воинский эшелон. Солдатик из вагона-теплушки протянул Юрке два котелка и попросил набрать воды в ж/д колонке. Юрка принес. Подает солдату один котелок, а второй, говорит, вместе со мной: меня, говорит, папка к себе зовет.

Развеселились солдаты, затащили Юрку в вагон и спрятали под нары. Так с арtpолком истребителей тан-

Сын полка с улицы Трактовой

Краеведы сходятся на том, что имя деревни на правом берегу Чусовой и на обочине Московского тракта произошло от слова «извоз», так как ее первожители-крестьяне занимались этим гужевым промыслом — доставляли руду, уголь, купеческие товары на Билимбаевский и другие заводы вплоть до Перми. Нельзя вовсе отрицать происхождение имени и от слова «известь» — в окрестностях деревни

▲ Вид на Извездную. Фото
Михаила Гимадиева

добывался известковистый доломит. Как деревню угораздило обрести сегодняшнее название — Извездная — одному Богу ведомо. Как пишет в своем «Топонимическом словаре» А.К. Матвеев, никакими законами русского языка это объяснить невозможно. Ныне деревня практически слилась с поселком Билимбай.

Святослав Кудрявцев

Родился на Урале в 1937-м. Окончил в Свердловске Сельхозинститут. Работал главным инженером совхоза, директором подсобных хозяйств, начальником цеха.

Надежда Демина

Заведующая центром краеведения Центральной библиотеки г. Первоуральска.

Зинаида Мехонцева

Руководитель общества краеведов г. Первоуральска.

◀ Ю.А.Коньшин на пешеходном мостике (слева) через Чусовую из д. Извездной на станцию Билимбай

▲ Выпускники 9 класса билимбаевской школы рабочей молодежи у дома № 7 на улице Тракторной. 1958 год

ков оказался Юрка под Киевом у города Фастова. Одели его в малоразмерную гимнастерку и галифе, выдали ремень, сапоги. Стал помогать на кухне, был связным-посыльным, снимал смазку со снарядов, учился стрелять из автомата... А однажды даже довелось ему участвовать в обнаружении немецких разведчиков, и парнишке за находчивость объявили благодарность.

Четыре месяца воевал Юрка, пока полк вел огонь с закрытых позиций.

А когда пришло время двигаться на передовую, штабисты собрали со всей округи подобных ему юных бойцов и с сопровождающими отправили по домам.

Декабрьским днем 1944-го Юрка возвратился домой. Сопровождающий откозырял Ефросинье Артемьевне: получите, мол, вашего сына и распишитесь в получении. А вот отцу вернуться из боя на Тракторную не довелось...

Юрий Андреевич Коньшин потом учился, служил в армии, работал в шахте рудника им. III Интернационала, окончил школу рабселькоров... Почти столетия жизни и труда отдал он газете «Уральский рабочий» — главным образом работе с письмами, рабселькорами и собкорами. Удостоен многих наград разного достоинства. И в свои 83 не порывает с газетой.

Деревня Макарова

Бросим якорь у речки Макаровки

Деревня Макарова появилась на свет в одно время с Екатеринбургом в устье одноименного левого притока Чусовой. Тогда татищевскую гужевую дорогу с Уткинской пристани на Уктус, в этих местах сильно заболоченную, по распоряжению начальника Уральских и Сибирских заводов В. де Геннина повернули с левого на правый берег Чусовой. Переправа случилась у речки Макаровки. Устроили здесь и станямской гоньбы — так в устье Макаровки возникла деревня. Ма-

▲ Деревня Макарова. Фото Михаила Гимадиева

кар — имя на Руси распространенное. Юрий Дунаев в «Топонимах окрестностей Первоуральска» (1992) пишет, что и речка имя свое позаимствовала у некоего скитника старца Макария, жившего здесь в глухом лесу.

Однако десяток лет спустя переправу перенесли двумя верстами ниже по Чусовой. И деревня Макарова сникла,

сосредоточилась в себе. Здешние крестьяне добывали хлеб свой домашним хозяйством, трудились на железном руднике, рубили лес, жгли уголь, занимались извозом — словом, кто во что горазд. В 30-е годы советского уже времени объединились в колхоз «Знамя». Долгое время и всю войну председательствовал в нем Александр Федорович Чижов. Земляки уважительно звали его Сано. Другим председателем был Иван Дмитриевич Рассошных. Кстати, его сняли с должности за чей-то недолгляд — колхозный бык попал под паровоз.

В деревне четыре улицы: Рудная, Сергеевская, Угловая, Железнодорожная. Название последней связано со строительством в начале XX века железной дороги Пермь — Екатеринбург. Часть деревни (пять домов) оказались за железной дорогой. Раньше здесь существовал охраняемый железнодорожный переезд, стояла будка и дом для железнодорожников.

Старожилы помнят и маленькую деревянную часовню в центре деревни, но сведений о ней не сохранилось.

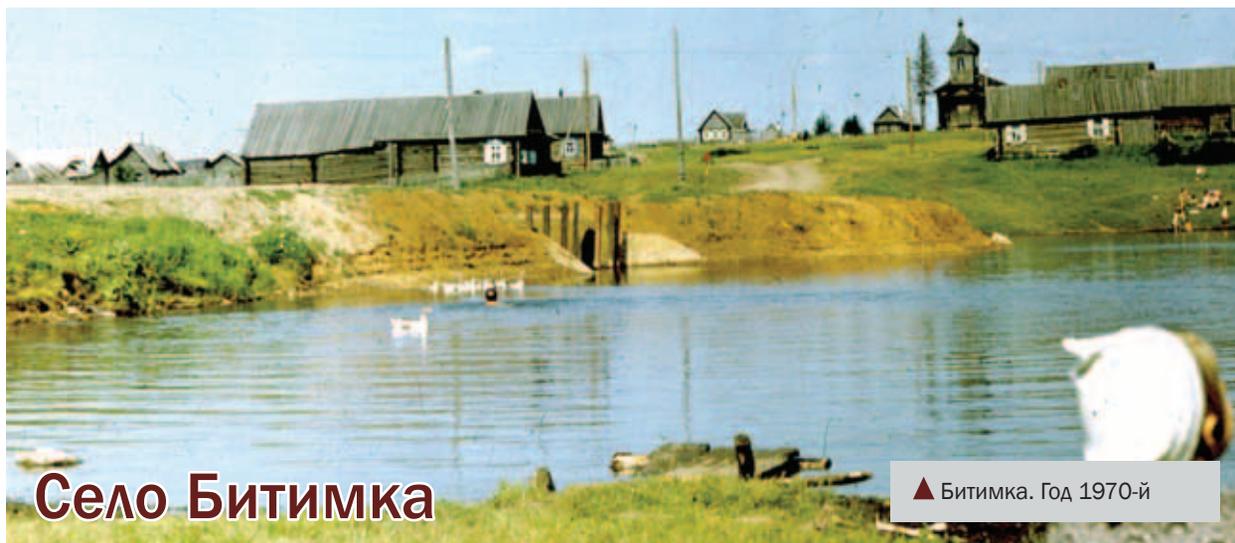
Проплывая чусовскими водами мимо деревни, читатель, не поленись бросить якорь и заглянуть в дом на улице Рудной, 20-а, ряженный в светлое желтое «платье» и розовую «шляпу». Это домашний семейно-деревенский музей. Здеп-

няя уроженка, бывшая учительница английского языка Зинаида Павловна Мехонцева разместила его в опустевшем старом отчем доме, собрав и обиходив все, что нашла в самом доме и в окружающих его постройках. А нашла она много — все, что в течение долгой жизни сработали и к чему приновились руки ее бабушки — Анфисы Ивановны и мамы Анны Федоровны, тружениц и рукодельниц. Ее отец — Павел Алексеевич Еретнов, ветеран двух войн. Рядовым бойцом прошел он Финскую и Великую Отечественную до Берлина, а в мирное время трудился на Билимбаевском труболитейном — филиале Новотрубного. Ни одна деревенская свадьба, праздник или просто вечерки не обходились без звонкой гармошки Павла Алексеевича. На веранде и антресолях дома любовно и бережно собраны и овеяны бодрящим ароматом трав практически все орудия труда, домашнего обихода и промыслов талантливого и неунывающего населения деревни Макаровой. Никто не просил об этом Зинаиду Павловну, никто денег не платил и грамот не вручал. Да мало кто и знает об этом уникальном семейном музее овещенственной памяти. Словом, не поленись, чусоплаватель. За вход платить не надо.

Фото Святослава Кудрявцева

Село Битимка

▲ Битимка. Год 1970-й

Вчера и сегодня «Гнездовой реки»

Однажды уже знакомая нам Зинаида Павловна Мехонцева оказалась на открытии выставки работ уральского художника Валентина Ефремова и вдруг увидела среди картин знакомый пейзаж. «Да это же наше село Битимка!». Деревянная церковка с колоколенкой и двумя куполами, банька, ветхие домишки и плетень, куры и корова пасутся под пасмурным небом... Познакомилась с художником, узнала, что есть у него и другие варианты этого пейзажа. Один из них Валентин Михайлович ей подарил. На этом эпизоде совсем другое настроение: закатное небо, горят окошки в окнах... Подарок обрел свое место в домашнем музее Мехонцевой.

Церкви теперь нет, один пустырек от нее остался. Но живет она в работах живописца, прямо-таки влюбленного в старые уральские деревушки. Да еще, говорят, воскресла где-то на сысертской турбазе...

Селу и речке, левому притоку Чусовой, вполне хватило одного имени — Битимка. Топонимисты не сошлись во мнении о его происхождении. Одни считают источник слова мансийским (Питимка — гнездовая река), другие — башкирским. Но артефакты, обнаруженные археологами, свидетельствуют,

◀ Валентин Ефремов. Никольская церковь в Битимке. Фоторепродукция Святослава Кудрявцева

что здешние берега Чусовой и Битимки населяли люди еще полулегендарного чудского племени.

А время появления современной Битимки — тридцатые годы XVIII века. Тогда строгановские приказчики облюбовали на речке Битимке место для «пильной мельницы о двух рамах». Стометровая плотина подняла битимскую воду и привела в движение мельничные пилы. На этой битимской пилораме разделявали лес на строительство барок для сплава продукции Билимбаевского чугуноплавильного завода. Промышляло население и на железных рудниках. Школа открылась в Битимке, собирая детей из многих близлежащих деревень. В советское время недалеко от заброшенных руд-

ников берега Чусовой соединил бетонный мост, заменив прежние паромные переправы.

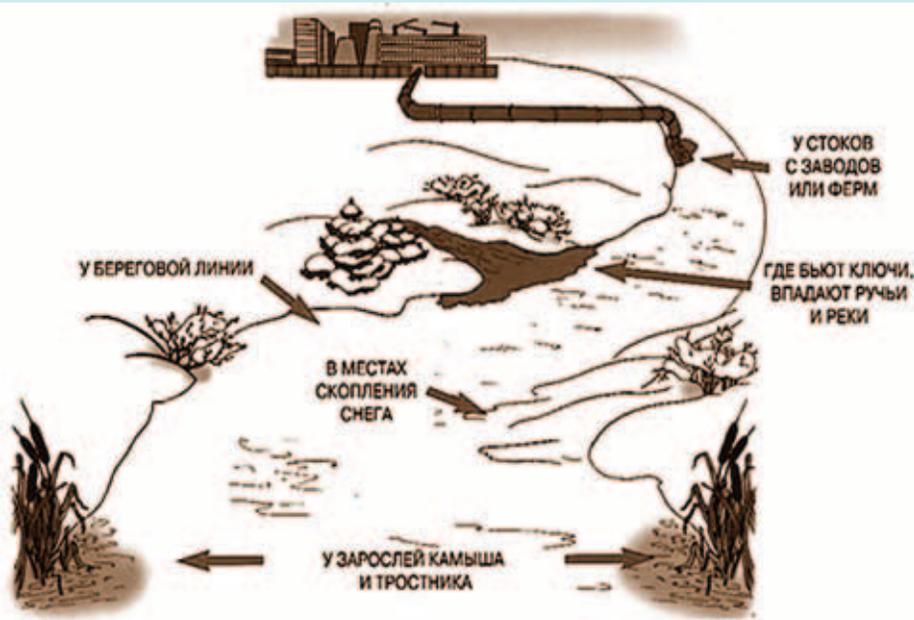
Новую профессию село обрело в 1931-м, когда был создан здесь колхоз. Еще тридцать лет спустя все колхозы округи слились в Битимское отделение совхоза «Первоуральский». В 1979-м отделение стало самостоятельным хозяйством, а с началом перестройки было преобразовано в сельскохозяйственный производственный кооператив «Битимский» (СХПК) с центральной усадьбой в этом селе.

Кооператив (дир. М.Ф. Мальцев) умело ведет хозяйство. Современные технологии на всех участках производства сочетаются с высоким качеством натуральной продукции — молочной, мясной, овощной. С умом и творчески, а не впадая в панику переживают здесь бесконечные российские кризисы — привозные и доморощенные. С иронией повторяют слова американского президента: «Никогда не упускайте хороший кризис». Словом, другому мясу, молоку и овощам, кроме битимских, неуютно живет в первоуральской округе.

А вот церкви Битимке таки не хватает, пустырек ждет. Без церкви село — не село.

▲ Валентин Ефремов. Улица в Битимке, 1970-е годы

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Сергей Кабаков**

Руководитель подразделения — старший государственный инспектор центрального ИО (г. Екатеринбург) ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области».

Последний лед

В весенний период лед начинает таять и становится непрочным. От просачивающейся талой воды «тело» льда становится пористым и очень слабым, хотя сохраняет достаточную толщину. При устойчивых плюсовых температурах прочность льда уменьшается в разы. Весенний ледяной покров на водоемах нельзя

использовать для катания на коньках, переходов, переезда на автотранспорте — такой лед очень опасен, он непрочный, местами может быть тонким и может не выдержать человека, а тем более массы транспортного средства. Во льду образуются воздушные поры, трещины, промоины, которые при движении трудно заметить.

Наибольшую опасность весенний период представляет для детей. Оставаясь без присмотра родителей и старших, не зная мер безопасности, так как чувство опасности у ребенка слабее любопытства, выходят они на опасный лед, играют на обрывистом берегу, а иногда катаются на льдинах. Такая беспечность порой кончается трагически.

За первый квартал 2015 года произошли трагические случаи гибели людей на водных объектах: так, в городе Серов на реке Каква, оставшись без присмотра взрослых, погибла девочка 7 лет, которая провалилась под лед.

В городе Березовском 53-летний настоятель прихода Сретенского храма утонул 16 февраля в реке Пышма, провалившись под лед.

В конце марта провалились под лед и утонули 2 рыбака на озере Исетском в ГО Среднеуральск, которые рыбачили на кромке льда.

Также имеются случаи отрыва льдин с рыбаками на Белояр-

ском водохранилище. Один из таких случаев произошел 16 марта 2015 года — с льдины было спасено 9 человек.

ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области» обращается к гражданам с убедительной просьбой соблюдать правила безопасности на водных объектах, быть крайне аккуратными, не подвергать свою жизнь и жизнь своих близких опасности.

Меры безопасности на льду:

1. При переходе по льду (если есть в этом необходимость) необходимо убедиться в прочности льда с помощью палки или пешни. Категорически запрещается проверять прочность льда ударами ноги. Если лед непрочен, необходимо прекратить движение и возвращаться по своим следам, делая первые шаги без отрыва ног от поверхности льда. Ни в коем случае нельзя выходить на лед в темное время

суток и при плохой видимости (туман, снегопад, дождь).

2. Во время движения по льду следует обращать внимание на его поверхность, обходить опасные места и участки, покрытые толстым слоем снега. Особую осторожность необходимо проявлять в местах, где быстрое течение, родники, выступают на поверхность кусты, трава, впадают в водоем ручьи и вливаются теплые сточные воды промышленных предприятий и т.д. В случае появления типичных признаков непрочности льда: треск, прогибание, вода на поверхности льда — немедленно вернуться на берег идите с широко расставленными ногами, не отрывая их от поверхности льда, в крайнем случае — ползите.

3. При переходе по льду необходимо следовать друг за другом на расстоянии 5–6 метров и быть готовым оказать немедленную помощь идущему впереди. Не допу-

Не подвергайте свою жизнь опасности!

**Будьте осторожны во время весеннего паводка и ледохода
112 — единый телефон службы спасения**

скайте скопления людей и грузов в одном месте.

4. Во время рыбной ловли нельзя пробивать много лунок на ограниченной площади, прыгать и бегать по льду, собираться большими группами. Каждому рыболову рекомендуется иметь с собой спасательное средство (конец Александра) в виде шнура длиной 12–15 м, на одном конце которого закреплен груз 400–500 г, на другом изготовлена петля.

5. Не катайтесь на льдинах, обходите перекаты, полыньи, проруби, край льда. При отсутствии уверенности в безопасности пребывания на льду лучше обойти опасный участок по берегу.

Если все-таки лед проломился, вы оказались в ледяной воде:

- Не поддавайтесь панике, сбросьте тяжелые вещи, удерживайтесь на плаву, зовите на помощь;
- Раскиньте руки в стороны и постарайтесь зацепиться за кромку льда, придав телу горизонтальное положение по направлению течения;
- Постарайтесь осторожно налечь грудью на край льда и забросить одну, а потом и другую ногу на лед;
- Если лед выдержал, перекачиваясь, медленно ползите к берегу. Ползите в ту сторону — откуда пришли, ведь лед здесь уже проверен на прочность;
- Направляйтесь в теплое место, снимите мокрую одежду, переоденьтесь в сухую одежду, необходимо выпить горячего чая. Ни в коем случае нельзя употреблять алкоголь — это может привести к летальному исходу.

В неглубоком водоеме можно:

- резко оттолкнуться от дна и выбраться на лед;
 - передвигаться по дну к берегу, проламывая перед собой лед.
- Если вы оказываете помощь:
- подходите к полынье очень осторожно, лучше подползти попластунски;
 - сообщите пострадавшему криком, что идете ему на помощь, это придаст ему силы, уверенность;
 - за 3–4 метра протяните ему веревку, шест, доску, шарф или любое другое подручное средство;
 - подавать пострадавшему руку небезопасно, так как, приближаясь к полынье, вы увеличите нагрузку

ку на лед и не только не поможете, но и сами рискуете провалиться.

Помните:

В весенний период повышается опасность выхода на лед водоемов. Лед на реках во время весеннего паводка становится рыхлым, «сдается» сверху солнцем, талой водой, а снизу подтачивается течением. Очень опасно по нему ходить: в любой момент лед может рассыпаться под ногами и сомкнуться над головой.

Родители и педагоги!

Не допускайте детей к реке без надзора взрослых, особенно во время ледохода, предупредите их об опасности нахождения на льду при вскрытии реки или озера. Расскажите детям о правилах поведе-

ния в период паводка, запрещайте им шалить у воды, пресекайте личачество. Оторванная льдина, холодная вода, быстрое течение грозят гибелью. Помните, что в период паводка, даже при незначительном ледоходе, несчастные случаи чаще всего происходят с детьми. Разъясните детям меры предосторожности в период ледохода и весеннего паводка.

Школьники!

- Не выходите на лед во время весеннего паводка.
- Не стойте на обрывистых и подмытых берегах — они могут обвалиться.
- Когда вы наблюдаете за ледоходом с моста, набережной причала, нельзя перегибаться через перила и другие ограждения. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

«Иремель, ДОСТУПНЫЙ ДЛЯ ВСЕХ»

РЕСПУБЛИКА
БАШКОРТОСТАН

Евгений Арбенов

Редактор газеты «Голос надежды».

16–19 марта в Республике Башкортостан впервые состоялся фестиваль для инвалидов-колясочников «Иремель, доступный для всех — 2015», посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Учредитель и организатор фестиваля — туристическая фирма «Социум» города Уфы при поддержке Государственного комитета по предпринимательству и туризму РБ, Министерства труда и социальной защиты населения РБ. Гора Иремель, вторая по высоте вершина Южного Урала, в различных перевалах — «Священная», «Привольная», а также обозначает «спокойствие, тишину». В 14 километрах от подножия Большого Иремеля расположено село Тюлюк, в перевале с древнетюркского — «желание». Отсюда легенда об исполнении желаний на вершине Иремеля.

16 марта Дорога на Тюлюк

В Екатеринбурге — снегопад. Тормозит РАЈЕРО с прицепом, и мы с Анатолием Павловичем Вязовцевым — руководителем команды «Восхождение», или просто Палычем, устре-

мились на Челябинский тракт, где нас ждут в машинах Ринальдо, Саша и две очаровательные Ольги, пристегнутые ремнями. Незаметно проскочили 90 километров и вскоре свернули на Касли... Никогда в жизни не видел столько машин, свалившихся в кюветы вдоль дороги. Картину гололеда завершило жуткое зрелище двух искореженных легковушек.

Миновали Карабаш, который встретит на обратном пути клубами ядовитого дыма, заслонившими солнце. Поплутав по Миассу, увел нас навигатор вместо трассы М5 в Злагоуст, из которого мы насилу выбрались к месту встречи с попутчиками из Челябинска и Миасса. У моста через Малую Калагазу ожидал нас Николай Кочнев, о котором Юрий Туманов скажет: «Все, что здесь происходит, все, что вы здесь чувствуете, испытываете, — это только благодаря ему». Вот и Тюлюк — «благодатное место», где Горный приют «Иремель», отметивший десятилетие,

Уральский следопыт, май 2015

встретил нас теплыми комнатами, чистыми постелями, вкусным обедом. Разгружены машины, прицепы, собраны уникальные тележки — «дутыши» — изобретение Палыча. В лучах заходящего солнца участники фестиваля выстроились на фоне Горного приюта.

«Объявляем наш фестиваль открытым. Ура!»

Открывая фестиваль, директор турфирмы «Социум» Альфир Ахметшин отметил, что «за всю историю спортивного туризма в России не было ни одного зимнего спортивного мероприятия для туристов-инвалидов».

и Мак-Кинли Григорий Царьков, заядлый турист Игорь Копанцев.

— Екатеринбург — это вообще «забойная» команд. Все, что здесь стоит, фактически сделано руками Анатолия Павловича Вязовцева. Это не только исполнение, это — техническая идея, это вообще гигантский опыт в зимнем снегоходном туризме. Это все проверено, испытано, надежно и прекрасно работает. В команде — председатель Кировской РО ВОИ Екатеринбурга Ринальдо с двумя симпатичными Ольгами, представитель солнечной Грузии Александр, редактор газеты «Голос надежды» Евгений Арбенов...

Альфир Ахметшин представил участников фестиваля, среди них «колясочники»: Минислам Вахитов, четырехкратный чемпион Паралимпийских игр Ирек Зарипов, смелый парень Александр Никишкин, знаменитый на весь мир покоритель Эльбруса

Совещание «в большом зале большого дома»

Альфир Ахметшин:

— Завтра в 7 часов утра стартует команда восходителей из трех человек и весь инструкторский

персонал, который должен навесить перила, сделать трассу и т. д.

На машине УАЗ часть людей забрасывается в домик егерей, УАЗ возвращается, забирает следующую команду и забрасывает в домик егерей. От домика егерей до вершины всего час. Потом снегоходы вывозят людей из домика егерей. И возврат на базу в той же схеме...

17 марта Дорога к Иремелю — Священной горе

На градуснике около 20 мороза. Выезд перенесли на более позднее время, чтобы солнце прогрело воздух. Палыч смазывает втулки «дутышей» графитовой смазкой.

Часа через три 10 человек вместе с водителем и собакой втиснулись в УАЗик. Миновав 7 километров, благополучно доехали до избушки егерей или, как говорят, до «шлагбаума». Ждать снегоходов мы с Нелли — любителем зимних походов — не пожелали и двинулись по волнистой трассе, укатанной снегоходами, к Иремелю.

Пропустили два «Бурана» с пассажирами, до Иремеля — пара километров, когда нагнал нас третий «Буран» с пустым «корыто» на при-

цепе. Сели мы с Нелли в это корыто и застряли на первой же горке, а когда снегоход разогнался, корыто так стало биться о снежные волны, что я взмолился, вылез и пошел ножками, а Нелли предпочла скакать по волнам.

Какая прелесть зимний лес без рева моторов, перегара бензина и тряски в корыте! Недаром Альфир Ахметшин мечтает в будущем добраться с инвалидами до Священной горы своим ходом.

На выходе из леса — указатель с юмором: «Иремель 1 метр». Двинулся по тропе, исчезающей за горизонтом, но, кроме светлого зеленого флажочка на палке, признаков лагеря не обнаружил.

Промчался снегоход с пассажирами, на следующем снегоходе увидел Николая Алексеевича Кочнева, махнул рукой, чтобы вернулся за мной. Спасибо ему, подвез до лагеря.

К счастью, я не опоздал: Ольга Ориничева в санях и Григорий Царьков в катамаране как раз штурмовали гору.

Достал из рюкзака Canon EOS 600D, запечатлел Туманова, Кочнева и Вязовцева на фоне Ямантау, а Ольгу Стрепетову — в снежной крепости, где она укрывалась

от жесткого северо-западного ветра. Спальник для Ольги забыли, поэтому поместили ее в палатку в ожидании старта.

Восхождение

Со словами «Господи, помоги мне, грешному» начал подъем. Кошек на ботинках не было, поэтому шагал по камушкам, местами опираясь на руки. От скольжения по снегу спасали веревки. Вскоре нагнал Ольгу Ориничеву с группой сопровождения. Сделав уникальные кадры, прилег на бо-

чок — пульс успокоился. Устремился за Григорием Царьковым. Дутьши его катамарана словно бивни мамонта. Вот и плато.

Григория пересажали на тележку с колесами, напоминающую луноход, и двинулись к высшей точке. Ветер, поднимающая снежную пыль, готов валить с ног. Николай Алексеевич с трудом удержи-

ном и культурная программа — песни под гитару в исполнении Юрия Туманова — руководителя поисково-спасательного отряда, Николая Кочнева — директора Горного приюта «Иремель», Виталия Каткова — администратора приюта. Последний аккорд прошедшего дня — северное сияние за час до полуночи...

— Горы — это, если не сходишь, ты этого не поймешь просто. Надо там побывать, это надо ощутить. Красота неопишная... Я не думал, что у нас на Урале может быть такая красота. Так что у меня даже слов нет.

Ольга Стрепетова — известная спортсменка по керлингу на колясках:

— Я первый раз на таком мероприятии. Когда подъехала к горе, не было такого страха. Когда начали взбираться и ты видишь, что такой склон идет, а обратного пути уже нет... раз решила, уже стыдно сказать, что «нет». Все, думаю, пойду до конца...

Впечатления, конечно, были шикарные, особенно, когда уже поднялись на гору. Ребята хорошо работали, спасатели вообще молодцы, им огромная благодарность. Они рассказали мне про эти горы все, а потом уже пошли туда со мной. Шли до конца. Я там завязала ленточку, загадала желание, отправила сыну эсмэску о том, что твоя безумная мама сделала это...

19 марта До свидания, Иремель!

Официальное закрытие и награждение проходило в Большом доме. В это время я занимался упаковкой спальников, переносом вещей, не забывая фотографировать живописную суету сборов. По просьбе Гюльнэры Радиевны — зам. руководителя фестиваля, оставил автограф на большом ватманском листе с рисунками, а незадолго до отъезда — короткую запись в Книге отзывов.

Наши милые Ольги получили красивые грамоты Министерства молодежной политики и спорта Республики Башкортостан, где рукой главного судьи и руководителя фестиваля Ахметшина А.М. было написано, что они награждаются «за восхождение на вершину г. Иремель на вспомогательных средствах передвижения в рамках фестиваля туризма для инвалидов «Иремель, доступный для всех — 2015».

Беседовал с Александром Никишкиным, который первым среди инвалидов-колясочников поднялся на Иремель 4 марта, в рамках подготовительных мероприятий к фестивалю. Его стали называть «наш Гагарин». Саша посвятил подъем своей девушке. Покорив Иремель, он испытал «эйфорию, радость, гордость»...

После обеда — рукопожатия, объятия. Наш РАЈЕРО с прицепом тронулся с места в 14.22, а ровно через час мы выехали на трассу М5. **УГ**

вал на древке флаг Горного приюта. Вершина утыкана палками с обрывками флагов, ленточек, тряпочек, а камни — в автографах. Желание отметить, наследить, видимо, заложено природой в каждом живом существе.

На обратном пути встретили Ольгу в луноходе. Общая фотография. Григорий — на спуск, а мы с Ольгой — вновь к вершине. Потрясающий кадр: Ольга, раскинув руки, превратилась в сказочную птицу. Ближе к спуску и я оказалась во власти пейзажа: горы и хребты напоминали бушующее море, а плато — лунный пейзаж.

Спасибо тем, кто навесил веревки, — спустился почти бегом. Внизу готовились к штурму горы Минислам и Ольга Стрепетова. Оба предпочли сесть в дутьши Палыча.

По дороге к приюту встретил фотографа Андрея Коротнева, полного решимости покорить Иремель и подарить нам фантастические картины уходящего дня.

Обогнал меня снегоход с Ольгой и Ринальдом. А за домиком егжей мы вновь встретились — уже в салоне УАЗика, притормозившего по дороге в Тюлюк.

Вечером — обед, совместный с ужином, чай с лимо-

18 марта «Разбор полетов»

Альфир Ахметшин:

— Ну что, народ, давайте начнем наше заседание. Здесь все люди, которые причастны к этой идее, к тому, чтобы у нас в России появился зимний туризм. Эта идея казалась фантастической, и не совсем даже верилось, что нам удастся ее реализовать, но вот чудо это произошло и эту идею удалось воплотить в жизнь.

Все вложили в это мероприятие свои силы, свою энергию, свою решительность, смелость, мужество...

Ольга Ориничева, участница церемонии открытия Паралимпийских игр в Сочи:

— Я очень много слышала такого сказочного, волшебного про эту гору, и... вот мы оказались здесь.

Когда поднималась, я ощущала себя какой-то птицей, я не чувствовала тела, что оно у меня прикасается к земле, а я была над землей. У меня была такая легкость от тела... независимо от того, что на мне было «сто миллионов» одежды вот этой экипировки... И все уставшие, а мне казалось: почему они так устают? Я же такая легкая, невесомая... должна вот просто вспорхнуть и полететь...

Игорь Копанцев — заядлый турист, покоритель Таганая:

30-31 мая Екатеринбург

Майский экстрим 2015

УРАЛЬСКИЙ **снегоньим**

В программе:

30 мая с 10:00 на городском пруду:

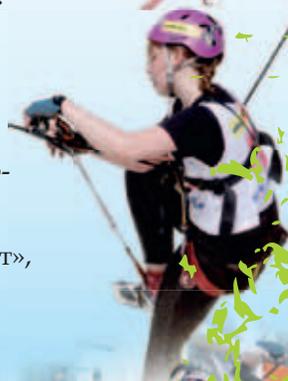
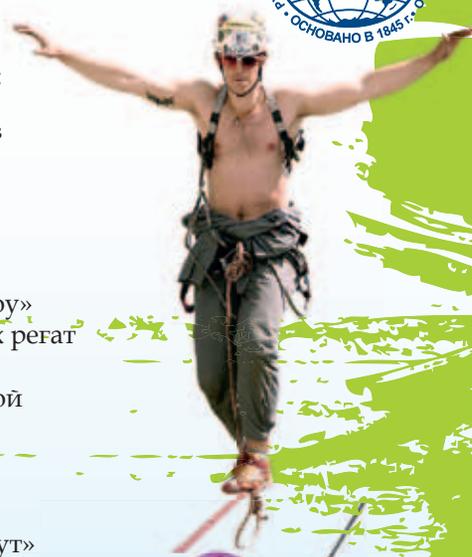
- Выставка «УралБотШоу»
- Регата парусных катамаранов
- Регата яхт класса «Микро»
- Регата яхт класса «Пико»
- Состязательная программа инвалидов

31 мая на Городском пруду:

- С 10:00 Выставка «УралБотШоу»
- С 10:00 Второй день парусных регат

31 мая в Историческом сквере:

- С 7:00 до 10:00 старт «Майской велопрогулки»
- С 10:00 Выставка экипировки, снаряжения и оборудования
- С 10:00 Мото- и автосалон
- С 11:00 «Всероссийский Азимут»
- С 11:00 Состязания по силовым единоборствам: масс-рестлинг, воркаут
- С 13:00 Слэклайн, спелеотрасса в створе плотины, радиоуправляемые модели офф-роад, дрифт
- С 14:00 Водные дисциплины, кануполо, «лосось идет на нерест», ралли на каяках, байдарках, катамаранах
- С 15:00 Воздушная гимнастика на полотнах

УРАЛЬСКИЙ **снегоньим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

май 2015

Аэлита

50

Законы Вселенной

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

Чужая кровь

50

61

Координаты чудес

ОЛЕГ БЫСТРОВ

Лаз в заборе

61

72

Повод для улыбки

ЕЛЕНА КУШНИР

Аз воздам

72

Чужая кровь

Игорь Вереснев (псевдоним)

Родился 29 октября 1962 года в городе Свердловске Луганской области. Окончил Харьковский государственный университет по специальности «математика». С 2000 года живет и работает в городе Макеевка Донецкой области. «Фантастическим» увлекался со школы, но относился к этому как к хобби. А после окончания университета и вовсе отложил занятие литературой на долгие годы. Вновь «взялся за перо» только в 2003-м. Первой публикацией стал рассказ «Подарок «призрака». Награждался премией «Серебряный кадуцей. Дебют» (2011 г.), премией за первое место в международном конкурсе «Если сегодня завтра» (2013 г.), премией «Фиолетовый кристалл» (2013 г.). С июля 2011 года — член Союза писателей России.

В метро было многолюдно. Так здесь всегда по утрам. Он не любил ездить в метро в час пик — толчея, шум, гам, все куда-то спешат. Не любил и уже пятый год не ездил, с того самого дня, как вышел на пенсию и смог себе это позволить. Но сегодня он должен был это сделать.

Поезд остановился. Станция «Октябрьское поле». Следующая будет «Полежаевская», затем — «Беговая» и «Улица 1905 года». Но туда он не доедет. Он должен будет сделать это в перегоне между «Полежаевской» и «Беговой».

На платформе людей толпилось презрительно. Он крепче уцепился за поручень, готовясь выдержать очередной натиск. Стоять было трудно. После операции он так и не оправился до конца. Наверное, уже и не оправится. Старость...

— Дедушка, садитесь, пожалуйста!

Девчушка, над которой он буквально навис, неожиданно поднялась, уступая место. Он благодарно кивнул, опустил на диванчик, втискиваясь между старушкой и женщиной с ребенком на руках. Надо же, «дедушка». Правильно, дед старый он и есть. Этой пигалице он точно в дедушки годится.

Поезд снова остановился. И снова в вагон начали втискиваться. На девчужку поднажали так, что она чуть ли не на руки ему села.

— Ой, извините! — смутилась.

— Ничего... — он крепче прижал к животу тяжелый пакет.

«Двери закрываются. Следующая станция — «Беговая»», — сообщил голос из динамиков. Пора, стало быть. Он никак не мог понять, что сейчас сделает. И главное — почему? Но сделать это было легко, поэтому он не переживал. Развернул пакет, сунул туда руку.

— Ой... — испуганно прошептала девушка.

Он поднял голову, посмотрел на нее. Лицо пугающей было белым, как мел, а в широко раскрытых глазах — нежелание верить в происходящее. И ужас.

Он вздохнул и повернул тумблер взрывателя...

Концертный зал неистовствовал. Разноцветные прожектора вспарывали темноту, музыка словно била огромными молотами в наковальни, громыхал тысячекратно усиленный голос вокалиста. Но что-то в этот раз было неправильно. Радости не было. А ведь она так хотела попасть на это выступление! Едва удалось уговорить родителей, чтоб отпустили, — всего ведь месяц, как выписалась из больницы. Мама с отцом боялись, что она пока слабая «для посещения подобных мероприятий», что лучше бы «погуляла на свежем воздухе». Но она настояла. В итоге — никакого удовольствия. Она не могла расслабиться, слиться с многотысячной толпой вокруг, фанатеть от песен любимой группы. Она была слишком сосредоточена на том, что должна сделать.

— Ты чего как деревянная? — толкнула локтем в бок подруга. — Может, тебе плохо?

Она отрицательно покачала головой. Открыла сумочку, сунула в нее руку. Подруга тоже заглянула туда. Хихикнула:

— Чего это у тебя? Ты что, бомбу принесла?

Она не ответила. Повернула тумблер взрывателя...

— Женщина, пройдите внутрь салона, — сердито подтолкнули ее в спину.

Она не перечила, покорно протиснулась в середину автобуса. Но сил, чтобы одной рукой цепляться за поручень под самым потолком, а в другой держать тяжелый пакет, не было. И внизу живота опять противно заныло — не хватало, чтобы швы разошлись! Она осторожно поставила пакет на пол, зажала его ногами, не позволяя упасть. Стоять так было неудобно, но ей ведь недалеко ехать. Всего три

остановки, гораздо ближе, чем она ездит обычно. Теперь две.

Она не думала о том, что предстоит сделать. Ни о чем не думала. Ей ведь сказали, что это нужно, и научили, как. Она запомнила. А думать зачем?

Автобус остановился. Вновь тронулся. Значит, пора. Она попыталась наклониться к пакету. Нет, не получается, слишком тесно. Тогда она попросту присела, сдвинула юбку с колен, чтобы не мешала. Открыла пакет.

— Эй, ты что там делаешь? — спросили сверху.

Мужской голос, удивленный. Она не подняла голову, была слишком занята.

— Ты что это удумала?! — закричали сверху.

Ее резко дернули за плечо, пытаясь оттолкнуть в сторону. Но пальцы уже нащупали тумблер взрывателя. Повернули...

Никодим снизил скорость, повернул руль вправо, уводя «хюндай» с трассы на проселок. Из-под колес тут же выплеснулось облако пыли. Они проехали метров сто, оставили позади лесополосу. Затем машина свернула на обочину, остановилась.

— Ну что, подходящее место? — оглянулся Никодим.

Кирилл пожал плечами. Почему бы и нет? Открыл дверь, вылез из машины. Огляделся. Справа, за несколькими рядами ясеней и акаций, лежало шоссе. Узкая, давно требующая ремонта лента асфальта, связывающая два райцентра. Тихая и малолюдная. Слева, насколько хватало глаз, раскинулась степь с одиноко торчащим курганом.

— Здесь можем разговаривать, никто не услышит. Разве что оттуда, — Никодим дернул головой вверх, в синее, бездонное небо. — Но это чистая паранойя.

Он сам хмыкнул над своей шуткой. Достал из кармана пачку «Винстона», щелкнул зажигалкой. Кирилл неодобрительно проследил, как он затянулся, выпустил сизое колечко дыма. Да уж, паранойя.

— Докладывай, — согласился. — Что удалось выяснить, пока мы ехали?

— Человек, известный как «Энвер-паша» сейчас проживает по адресу: улица Ленина, дом тридцать шесть. Это на самой окраине поселка. Дом принадлежит некоему Мирзоеву Гасану Рустамовичу, местопребывание которого неизвестно. В доме, кроме интересующего вас субъекта, постоянно находятся три человека. Судя по всему, охрана. С соседями никто из них не контактировал, со двора не выходят. Раз в день приезжает машина, синий «форд-фокус», привозит им продукты.

— Собака там есть? — поинтересовался Кирилл.

— Да. Два «кавказца».

— О как! — улыбнулся успевший выбраться из машины и подойти к ним Дмитрий. — Выходит, общим счетом шесть кавказцев.

— Можно и так сказать, — криво усмехнулся в ответ Никодим.

Рядом с громадным, под два метра Покидовым, он казался еще меньше. Щуплый, жилистый, быстрый и точный в движениях. Кирилл ничего не знал о звании, должности, настоящем имени этого человека. Просто «товарищ Никодим», сотрудник «ведомства», обеспечивающий их операцию. Точно также и тот не должен был знать ничего о них с Дмитрием. И о том, кто такой Энвер-паша.

— Еще какие-то вопросы? — Никодим посмотрел на них выжидающе.

— Слушай, а как эта штука называется? — Покидов неожиданно присел перед растением с крупными розовыми цветками на длинном стебле.

— Что? — Никодим недоуменно уставился на него. — А, это. Мальва. Роза по-здешнему.

— Роза... вот ведь название хохлы придумали. — Дмитрий выпрямился, взглянул на Кирилла: — Так что, посмотрим арсенал?

Арсенал товарищ Никодим привез в тайнике под задним сидением. Здесь был полный комплект: бронжилеты, оптика для ночного боя, финки, четыре пистолета — на выбор, — глушители к ним. Даже для «Узи-мини» место нашлось. Впрочем, огневая мощь пистолет-пулемета в предстоящей операции была избыточной.

— Командир, не возражаешь, я себе «чеха» возьму? — спросил Покидов, успевший выудить «CZ-75» и примерить к своей широченной ладони.

Кирилл не возражал. Для себя он наметил привычную, проверенную в деле «беретту».

Прокатившаяся по столице волна терактов ошеломила беспощадной жестокостью и непредсказуемостью. Но она оказалось еще страшнее, когда выяснили личности тех, кто превратил себя в живые бомбы. «Шахиды», все как один, были русскими, коренными москвичами. Люди, далекие от политики, от криминала, и уж тем более, от террористических групп и экстремистских организаций. Самые обычные русские люди: пенсионер, школьница, домохозяйка. Никаких предпосылок, никаких зацепок. Словно решали они убить себя и всех вокруг в ту самую секунду, когда к ним подходил человек с пластидовой бомбой в пакете.

Тех, кто доставил взрывчатку в Москву, кто передавал ее «шахидам», ФСБ взяла в последнюю минуту, когда они уходили из столицы, готовые исчезнуть, раствориться в огромной стране. С ними было ясно — боевики, террористы. Они давно числились в федеральном розыске, успели засветиться в Чечне, Ингушетии, Дагестане. Но информации, полученной от них, оказалось чрезвычайно мало. Не то, чтобы боевики не хотели рассказывать, заставить говорить любого человека — дело техники и профессионализма, сотрудники ФСБ владели и тем и другим в полной мере. Боевикам нечего было рассказывать. Перед каждой операцией им звони-

ли, называли имя «шахида» и того из них, кто должен был идти на встречу. Оставалось подловить указанного человека в укромном месте, передать ему подготовленное взрывное устройство и объяснить, где и когда оно должно сработать. «Шахиды» никогда ничего не спрашивали, молча слушали, брали пакет и уходили, когда их отпускали. Кто звонил? Кто выбирал жертв? Боевики знали только одно имя — настоящее? вымышленное? — Энвер-паша. Но как же они боялись этого имени! Убийцы, замазанные кровью по уши, собственными руками уничтожившие десятки, а то и сотни людей, боялись этого человека больше, чем смерти.

Примерно так майору Зорину объяснил диспозицию его шеф, командир спецподразделения «Заслон».

— Понимаешь, Кирилл, самое плохое в этой истории то, что коллеги из ФСБ так и не нашли, что общего между подорвавшими себя людьми. Возраст, образование, социальный статус, среда — все различается! Разве что все они в больнице недавно побывали.

— В какой? — насторожился Зорин.

— Да в том то и дело — больницы тоже разные! Разные врачи, разные диагнозы, разные операции. Нет там никаких зацепок, проверено и перепроверено. Но что-то этот гад с людьми делает, определенно. Не гипноз — для гипноза личный контакт нужен, да и время какое-никакое. А этого «пашу» в глаза никто не видел. Может он и ошивался поблизости, но в контакт ни с кем из «шахидов» не вступал! И команду моджахеды эти долбаные всегда сами отдавали. Нет, не гипноз, другое. А что?

Шеф замолчал, досадливо махнул рукой. И Кирилл помолчал. Так, для приличия. Потому как понимал — вызвали его не для того, чтобы жаловаться на «долбанных моджахедов». Предстоит операция. Та самая, для которой и предназначено спецподразделение службы внешней разведки.

Когда положенные субординацией секунды истекли, он спросил:

— И где сейчас находится этот Энвер-паша?

— Сбежал из страны. Пока боевиков брали, пока вычисляли, связи отработывали — сбежал. Да и неудивительно, в базе ФСБ он не числится, фотографий его нет. Описания... Да по описаниям они все на одно лицо! Темноволосый, щуплый, среднего роста, возраст 35–40. Но, кажется, мы его вычислили. Так что придется тебе за ним съездить.

— Далеко?

— У соседей наших, «самостийныкив», затаился. Сам понимаешь, просить тамошние власти о сотрудничестве мы не можем. Черт его знает, что за секрет у этого «пашки». Нельзя, чтобы он в чужие руки попал, все самим делать придется. Бери своего напарника, и отправляйтесь. Сотрудник «ведомства» вас там встретит.

Так для Кирилла Зорина началась операция «Эскулап». А теперь, три дня спустя, она заканчивалась.

К дому номер тридцать шесть по улице Ленина они подошли, когда небо на востоке начало сереть. Час, когда стирается грань между тьмой и светом, а сон самый крепкий. Лучшее время для тех, кто хочет остаться незамеченным. На операцию они шли вдвоем. Товарищ Никодим остался ждать их в переулке, в метрах от дома, заодно наблюдал за подступами. Когда все будет кончено, он подгонит фургон, чтобы загрузить «объекта». И трупы охранников туда же. Пусть потом местные менты репы чешут, кумекают — куда это жильцы подевались? И не только менты, само собой. Впрочем, как избавиться от тел и переправить «объекта» через границу, забота не Зорина, а службы технического обеспечения. Товарищ Никодим калач тертый, наверняка все продумал. Им сейчас понимать нужно, как «объекта» изъять.

Кирилл в который раз прокрутил в памяти план дома и приусадебного участка. А что там прокручивать? Стандартный одноэтажный дом советской постройки. Белый кирпич, в окнах — деревянные рамы, решеток нет. Есть ставни, наружные, жильцы их закрывают на ночь, от любопытных глаз, не иначе. Планировка — три комнаты, две изолированные, одна проходная, кухня, ванная, кладовка. Погреб под домом, зато на чердак вход лишь снаружи, по приставной лестнице. Во дворе — гараж, летняя кухня, за ней — сараюшки. В самом углу двора — «удобства», как положено. Интересно, собак они где держат? В сараюшках? Без разницы, ночью собаки наверняка по двору рыскают. Их следует первым делом нейтрализовать, чтобы лай на весь поселок не подняли.

Они подошли к забору. Темно, тихо. Даже луна не подсвечивает — новолуние. Удачно.

— Ну, с Богом! — Кирилл посмотрел на Покидова.

— Аминь, — кивнул тот.

Вынул из-под одежды «чеха», побежал вокруг забора, на ходу прикручивая глушитель. Он зайдет с тыла, от сараюшек. А Кирилл с парадного хода пожалует, так сказать.

Зорин выждал три минуты. Затем опустил на лицо маску с очками ночного видения и одним рывком перекинул себя через добротный, двухметровый забор.

Пса он увидел сразу. Огромный «кавказец» лежал у малинника и вскочил, едва заметил движение у забора. Рванул наперерез, готовясь не то залаять, не то в горло вцепиться... Не успел. Налетел на тяжелую, 9-миллиметровую пулю, споткнулся, упал, ткнувшись мордой в землю. Дернулся, затих. Собак Кириллу всегда было жалко. Они ведь не понимают, что творят. В отличие от людей. Но война есть война, пес в ней тоже был бойцом. Этому повезло умереть быстро, легко, и взвизгнуть не успел.

Но собрат его, несший службу где-то на задах, один раз гавкнул. И тут же скрипнула дверь дома. В темном проеме возникла фигура человека. Не спит охрана, молодцы.

— Э? Казбеги?

Человек добавил что-то не по-русски. Подождал, вслушиваясь, всматриваясь в предрассветный полумрак. Шагнул наружу, в руке у него вспыхнул фонарь. Кирилл следил, как желтое пятно скользит по деревьям, кустам, земле. Когда оно чиркнуло по мохнатой спине пса, нажал спусковой крючок.

Фонарь вывалился из рук охранника, громко звякнул о цемент порожка. Но автомат, который тот держал под мышкой, упасть и звякнуть не успел. Кирилл был тут как тут, принял обмякшее тело, осторожно опустил на землю.

Из-за угла вынырнула черная тень. Удивительно, как Покидов ухитрился делаться чуть ли не вдвое меньше, когда это требовалось!

— Что? — одними губами спросил Кирилл.

— Чисто. В летней кухне один сидел, вроде, как на посту. Ну и пес с ним.

Покидов улыбнулся получившемуся каламбуру. А Кирилл кивнул на дверь, махнул призывно рукой. Операция шла более чем успешно. Собаки и два охранника нейтрализованы, оставался один. И сам «объект».

Внутри дома было темно и тихо. Спят? Почему бы и нет? Зорин оглянулся, дернул головой в сторону кухни, отдавая приказ напарнику. Сам осторожно подступил к двери, ведущей в большую, проходную комнату. Третий охранник, скорее всего, должен быть там. Кирилл постоял, вслушиваясь в тишину. Приоткрыл дверь.

Бесшумно не получилось, петли скрипнули. И тотчас приподнял голову мужчина, лежавший на кровати у противоположной стены. Крупный, широкопле-

чий с черной бородой в пол-лица. Нимало не похожий на описания Энвера-паши.

— Мирзо? — окликнул он вполголоса, напряженно всматриваясь в темень. И быстро выдернул из-под подушки пистолет.

Недостаточно быстро. Выстрел «беретты» опрокинул его навзничь, ударил о стену. Все, с охраной покончено.

Кирилл вошел в комнату. За спиной тотчас бесшумно возник Покидов. «Чисто», — шепнул в ухо. Значит, «объект» прячется вон за теми дверьми. По коже вдруг прошел неприятный озноб, словно ледяным сквозняком откуда-то потянуло. С чего бы это? Кирилл недовольно передернул плечами, — не отвлекаться на всякие глупости! Быстро прошел через комнату и резким ударом ноги распахнул дверь.

Энвер-паша не спал. Сидел за столом, уперев взгляд в дверь. И даже не вздрогнул. Нервы железные у него, что ли?

— Тихо! Сиди и не двигайся! — предупредил Кирилл. В комнате было темно. Непонятно, видел «объект» направленный на него ствол или нет, поэтому Зорин уточнил: — Если пулю поймать не хочешь.

Человек за столом не шевельнулся. Точно, что сидел и не двигался. Описаниям он соответствовал вполне, но Зорин все же спросил:

— Ты Энвер-паша?

— Я Энвер-паша.

Голос у человека был низкий, глухой. А на лице ни один мускул не дрогнул. Маска, а не лицо.

Кирилл шагнул внутрь, освобождая дверной проем, позволяя Покидову взять «объекта» на мушку. Сам опустил пистолет, вынул из кармана заправленный снотворным шприц. Если Энвер-паша и следил за этими манипуляциями, то так, краем глаза. Голову он не поворачивал и взгляда от двери, где теперь сто-

ял Покидов, не отводил. Казалось, ему нет никакого дела до происходящего в комнате...

— Убей его.

Кирилл отпрыгнул в сторону раньше, чем осознал смысл произнесенной Энвером-пашой команды. Вскинул оружие, готовый выстрелить...

Стрелять оказалось не в кого. Их было по прежнему трое в комнате: он, Покидов и «объект». Но «чех» уже выплевывал пламя.

— Стой! — заорал Кирилл напарнику, еще не понимая, что ствол «чеха» направлен в него.

Он не хотел верить в это, когда первая пуля вонзилась в стену, плеснув в лицо отколотой штукатуркой. И когда вторая и третья больно саданули в бронежилет, не хотел. Ведь это же был Димка, Димыч, с которым они прошли Кабул, Тегеран, Багдад! Который столько раз прикрывал его! В том числе и собственным телом.

Лишь когда огнем полыхнуло плечо, он выстрелил в ответ. И провалился в темноту.

Кирилл очнулся оттого, что было тяжело дышать. Больно. Ребра ныли при каждом вздохе. Презентованный товарищем Никодимом «броник» сумел остановить выпущенные чуть ли не в упор пули, но синяки, а то и трещины в ребрах были обеспечены. Левую руку Кирилл не чувствовал вообще.

Он осторожно приоткрыл глаза. Кажется, та самая комната. Дверь, опять закрытая, комод в углу, стол, стул, кровать. Только сейчас он видел это не сквозь электронную оптику очков, а собственными глазами, в свете неяркой шестидесятиваттной лампочки стоящего на столе светильника.

А еще на столе лежал раздетый до пояса Покидов. Мертвый, это Кирилл понял мгновенно. Пуля «беретты» попала в лоб бывшему напарнику. Как раз над правой бровью.

«Как же так, Дима? Как же так?!» Зорин непроизвольно скрипнул зубами. И боль стала невыносимой — от понимания того, что он убил лучшего друга. Убил, чтобы самому не быть убитым. Но это же полный бред! Димыч не мог предать!

Энвера-паши в комнате не было. Зато у стола что-то делал незнакомый человечек в белом халате. Доктор? Значит, Энвер-паша сбежал, а Никодим, не дождав-шись сигнала, решил проверить, что случилось. И когда обнаружил, что один агент убит, а второй ранен, вы-звал своего врача. Естественно, не везти же бойца ино-странного спецназа в районную больницу!

Версия была удобной, но Кириллу она не понрави-лась. Что-то в ней было не так, не правильно. Он скосил глаза, оглядывая собственное тело. Его тоже раздели до пояса, плечо забинтовали, хорошо, профессиональ-но. А кроме того, его привязали к койке, обездвигили, что называется. И зачем-то воткнули длинную иголку в правую руку. Нет, Никодим здесь ни при чем.

— Кто вы такой? — прошептал он тихо.

Человек медленно обернулся. Тонкие губы, обвис-шие щеки, глаза, кажущиеся узкими из-за припух-ших век. Был он не стар, лет сорок от силы, но глубокие залысины мало что оставили от его темных, почти чер-ных волос.

— Я врач. Меня вызвали помочь вам. Вы потеряли много крови.

— Кто вызвал?

Человек не ответил. Зато Зорин увидел, чем он зани-мается возле тела Покидова. Он наполнял шприц кро-вью из вены убитого!

— Что вы делаете?!

— Я же сказал — вы потеряли много крови. Необхо-димо переливание. Вам повезло, что нашлась подходя-щая группа.

— Но...

Зорин осекся, следя, как поднимается вверх столбик крови в шприце. Боль будто отступила, оттесненная внезапной догадкой. Кровь... переливание крови. Все жертвы Энвера-паши незадолго до терактов перенесли сложные операции. ФСБ не смогло выявить связи меж-ду ними. А связь — вот она! Наверняка всем жертвам делали переливание крови. И Дмитрию делали, недав-но, каких-то четыре месяца назад. А теперь собираются сделать ему. И наверняка не из-за раны в плече.

— Доктор, не надо. Я не хочу.

Врач перетянул зажимом резиновую трубочку, при-крепленную к игле, отсоединил от нее шприц. Посмо-трел на Кирилла, улыбнулся ободряюще.

— Не бойтесь. Переливание крови — операция дав-но известная человечеству, официальной медициной признанная безопасной. В одной России ежегодно по-лутора миллионам человек переливают кровь. А то, что говорят всякие мракобесы... так нет у них никаких до-казательств, — он хихикнул.

И это хихиканье Кириллу очень не понравилось. Не вязалось оно с ободряющим тоном врача.

— Что говорят мракобесы? — переспросил он.

— Да глупости всякие. Мол, функции крови до кон-ца не изучены, и вреда от ее переливания может ока-заться больше, чем пользы. Мол, именно кровь по-зволяет организму противостоять воздействию окру-жающей среды. Своего рода система распознавания «свой-чужой». Соответственно, инородная кровь — брешь в этой системе. Со временем брешь затягивает-ся, но пока не затянулась, сквозь нее многое успеет про-никнуть.

Кажется, тема эта доктора увлекала. Потому Зорин решил уточнить:

— Что проникнет? Вирусы, да?

— О, если бы одни вирусы! С ними медицина худо-бедно учится справляться. Но воздействие бы-

вает не только биологическим, — он опять хихикнул. Подвинул стул к койке, уселся. Начал присоединять шприц к резиновой трубке, перетянутой зажимом. Такой же, как та, через которую он брал кровь у Покидова. Но эта торчала в руке Кирилла...

Да, сходилось. Именно переливание крови превращало людей в потенциальные жертвы Энвера-пашы!

— Так зачем же вы хотите сделать это со мной, доктор? — спросил Кирилл, чувствуя, как на лице выступает испарина.

— Нужно. Иначе вы умрете, — ответил доктор.

Он равнодушно констатировал факт. И Кирилл понял, что означает появление этого доктора здесь. Заставить человека вколоть шприц в вену ничуть не труднее, чем заставить повернуть взрыватель. Он попробовал дернуться. Куда там!

Столбик алой жидкости в шприце дрогнул, стал укорачиваться. Кровь — чужую кровь! — закачивали в его вену.

— Вот и все. Не больно, правда? — доктор дружелюбно взглянул на «пациента». — А вы боялись.

Отсоединил шприц, развязал жгут, положил на стол. Рядом с серебряным портсигаром. Глупая надпись врезалась в память: «Моему любимому мужу. А».

Во рту сделалось сухо, язык отказывался повиноваться. Но Кирилл все же сумел выдавить из себя:

— Дальше что?

Доктор не ответил. Поднялся со стула, пошел к двери, приоткрыл. Произнес громко:

— У меня готово, работайте.

Разумеется! Сейчас явится Энвер-паша, произнесет несколько слов, и майор Зорин превратится в послушную куклу. Что они заставят его сделать? Убить начальника ГРУ? Взорвать штаб-квартиру? В любом случае он ничего не сможет этому противопоставить.

Принайтовили его надежно, правой рукой и не шевельнешь, разве что пальцами.

Но левая, забинтованная, та, которой он не чувствовал, была свободна!

Кирилл стиснул зубы, напрягся, собирая всю свою волю. Да, именно волю. Ни сила, ни скорость реакции не помогут, исключительно воля. Желание выжить, закончить операцию и отомстить этим уродам за Димыча.

Пальцы на левой руке шевельнулись. Он не чувствовал их, просто отдавал им приказ, и они повиновались.

Энвер-паша неторопливо вошел в комнату. Стал по ту сторону стола, оперев взгляд в лицо Зорина. Точь-в-точь как в прошлый раз, когда он «зомбирывал» Димку. И лицо такое же неподвижное.

— Запомни твердо, гяур!

Голос его в этот раз звучал громко и четко. Кириллу захотелось оглохнуть хоть на минуту. Нет, оглохнуть не получится. Значит, нужно заставить врага онеметь.

Пальцы медленно поползли по бедру, втиснулись под брючный ремень. Хорошо, что его не раздели полностью. И не обыскивали тщательно. Спешили. Да и что он сделает раненный, связанный, безоружный?.. А вот дудки! Не безоружный. Маленький ПСС ехал с ним от самой Москвы.

— Твоего друга убили во время операции, а тебя ранили. Потому ты не смог взять Энвера-пашу...

Террорист увидел оружие, запнулся на середине фразы. Но все же чуть промедлил. Две секунды. Кириллу их хватило.

Конечно, «пашу» следовало брать живым. Но Зорин не имел права рисковать, стрелял на поражение. Возможно, еще одно слово «установки» и он вообще не смог бы выстрелить.

Попасть с расстояния два метра в неподвижную цель не сложно, даже если ты не чувствуешь руку. Зорин попал. Энвер-паша запоздало рванулся в сторону, выхватывая пистолет, но злые стальные пчелы ужалили его в грудь одна за другой. Он захрипел, опрокинулся навзничь, зацепился за стол, упал. И больше не двигался.

Кирилл выдохнул. Раз. Второй. Третий. Лишь после этого смог крикнуть:

— Доктор?! Доктор, вы где?

Тишина. Сбежал, услышав стрельбу? Ушел раньше, повинуясь заложенной команде? Вон, и портсигар свой забыл. И черт с ним! Приметы есть, товарищ Никодим отыщет. Наверняка это кто-то из местных.

Последние силы Кирилл потратил на то, чтобы приложить ствол ПСС к ремню, удерживающему правую руку и еще разок нажать на спуск. Потом Зорин мог только лежать, оглушенный бешеной пульсацией в плече. Но это не важно. Несколько минут передышки он себе обеспечил.

Когда боль немного отпустила, Кирилл сел, освободил ноги, затем встал. В доме было тихо, темно. Пусто, если не считать двух трупов и одного полутрупа. И трупы во дворе. Операция пока не закончена, расслабляться рано.

Свое снаряжение, сваленное в кучу, он нашел в соседней комнате. Включил рацию.

— Подгоняй фургон. Четыре двухсотых и один трехсотый. — Поправил: — Два трехсотых.

Товарищ Никодим был на месте через три минуты. Увидел забинтованное плечо Кирилла, тело Покидова на столе, нахмурился. И еще сильнее нахмурился, когда склонился над Энвером-пашой и осмотрел его раны.

— Грязно сработали. До Москвы не дотянет.

— Лучше, чтобы дотянул.

Никодим неопределенно качнул головой, расстегнул саквояж, вынул перевязочные пакеты.

— Не могу гарантировать.

— Значит, эвакуируй объект, после вернешься за остальными. До утра время есть, никто сюда не сунется. Я покараулю. Сколько тебе времени нужно, чтобы обернуться?

Никодим посмотрел на ходики, цокающие на стене.

— Часа три. Может, лучше со мной поедешь? Ты белый весь. А у меня здесь надежный врач есть.

— Нормально, три часа выдержу... — Кирилл опомнился: — Кстати, о враче! Отсюда выходил человек? Лет под сорок, среднего роста, щуплый, волосы темные с зальсынами.

— Какой человек? Откуда ему взяться? Не было здесь посторонних, у меня наблюдение хорошо поставлено, — обеспеченец закончил бинтовать террориста, разорвал рукав, примерился, чтобы сделать укол...

— Стой!

— Что еще? — рука товарища Никодима замерла, он обернулся, подозрительно взглянул на Зорина. Но тот смотрел не на него. На предплечье боевика красовалась знакомая отметина. Такая же, как теперь была у Кирилла. Свежий след от иглы для переливания крови.

— Это не Энвер-паша. Кукла, подстава.

Мысли, до этого медленные и тягучие, зазвенели в голове с новой силой. Что там говорил террорист перед тем, как получил пулю? «Ты не смог взять Энвера-пашу»... живым?! Получается, он, майор Зорин, сделал как раз то, что его пытались заставить сделать?

Западня. Вся их операция — западня. НАК крепко сел на хвост этому «паше», потому и решили его хо-

зьева сделать «ход конем», чтобы вывести из-под удара ценного специалиста. «Запрограммировали» подходящего под описание боевика, подстроили, чтобы на операцию шел восприимчивый к обработке агент. Рассчитывали, что Покидов застрелит Кирилла, потом — лже-пашу, доставит труп в Москву, и дело закроют. А когда накладка вышла — Дмитрий промахнулся, — настоящий Энвер-паша попытался все быстренько переиграть, очень уж, видно, сценарий понравился. Почти сумел. Однако «почти» в таком деле не считается.

Кирилл улыбнулся. Теперь он знал наверняка, кто такой Энвер-паша. Он видел его на расстоянии вытянутой руки, говорил с ним. Минуту назад сам перечислил его приметы. А почему не узнал — представлял себе типичного кавказца. А «паша» оказался не кавказцем. Совсем не кавказцем... хоть и собакой.

— Не выходил, говоришь? Отлично. Значит, он до сих пор в доме прячется.

— Невозможно! Мои люди засекли бы любого, кто здесь нос показывал...

— А он и не показывал.

Кирилл прокрутил в памяти план дома. Ага, вон там. Он вышел из комнаты, поманил за собой Никодима.

Лаз в погреб находился в коридорчике между кухней и кладовой. Крышка крепкая, добротная. Тяжелая. Одной рукой не справиться.

Зорин достал «беретту», scomандовал обеспеченцу:

— Отрой и сразу назад. Я — вниз. Надеюсь, он там один. Но если что, подстрахуй. Оружие есть?

— Обижает!

Товарищ Никодим тоже вынул пистолет, взялся за металлическое кольцо, вделанное в пол. Теперь надо сосредоточиться, лишние мысли — в сторону! Кирилл прыгнул в черное нутро лаза.

— Стоять, не двигаться!

Он не ошибся, «доктор» был здесь. А еще — койка, тумбочка, стол с мониторами видеонаблюдения. Настоящий «командный пункт». Отсюда Энвер-паша следил за происходящим в доме. И вокруг дома. Посмеивался, наверное, наблюдая за операцией.

Прыгая в погреб, Кирилл осознал, что может напороться на пулю. Но боялся не этого. Превратиться в безвольную куклу куда хуже смерти.

— Руки за голову! Рот не открывать! Скажешь слово — стреляю!

Энвер-паша не пытался играть в героя, послушно подчинился. Сложил руки на затылке, попятился в угол. И от этой послушности Кириллу сделалось не по себе. Ладно сейчас, под дулом пистолета. Но первый раз? Почему сбежал, не вмешался, пока Зорин разбирался с боевиком? Ведь одного слова хватило бы...

Мысли в голове застучали с новой силой. Что не так? Он в чем-то ошибся, что-то не учел? Конечно! Поверил «доктору» на слово, испугался «чужой крови». Но это же чушь! Миллионам ежегодно делают переливание, и они не становятся от этого «зомби». Возможно, чужая кровь и ослабляет иммунитет к чему-то, но явно не голосовые команды превращали людей в послушных роботов. В цепочке не хватало одного звена. Самого главного. Что-то воздействовало на сознание людей во время обработки, накладывало на голос «программиста» «усиление». Вслед за ФСБ Зорин упустил одну деталь: боевикам по телефону называли имя не только «шахида», но и того, кто должен его обработать! Цепочка из трех звеньев: боевик, отдающий команду — некто, переводящий команду на подсознательный уровень — жертва, воспринимающая команду, как условный рефлекс.

Некто или нечто. Прибор, модулятор, настроенный на голос конкретного человека. Он может выглядеть как угодно, обычный, не вызывающий подозрений и вопросов предмет. Никогда не найдешь, если не знаешь, что искать. Потому Энвер-паша и сбежал, что очередной «программист» неожиданно выбыл из игры, а для нового модулятор требовалось перенастроить. Время требовалось.

Нет, не сбежал он. Отошел на заранее приготовленную позицию. Потому что операция продолжалась. Не та, которую проводил Зорин, а та, в которой его использовали. В которой его вновь и вновь заманивали в мышеловку. И вот она захлопнулась.

— Кирилл, брось оружие! — властно потребовали сзади.

Пальцы разжались сами собой, выронили «беретту» на гулкий бетонный пол. Потому что так было нужно, и противиться этой чужой, враждебной нужности Зорин не мог... Но мгновением раньше, чем приказ был осмыслен и выполнен, он обернулся и нажал спусковой крючок. Один раз.

«Товарищ Никодим» сидел на корточках, наклонившись к люку. Пуля попала ему в подбородок, прошла снизу вверх, превратила затылок в кровавые ошметки. Обеспеченец хрюкнул сдавленно, покачнулся. И повалился вниз, цепляя руками и ногами за перекладины лестницы. Кем он был — предателем, хитро замаскированным врагом или очередной жертвой? Не важно. Он был профессионалом. И перед тем, как упасть, уже умирая, успел выстрелить в ответ. А Кирилл уйти с линии огня не успел. Рефлексы, заторможенные чужой волей, работали слишком медленно. И бронезилета теперь на нем не было!

Первая пуля ударила в плечо, разрывая набухшие кровью бинты. Вторая — ниже и правее, по ребрам.

Кирилла сбило с ног, швырнуло на пол, в глазах полыхнуло черным, затылок больно ударился о бетон. Да разве это боль? Она почти растворилась в той, что сжигала его тело.

Маска спокойствия наконец-то слетела с лица Энвера-паши. Он заверещал, как раненная свинья, кинулся к лежащему на полу пистолету. Длинные тонкие пальцы согнуты, как когти хищного зверя. Едва сознавая, что делает, Кирилл вытянул ногу, подсек.

Бег превратился в полет. Очень короткий. Затем — гулкий удар головой. Здесь все было из бетона — пол, потолок, стены. И стальные балки-опоры. Энвер-паша встретил одну из них на пути. Упал, дернулся конвульсивно и затих. А Кирилл отчетливо понял — навсегда затих. Черт, черт, черт! Значит, все зря? В Москве так и не узнают секрет «шахидов»? И Димыч погиб ни за грош?! Остается только сдохнуть в этом проклятом погребу!

А потом он увидел. И засмеялся, хоть в груди болело. Нет, не зря. Теперь он был уверен, что найдет силы выбраться из погреба. И вернуться найдет силы. Они не провалили операцию. Они нашли больше, чем искали.

Не к «беретте» тянул руки Энвер-паша. Рядом с лестницей лежал выпавший из кармана «товарища Никодима» портсигар. Серебряный, подарочный. Вязь гравировки перемазана кровью: «Моему любимому мужу. А». От удара крышка слетела, обнажив... нет, не сигареты. Табло экранчика и ряды крошечных кнопок.

Кирилл смеялся, кашляя, ощущая вкус крови на губах. Своей собственной или, может быть, крови Димыча, что ему влили? Не чужой, однозначно. Кровь друзей, кровь людей, которых ты защищаешь, чужой быть не может. **УС**

Лаз в заборе

Олег Быстров

55 лет. Псевдонимами не пользуется. Родился в городе Краснодаре, где и проживает по сегодняшний день. Окончил Кубанский медицинский институт, работает врачом. Тягу к литературному творчеству почувствовал в конце 2009 года, с этого времени пробует свои силы в написании фантастических рассказов и повестей. Публиковался в «Полдне, XXI век», рассказы автора вошли в антологию «Гусариум» и «Империум» («Снежный Ком М») и «Настоящая фантастика 2013» («Эксмо»). Издан роман «Зрячий», изд. «Фантаверсум».

Где чаще всего играют мальчишки? Если это не футбол, конечно, и не шахматы, а «войнушки», прятки-догонялки и прочие подобные развлечения на свежем воздухе? Испокон веку любимыми местами для этого были незаконченные и заброшенные стройки, котлованы, скопления гаражей. На худой конец, какой-нибудь пустырь.

И пусть взрослые ругаются, пусть пугают, что на заброшенной стройке или с крыши гаража легко упасть и сломать себе руку (или ногу, или еще что-нибудь, в зависимости от желаемой степени утрашения). Кого и куда это останавливало?..

Не были исключением и мальчишки Ясноборска. Однако имелся в городе один объект, один отгороженный участок, куда пацаны почему-то не ходили. Было что-то зловещее, что-то отпугивающее и отталкивающее в этих старых домах за дощатым забором. Посмотришь в щелку, так вроде ничего особенного — две трехэтажки и что-то вроде склада или большого гаража. Но ходили слухи: мол, была тут когда-то лаборатория, и выращивали в той лаборатории «для науки» всяких чудищ. И что, мол, по сей день еще можно встретить ночью между домами, отгороженными от всего мира толстыми, шершавыми, потемневшими от времени, но все еще прочными досками страшную какую-нибудь тварь — то ли волка с телом змеи, то ли паука размером с сарай.

И если заглянуть в щелку вечером, чудились порой по-над стенами заброшенных зданий жутковатые тени...

Игорь с Матвеем в эти рассказы не очень-то и верили, но до поры, как и другие школьники, лазать за таинственный забор опасались. Однако произошло событие, все изменившее враз. Во всех трех кинотеатрах города целую неделю крутили «Неуловимых мстителей», и все первые классы, а вместе

с ними и вторые, да и третьи, чего греха таить, просто заболели приключениями отважных ребят из легендарных двадцатых годов.

Мотя, как называл друга Игорек, посмотрел фильм трижды — в каждом кинотеатре по сеансу. Себя он назначил Данькой, Игорька — Валеркой, хотя ни очков, ни тем более пенсне, как герой фильма, тот не носил. Цыган среди знакомых у ребят не водилось, потому роль Яшки оставалось свободной. Как и роль Ксаны — девчонок в свои игры они не брали.

И вот отгороженная, запретная территория — какие уж тут слухи! какие запреты! — в один час была объявлена главным логовом гада Бурнаша, а лаз в заборе (две доски, которые удалось сдвинуть) ребята нашли быстро.

Влезли с некоторой опаской. Огляделись. Внутри все смотрелось так же, как и через щелочку: пустые заброшенные дома, разросшиеся лопухи по-над стенами. Ворота то ли гаража, то ли склада оказались заваренными наглухо. Перед зданиями обширная площадка, залитая серым, потрескавшимся асфальтом. Кое-где из трещин пробивались зеленые ростки, ломая асфальт окончательно.

Стоял ясный день конца мая, почти лето — жарко, тихо, пустынно.

В крайней слева трехэтажке ничего интересного не обнаружилось. Замок на двери ребят не остановил, проржавевшие петли держались на честном слове. Первый этаж начинался проходной. Игорь видел, у матери на комбинате тоже так — каморка вахтера, неширокий коридор и вертящаяся металлическая штука, через которую можно проходить только по одному. Вертушка давно проржавела и не прокручивалась, мальчишки просто пролезли под ней по полу.

За проходной начинался другой коридор и лестница наверх. Везде незапертые пустые кабинеты, порой с остатками мебели — колченогими стульями или шкафами с оторванными дверцами. Пыль толстым слоем, оконные стекла мутные, а где и вовсе выбиты. Гулкая тишина, сквозняки, редкий скрежет приоткрытой оконной створки. И так по всем трем этажам.

Бурнаша не было, вообще никого не было. Мотя поразмахивал своим пистолетом, подаренным отцом ко дню рожденья — неизвестной модели, но черным и железным. Пострелял — бух! бух! — по невидимым врагам революции, и друзья перешли во второе здание.

Здесь тоже была проходная, но за ней помимо лестницы, ведущей наверх, был еще и спуск вниз, в подвал. Ребята рассудили, что верхние этажи, скорее всего, окажутся такими же, как и в осмотренном соседнем здании. Вряд ли там найдется что-то интересное. Но вот подвал обещал больше новых впечатлений. Недолго думая, они начали спускаться.

На удивление, первый же выключатель на стене зажег пыльные плафоны под низким потолком. Зажег тусклым, мерцающим светом, но стало все видно вокруг. Подвал длинный — метров десять, может, пятнадцать. Краска на стенах — темно-зеленая, холдная и казенная. И в конце одна единственная дверь. Металлическая, тяжелая даже на вид.

Мальчишки подошли к ней, — а больше в подвале не было ни дверей, ни окон, — и остановились. Как-то не по себе стало. Полная тишина вокруг, сухой и прохладный воздух — жара сюда не проникала — и ничего опасного. Ну ничегошеньки, честное слово! А все равно тревожно как-то...

— Может, не пойдем, Игорешка? — прошептал Мотя. — Боязно что-то...

— Не дрейфь, Матюха, — бодро ответил Игорь. Не шепотом ответил, но тоже негромко так, вполголоса. — Какой же ты «неуловимый», если какого-то подвала испугался?

— Я испугался?! — обиделся Мотя. — А Данька испугался бы, да?! — Он воинственно вскинул игрушечный пистолет. — Слушай мою команду, Валерка! Идем бить Бурнаша!

Мотя налег на дверь, и та неожиданно легко поддалась, отъехала в сторону по заделанному в пол рельсу. За дверью было светло...

Улица, но совсем не такая, как наверху. Или снаружи... или как там правильно!..

Деревянный тротуар и булыжная мостовая вместо привычного асфальта, справа круглая, скособоченная тумба с какими-то яркими картинками, слева — невысокая решетчатая ограда. Но не это главное...

Холодно.

Небо заволокло низкими тучами, вот-вот пойдет дождь. И не майская веселая гроза, а осенний — стылый, серый, беспросветный. И пахло гарью. Дымом пахло и еще чем-то, чему и названия-то не подобрать, но от чего вдруг стало необычайно тоскливо и муторно на душе. Но не это главное...

Трупы.

Мертвые люди — они лежали вдоль тротуара, и на мостовой, и по-над стенами низких, одноэтажных домиков, какие еще встречаются на окраинах города, но которых все меньше год от года. А здесь все были такие. И левее по улице вывеска «Трактирь», а мертвые — в серых шинелях, в кожанках и бушлатах. Все как в фильмах про гражданскую...

Но почему-то ясно было — никакое это не кино. И темные пятна на шинелях и мостовой — не разлитый томатный сок, и наганы с винтовками, что зажаты в окостеневших руках трупов — не из фанеры.

А прямо напротив — убитая лошадь и перевернутая на бок повозка. «Пролетка» — всплыло в памяти некстати. И рядом с пролеткой распростерлось тело мужчины в длинном пиджаке — даже так, лежа, было видно — длинный пиджак, такие сейчас не носят. И шляпа откатилась в сторону, такие шляпы тоже только в кино и увидишь. Лица не разобрать, но рука вытянута, будто тянется к саквоюжу, лежащему тут же, чуть поодаль от мертвых пальцев.

Саквож раскрылся — видимо, при падении — и из него вывалились красноватые, тугие пачки — деньги!

Мотя брел поперек невозможной, страшной этой улицы будто пьяный, или по колено в воде — руки развел, то ли покачивается, то ли поскальзывается, не понять, — и все крутил, крутил головой по сторонам как заведенный.

Игорь хотел крикнуть! Хотел позвать друга, потому что не нужно, да просто нельзя здесь находиться! Уходить нужно, бежать! — и быстрее, а то...

Но неожиданно застучали, захлопали выстрелы. Где-то справа и очень близко...

Игорь непроизвольно присел. Внутри все дрожало, и сердце норовило вырваться из груди, прорвав и ребра, и кожу, и тонкую летнюю рубашку. А Мотя все брел по булыжной мостовой, как зачарованный. И даже выстрелы его не испугали, он вообще на них не отреагировал. Игрушечный пистолетик в руке выглядел жалко и нелепо...

— Мо-о-о-т-я-я!!! — крикнул Игорек. Вернее хотел крикнуть, но из горла вырвался только писк.

Беспомощный, как игрушечный пистолет.

И тут слева загрохотало — громко, гулко, четко — будто невидимый барабанщик принялся отбивать с какой-то дикой, странной, только ему ведомой целью барабанную дробь. И вдоль улицы запело, за-

свистало тонко и надрывно: так, что внутри, до этого все натянутое струной, сжалось в комок. В маленький комочек, словно намоченный носовой платок.

С тупым звуком стегнуло по пролетке, а по бульжникам — звонко, с отвратительным визгом рикошетов. В следующий миг Мотю словно с размаху ударили палкой — в шею, потом по спине... Он выгнулся, из мальчишеского горла вырвался то ли вскрик, то ли всхлип...

А пули уже смяли маленькое тело, швырнули на бульжники, крутанули, оставляя темную полосу по гладким камням...

Игорь не мог больше смотреть.

Ма-ма!

Мамочка!

Ма-а-а-ма-а-а!

Он отпрянул в зияющий сзади провал — кубарем перелетел границу этого чудовищного мира — вцепился в дверь — потянул — на карачках — или это он толкал? — да какая разница!..

Дверь закрылась так же легко, как и открылась. И сразу смолк грохот пулеметной очереди.

— ...ставьте капельницу с глюкозой! И витамины! И еще, Вера, введи туда полкубика хлорпромазина... Знаю, что маленький, а что делать?! Так ведь тоже нельзя! Он сейчас постромки вырвет с «мясом»!..

— ... может, ты подскажешь, где сейчас Матвей Белов? Игорь, ты должен нам помочь. Ты же уже большой мальчик. Вспомни, вот вы пошли гулять, так? Может, вы ходили на речку? Купались?..

— Прекратите! Ребенок еще очень слаб!..

— ...не знаю, не знаю, милочка... Мальчику нужен длительный курс реабилитации. В специализированном лечебном учреждении. Не знаю — мо-

жет, шесть месяцев, может чуть короче. А может, и немного дольше...

— ...Игорешечка, миленький! Никому не отдам! Никому!..

* * *

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом:

время рождаться, и время умирать... время убивать, и время врачевать... время плакать, и время смеяться... время любить, и время ненавидеть... Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя...»

Игорь захлопнул книгу. Хорошо им было, древним мудрецам. Сказал пару фраз — и на века! Цитируют, вставляют к месту и не к месту. Экклезиаст! Да в Зареченке и слова такого не слышали. Ни ребята в его классе, ни взрослые. Ну, может, учитель истории...

Идет ветер и возвращается на круги своя. Вот это уже точно про него. Как он дал матери себя уговорить? С другой стороны, — а что скажешь против! Ей от комбината — как передовику производства и матери-одиночке — досрочно выделили квартиру. Двухкомнатную! В новом доме! Ну как тут было не радоваться? Вот только пришлось возвращаться в город.

Восемь лет пролетели как птица, но он помнил все — болезненной какой-то, жестокой памятью, не дающей похоронить в прошлом ту страшную картину: тело Моти, сминаемое градом пуль...

Как его потом лечили, как долго держали в какой-то странной больнице с решетками на окнах и короткими прогулками в крохотном садике за высокой оградой, это все отложилось плохо. Смазано как-то

отложилось. Мать приходила, плакала, что-то говорили врачи — все было как в тумане. И постоянно хотелось спать.

Но ту осеннюю улицу, и как убивали его маленького друга — помнил отлично.

Потом мама забрала его, и они переехали из города (от греха, так она сказала) на другой берег реки, к тетке в Зареченский хутор. Там стало полегче: новая школа, другие ребята. Вопросы, конечно, задавали — что, да как, — но он где отбрехался, когда от молчался. И жизнь потихоньку наладилась. Воспоминания поблекли, до недавнего времени он жил почти спокойно. Только во сне иногда все толкал и толкал тяжелую дверь по рельсу, а та никак не хотела закрываться...

И вот он опять в городе. Уже почти год.

— Игорек, ты дома? — мамин голос из прихожей.

— Да, мам, но сейчас ухожу.

— Хоть не голодный? — Мать вошла в комнату, присела рядом на диван. Взъерошила волосы, заглянула в глаза пытливо и настороженно. Она так часто заглядывала после тех событий, будто искала в глазах сына какой-то след, и одновременно страшилась найти. — Я там котлетки приготовила. Кушал?

— Ага. Я не голоден.

— А идешь куда? Опять в библиотеку?

— Туда, мам, туда... — ответил он, вставая. — Буду вечером.

— Иди, конечно. Я понимаю, надо готовиться...

Этим и ограничивались беседы с мамой в последнее время. Поход в библиотеку был отличным поводом смыться из дома. И причин смыться было сразу две.

Во-первых. Подходил к концу десятый класс (школу мама выбрала другую, не ту, в которой он учился раньше), и Игорь решил поступать в техникум.

Комбинат-то градообразующий, здесь все, так или иначе, работают на производство. Мать предложила учиться на технолога. Что ж, пусть будет технолог.

Но сказать по правде, бегал Игорь в библиотеку не только — и даже не столько — ради подготовки к экзаменам. Его остро интересовала история заброшенного объекта. Переворотив кучу справочников, краеведческих книжек и подшивок старых газет, он узнал, что — да, был-таки в Ясноборске исследовательский институт. Открыли его в сорок седьмом, и никаких монстров там, конечно, не выращивали, а изучали некие физические проблемы.

Что за проблемы, нигде толком не говорилось. Объект считался режимным, и информация о нем подавалась крайне скупо. Но, внимательно перечитывая теперь уже научно-популярные журналы той поры, Игорь наткнулся на заметку о физике Савельеве, работавшем как раз в Ясноборском институте. А чуть позже нашел его фамилию в отчете об одном из симпозиумов рядом со знаменитым Козыревым. Симпозиум проходил смешанным составом — физики и астрономы. Козырев, недавно условно-досрочно освобожденный из заключения, выступал тогда как астроном. Времена были еще те, и товарищи ученые, похоже, собрались, чтобы заклеить очередное лженаучное течение. Или теорию... Но главное, Савельев с Козыревым могли там встречаться, общаться, делиться мыслями.

Увлечшись вопросом, Игорь уже знал, что позже Козырев станет автором быть может самой спорной, но крайне интересной теории «причинной механики», будет заниматься проблемами плотности и направлением течения времени. Так может, Савельев уже тогда занимался подобными проблемами?

Как все было на самом деле, узнать не удалось. В пятьдесят третьем умер Сталин, началась борь-

ба с культом личности. Одни ведомства расформировывали, другие создавали. Исследования в институте, судя по всему, приостановили, а потом и вообще прикрыли. Фамилия Савельева больше нигде не встречалась.

До пятьдесят седьмого в корпусах еще шли какие-то прикладные изыскания, суть которых Игорь по отрывочным заметкам не уловил, но институт, как видно, хирел год от года, и в конце концов его закрыли. Аппаратуру вывезли. Двери закрыли на замки. Вокруг территории возвели глухой забор. Все. Аминь.

На долгих десять лет «аминь», пока двое мальчишек не нашли лаз в заборе.

Информации Игорь больше не нашел, зато сколько появилось вопросов! Сколько фантастических предположений и дерзких догадок! А вдруг в сталинские времена здесь строили машину времени?! Не явно, чтоб не смущать советскую общественность столь смелыми замахами на тайны мироздания, но потихоньку, незаметно, в небольшом институте под названием «изучение физических проблем»... Почему нет? И вполне могли ученые чего-то добиться...

Загадка эта не давал Игорю спать по ночам. И грандиозностью своей, и воспоминаниями о переломе в тот злосчастный день.

И тянуло... Тянуло за забор страшно, неодолимо, как тянет преступника на место преступления или наркомана к дозе. Хотелось вновь попасть в тот подвал, увидеть ту дверь...

Однако существовало еще и «во-вторых».

Звали «во-вторых» Фролом. Был он мрачным нестарым мужиком, крепко пьющим, но в трезвые промежутки довольно спокойным, даже замкнутым. Работал на комбинате наладчиком. Еще имел Фрол

брата-погодка, Степана. Похожи они были поразительно, и повадки имели одинаковые, только что Степан в любую погоду не расставался с дурацкой кепочкой, имея привычку сдвигать ее на затылок. Физической силы братья были необычайной — руками могли пятаки ломать, — и пили обычно вместе до невменяемости.

Откуда он взялся, этот Фрол, было для Игоря загадкой, но появился он вскорости после того, как стало известно, что мама получает квартиру. Вначале похаживал, когда сам, а когда с братом. Вроде как в гости. Но все чаще оставался в маминой комнате на ночь. Потом и вообще вселился в их «двушку» с мамино молчаливого согласия.

С тех пор стало Игорю неуютно в собственном доме. Квартира-«распашонка» не слишком располагает к совместному проживанию большой семьи, а семья получилась не столько большая, сколько шумная. То Фрол со Степой гуляют, песни поют, то ночные звуки из маминой комнаты не дают Игорю уснуть, будоражат молодое воображение.

Он терпел, хотя внутренне возмущался: где этот мужик был раньше?! Отца Игорь не помнил, мать на вопросы отшучивалась, — мол, а зачем он нужен, и так хорошо. Она всегда боролась с судьбой сама — и на работе (ударница!), и дома, и когда сын болел. Тянула изо всех сил, крутилась как белка в колесе. А где был в это время бугай Фрол? Водку жрал вместе с братцем?

Попытался поговорить с матерью, но та потупилась: он зарабатывает хорошо, Игорек, опять же мужское плечо. Легко ли одной-то? А что пьют, так все щас пьют, где их, непьющих взять-то...

И все оставалось по-прежнему. Что мог Игорь? Только сбежать из дому почаще. Под видом занятий, в библиотеку, и... к забору.

Лаз в две доски, что проделали они с Мотей в детстве, сохранился.

Наверное, были и другие, Игорь скоро убедился, что он не единственный посетитель заброшенного института. Но шагая первый раз после стольких лет по шербатому асфальту, спускаясь в подвал — думал сердце вот-вот остановится, или не хватит воздуха.

Здесь было все как тогда: пыльные плафоны под низким потолком, тусклый мерцающий свет, холодная зеленая краска на стенах. И дверь. Чуть приоткрытая...

Он подошел и налег плечом.

И ничего не произошло. Довольно просторное помещение, темное, свет едва попадает из коридора. Но и в полумраке видно — запущенное, брошенное, никому не нужное. Пустое.

Позже он наведалься сюда с фонариком. Обнаружил покинутое стойбище бомжей: пустые бутылки, банки от консервов, останки полосатого, в подозрительных пятнах матраса. Прочий хлам. Видимо, жили здесь в холода, а сейчас потеплело, они и ушли.

Но как же так? — мучил себя вопросами Игорь. Почему ему и Моте когда-то открылся здесь совершенно иной мир, а этим сиротам небесным — нет? Рассмотрел на полу явные следы пребывания кошек и бродячих собак. Значит, для животных дверь тоже закрыта? Высветил на стене нацарапанную надпись «Beatles» — ага, и молодежь сюда заглядывала.

Что ж получается, многие — и люди, и кошки — могут безбоязненно и без последствий заходить в эту комнату. Заходить и выходить, и ничего им не делается. А они с Мотей, вот...

Тем временем случилось событие, в корне изменившее домашнюю ситуацию. После очередной

пьянки Степан поперся на реку купаться. Вода была еще холодная, сам — в стельку, но Степу это не оставило. И не вернулся Степан, поглотила его река.

С тех пор Фрол словно с цепи сорвался. Слетел с катушек окончательно. Пил беспробудно, буянил, пришел день — он ударил мать. Потом побои участились, практически каждая попойка заканчивалась тумаками и бранью. А пил наладчик почти без перерывов. У Игоря сердце разрывалось при виде синяков на усталом, заплаканном, таком родном лице матери. Пробовал обратиться к участковому. Тот пришел утром, поговорил с буяном. Фрол был еще трезв: соглашался, винился, обещал, что больше «ни-ни». А на следующий день все повторялось.

Жить дома стало невыносимо.

Игорь проводил в квартире все меньше времени. И сбегал он в знакомое и любимое место — в библиотеку. Где его уже знали в лицо библиотекарьши — все почтенного возраста, в очках, и встречали добрыми улыбками — какой хороший мальчик! Книжки читает, а не в пивной толчется или по улицам шляется с утра до вечера. Как некоторые...

А Игорь вновь просматривал книги по краеведению. Да, Гражданская война не обошла Ясноборск стороной. Осенью девятнадцатого года здесь шли упорные бои, город несколько раз переходил из рук в руки. Была и местная банда. Те бились и с белыми, и с красными, а в промежутках безбожно грабили всех подряд.

Два вопроса не давали ему покоя: что делать с Фролом, и почему закрыта дверь в прошлое? Такие разные вопросы, но почему-то жгли и мучили они Игоря одинаково сильно.

По первому он еще раз обратился в милицию, и даже как-то уговорил мать — тогда ей особенно досталось от наладчика — написать заявление. Сам

отнес бумагу в пункт милиции. Но уже на следующий день мама заявление забрала, заявив, что претензий к своему гражданскому мужу не имеет. Эх, мама, мама...

По второму оставались сплошные догадки. Игорь уже не сомневался, что в конце сороковых, начале пятидесятых годов в Ясноборске проводились эксперименты по изучению свойств времени. В подвале навверняка стояла какая-то мощная установка: генератор, или другой какой прибор, воздействовавший на эту загадочную субстанцию. И остатки силовых кабелей, едва заметные под слоем пыли и мусора, но найденные Игорем в углу помещения, тому доказательство.

Потом прибор демонтировали и увезли, но след остался. Некая дыра, прореха, щель между годами. Притворенная, но незапертая дверь. Лаз в заборе. Проход в давно ушедшие времена и давно свершившиеся дела. Но они живут там, за дверью — и времена, и дела. И пулемет бьет так же убийственно, как и в наши дни. Доказательством тому Мотина жизнь. Точнее — смерть.

Но почему дверь открывается не всегда? И не всем? Что было такого особенного в Матвее Белове, или что он такого особенного сказал тогда? Ну, не «Сезам, откройся» же, в конце концов...

Или сказал?

Игорь припоминал — что-то типа «будем брать Бурнаша!». Ну и что? Тогда многие бредили «неуловимыми», а Мотька так особенно. Но однажды в старой подшивке Игорь наткнулся на статью. Фамилия автора ему ничего не говорила, однако из текста следовало, что сильные эмоции человека сами по себе обладают энергией. И высокой энергией, настолько высокой, что под воздействием ее могут происходить изменения в физическом

мире. И особенно детские эмоции — яркие и непосредственные.

«Так может, в этом дело?» — подумал Игорь. Может, это и было золотым ключиком? Тогда и попадание в Гражданскую вполне объяснимо. Разгадка брезжила где-то рядышком, свербела в мозгу, ускользала. Но жизнь не дала ему времени на дальнейшее разгадывание.

На этот раз Фрол явился уже пьяный и принес бутылку водки с собой. Мать сразу засуетилась — она всегда суетилась перед бугаем, старалась накрыть на стол, ублажить, умаслить... Игорю очень хотелось крикнуть: «Мама! Гнать его надо в шею, а не кормить!..» Но он молчал, не решался, а мать продолжала суетиться. Только в этот раз что-то сразу не понравилось Фролу с пьяных глаз. Без обычной ругани, молча и остервенело, он сходу залепил маме оплеуху.

Удар был так силен, что отбросил ее к дивану. Зазвенела оброненная посуда.

— Не смей! — голос Игорю отказал, крик получился задушенный. Но уже в следующий миг он кинулся на Фрола сзади, вцепился в плечи...

А бугай отмахнулся. Просто отмахнулся, но этого хватило, чтобы Игорь кувырьком полетел через всю комнату. Получилось — в сторону кровати...

Наладчик развернулся:

— Ты?! Щенок! — И удар ногой по ребрам.

В груди что-то хрустнуло, дыхание перехватило. Игорь перекатился и получил еще удар — в поясницу. Тело пронзило острой болью. И еще удар, и еще пинок! Мать голосила на высокой пронзительной ноте, но наладчика было не остановить.

Так и загнал Игоря под кровать — пинками.

В пыльном, душном полумраке Игорь глотал слезы. Даже боль не так беспокоила, как унижение.

Фрол, судя по звуку, хлебнул из горлышка и протопал, невнятно ругаясь, в комнату матери. Панцирная сетка со стоном приняла тяжелое тело, и раздался молодецкий храп. Мать собирала осколки и тихо плакала, а Игорь понял — все. Им двоим — ему и Фролу — здесь не жить.

Пацанами они играли в красных, сражались с белобандитами. «Идем бить Бурнаша!» — вот что крикнул тогда Мотя. Он мечтал попасть в мир, где существует враг, а Игорь в этом мире живет. Он хотел биться за справедливость, уничтожить зло, воплотившееся в Бурнаше, а зло оказалось не где-то там, за дверью. Оно вот, рядом — храпит на маминной кровати. Враг и бандит. Его не надо искать, его надо увести. Увести, и тогда всем будет лучше...

Все это случилось вчера вечером, а сегодня с утра Игорь улучил момент и подсел к Фролу на кухне. Наладчик только что прикончил остатки вчерашней водки и был в том состоянии, когда человек уже не трезв, но еще и не пьян. Только в такие редкие минуты и можно было с ним разговаривать.

— Фрол, — начал Игорь мирным тоном, будто и не было вчерашнего, — тебе деньги нужны?

— Угу, — тоже вполне мирно кивнул Фрол. Скорее всего, он вчерашнего просто не помнил. — А кому они не нужны?

— Я знаю, где взять. Много, целый саквояж.

— Врешь, — утвердил Фрол и икнул.

Но расчет Игоря был верным. Он знал — наладчика уже месяц как турнули с работы за беспробудное пьянство. Деньги матери он пропил, и сейчас решает для себя мучительный вопрос — где взять на выпивку?

— Не вру, — поднажал Игорь. — Деньги лежат прямо на земле. И взять их можно легко, они ничьи. Но для этого надо пройти... — он замаялся.

Ну как объяснить этому борову, что идти придется в 1919 год? — В общем, здесь недалеко. Только у меня условие.

— Какое еще условие? — прищурил покрасневший глаз Фрол. Условия — это ему было понятнее. Раз малец условия ставит, значит и правда, что-то имеет.

— Возьмешь деньги и оставишь нас с мамой, — твердо закончил Игорь.

— Ха! Оставить... Там видно будет, ты вначале говори — где деньги?

— Они в подвале заброшенного института. Я сам видел.

Тяжелые как жернова мысли со скрипом прокручивались в голове бывшего наладчика. Игорь читал их как раскрытую книгу: нужно выпить, но для этого нужны деньги, а где их взять? ведь не даст никто, у всех уже занято-перезанято, сволочи, ни копейки не дадут, что ли продать чего? так нечего продавать, да и долго, а выпить надо сейчас...

— Дак эт што, клад, што ли? — с трудом родил Фрол.

— Ага, клад, — кивнул Игорь. — Там и золото есть. Точно тебе говорю.

Фрол еще посидел, попыттел, покрутил башкой и сдался:

— Веди. Только смотри... — он с неожиданной ловкостью ухватил своей лапищей ворот Игоревої майки и скрутил узлом. — Если што не так, голову оторву и в том подвале зарою.

Лаз в заборе, площадку перед корпусом, проходную — все это они миновали без неожиданностей. Спустились в подвал, подошли к двери. Та была закрыта наглухо, совсем как тогда, в детстве. И так же чувствовалось что-то в окружающем пространстве, в атмосфере подвала — что-то, что объяснить нель-

зя, но и спутать невозможно. И дрожь — предательская дрожь появилась в животе и под сердцем...

И еще где-то, где, наверное, располагается у человека душа.

Игорь совершенно не был уверен в успехе задуманного. Все его догадки и предположения могли оказаться миражом, обманом, плодом разгоряченной фантазии. Но отступать было некуда, невозможно было отступать, и он — зажмурив глаза, всеми силами вызывая перед внутренним взором картинку далекого прошлого — Мотю с игрушечным пистолетом, его решительное лицо, — крикнул во все горло:

— Идем бить Бурнаша!

И рванул дверь.

И сразу понял — получилось.

Точно так же клубились по небу низкие тучи. И гладкая булыжная мостовая блестела. Точно так же лежали трупы, сжимая в руках оружие. Перевернутая пролетка, мертвая лошадь в спутанной сбруе, и распростертый человек в длинном пиджаке. Даже так, лежа, было видно — длинный пиджак, сейчас такие не носят.

— Эт што еще за кино? — пораженно просипел сзади Фрол. — Эт че за дела, а?

— Вон, видишь? — Игорь показал на саквояж. — Это деньги. Бери.

— Дак деньги-то... того... — засомневался Фрол. — Ненашенские вроде...

— Да, банкноты могут оказаться старые, но там еще и золото. Я ж тебе говорил. Да вон, разве сам не видишь — блестит...

— Золото, говоришь! — И Фрол двинулся поперек улицы, отодвинув Игоря одним легким движением.

Увидел ли что бугай, или ему показалось, или просто вид тугих, радужных пачек влек его сильнее

всякого магнита... Но он шел. Шел тем же путем, что и Мотя восемь лет назад.

Игорь присел на корточки, дрожь завладела уже всем телом и сделала ноги ватными. Сколько они с Мотей пробыли здесь тогда? Минуту? Пять? Разве определишь, вспомнишь. Это после он несколько часов пролежал в лопухах под забором, не в силах встать. Лежал и ревел в голос, пока хватало сил. А когда силы кончились — скулил, как брошенный, забытый всеми щенок. Звук и услышал какой-то добрый прохожий и вызвал «скорую». Все это потом рассказала мать... А за дверь? Когда началась пальба, разве ж угадаешь?

Фрол шел через улицу — осторожно, в полшага, озираясь, но взгляд его, чуть поблуждав вокруг, вновь притягивался саквояжем. И он — вот уже было совсем остановившись, готовый драпать — вновь продолжал движение.

Игорь рассмотрел наконец, что за скособоченная тумба стоит чуть правее. Афишная тумба! Разноцветные картинки, и поверх остальных — одна, большая: клоун растянул в улыбке рот до ушей, накрашенные щеки надулись шарами, и глаза закатились от смеха. «Цирк мосье Лагранжа! Дрессированные питоны и клоун Рокамболь! Спешите видеть! Всего одно представление!»

А может, и не будет никакой стрельбы? Может, попали они в другую какую-нибудь временную точку? Может те, что атаквали справа, все пали под пулеметным огнем, или наоборот, прорвались, и пулеметчик сам убит, лежит в крови рядом с остывающим «Максимом»?

Игорь готов был смотреть куда угодно, и думать о чем угодно, лишь бы не взглянуть ненароком туда, где могло лежать тело Моти. Или его уже там нет? Да и было ли все это вообще? — Мотя, их по-

ход, пулеметная очередь длиной в жизнь? Длиной в короткую, восьмилетнюю жизнь...

А он бредит. Просто бредит, лежа под лопухами у забора в жаркий день конца мая 1967 года...

И тут справа знакомо захлопали выстрелы.

Игорь совершенно застыл, но Фрол — он был уже полностью под гипнозом саквояжа! Шел медленно и неотвратно, как сомнамбула, к своей цели. И даже не слышал, наверное, что начали стрелять.

И как тогда Игорь попытался крикнуть. Он ничего не мог с собой поделаться — остановить Фрола, или хотя бы предупредить!

И как тогда — ничего у него не получилось. Лишь жалкий писк из горла, а не крик.

А следом заработал барабанщик: все так же мощно, четко, надежно. И пули вновь свистели над улицей, били по пролетке, рикошетили от брызжника — и впивались, впивались в тело Фрола.

Тот вздрагивал от каждого удара: выгибался, припадал на колено, но вновь вставал. Шатался, но не падал. И темная кровь выплескивалась из дыр на поношенной рубашке...

А потом крутанулся вокруг своей оси и рухнул на мостовую.

И за ним следом рухнул Игорь: в спасительный провал за спиной, в крик, заполнивший всю вселенную — ма-а-а-ма-а-а! ма-мочка-а-а-а!!!

Как добрался до дому, Игорь не помнил. В памяти лишь отложилось: выбравшись за забор, он вытащил прихваченные и припрятанные у забора два гвоздя-«сотки», нашел ухватистый камень и забил доски наглухо. Лаз закрыт, решил для себя, хода больше нет.

Дома встретила мать. Что-то говорила, что-то спрашивала — он не слышал, не понимал. Кив-

нул — угу — и молча прошел на кухню. Достал из холодильника котлету и принялся жевать, не ощущая вкуса. Контуры окружающих предметов слегка подрагивали, как дрожало еще совсем недавно все его нутро. Вдруг что-то зацепило сознание, заставило вслушаться в мамино воркование:

— ... подождал бы немного, со Степушкой бы и поел.

— Каким Степушкой? — не понял Игорь.

— Ну как, каким? — удивилась мама. — Со Степаном моим. Ты уж не сердись на него, — запримечала искательно, — горяч бывает. Мне тоже достается... Так это все от водки, от нее проклятой. А так он ничего...

— Ты хотела сказать — Фрол? — с трудом выдавил из себя Игорь.

— Да бог с тобой! — всплеснула руками мать. — Вспомнил! Его ж еще в прошлом годе машина сбילה. Да что с тобой, сынок?

Хлопнула дверь, мама встрепенулась:

— Степушка! Щас борща согрею!..

А Игорь окаменел. Потом с великим трудом повернул голову.

В дверях стоял Степан — в идиотской своей кепочке, сбитой на затылок, и бутылкой водки в руке.

— Давай, Ивановна, накрывай, — по-хозяйски распорядился он. — Помянем братана моего. Сегодня как есть год. Эх, мне б водилу того грузовика, я б его самого на колесо намотал и прокатил бы через весь город. Аж до Зареченки...

Игорь отвернулся и слепо уставился в окно. Губы упорно шептали — лаз закрыт, ходу больше нет.

Лаз закрыт, ходу больше...

Лаз закрыт...

Аз воздам

Елена Кушнир

Живет в Москве. Творит красоту на лицах за деньги. Верит в смерть после жизни, а когда преисполняется оптимизма — в жизнь после смерти. Пишет тексты про людей. Четыре рассказа Елены опубликованы в альманахе фантастики Бориса Стругацкого «Полдень. XXI век», еще один — в литературном журнале «Млечный путь», а еще два юмористических — в журнале Cosmopolitan, но автору за них почти не стыдно. Других заслуг перед человечеством пока не имеет.

Петр Алексеевич Коврижкин — мужчина компактный, серьезный и пребывающий большую часть времени в очках — боролся с несправедливостью на протяжении всего своего жизненного пути. Стоило Петру Алексеевичу обнаружить где-нибудь вопиющую несправедливость, как он тут же бросался ее искоренять, невзирая на лобые, даже самые неприятные для себя последствия. Жизнь его из-за этого была непроста.

Помимо самого Коврижкина, за справедливость, как это часто случается, страдали его родные и близкие. Супруга Варвара Степановна обзавелась ранними морщинками, держала в доме нескончаемые запасы успокоительных капель и регулярно вела с подругами длинные разговоры, полные красочных жалоб. Сын Борька имел по натуре ту же склонность к правдолюбию, что и родной отец, но понаблюдав за терзаниями родителя, сделался замкнут и нелюдим, так и не найдя пока в свои шестнадцать годов языка для общения с миром. Друзья над Коврижкиным посмеивались, но в глубине души переживали за непутевого Петра Алексеевича.

Сталкиваясь с хамством, он реагировал эмоционально и бурно, стремясь устыдить невежливых секретарей в приемных и безразличных чиновников в кабинетах. Он писал гневные письма, в которых жаловался власть придержащим на других власть придержащих. Коврижкин забрасывал средства массовой информации информацией о халтурной работе местного ЖКХ и ужасающе низком уровне квалификации врачей поликлиники, к которой был прикреплен. Его большое сердце обливалось кровью, когда Петр Алексеевич узнавал о гибнущих вследствие небрежения памятниках архитектуры и лесах. Он даже подумывал о создании партии протестующих, но получил ультиматум от супруги, пригрозившей ему в случае партии немедленным разводом.

— Варвара, неужели тебе не дорога судьба уникального озера?! — взывал Петр Алексеевич к жене, потрясая

газетой, в которой была напечатана статья о прогнозах загрязнения Байкала.

— Судьба нашего ребенка мне значительно дороже! — отрезала она. — Ты представляешь, во что превратится наша жизнь, если ты, помимо всего прочего, еще и займешься какой-то партией?

Итак, партия была запрещена, но даже жена не могла запретить Коврижину вступать в жаркие диспуты в очередях и транспорте, обличать нечестных продавцов и в тайне сочувствовать неоднозначным, но большей частью понятным поступкам некоторых исторических народных мстителей.

Однажды вечером Петр Алексеевич возвращался с работы, пребывая вопреки обыкновению в благодушном состоянии духа. Ему удалось добиться от начальства четких и ясных объяснений по поводу задержки зарплаты трудящимся. Сверх того начальство даже согласилось выступить перед коллективом и принести извинения по поводу сложившейся ситуации. Конечно, материального положения сотрудников это никак не улучшило, но люди, по крайней мере, почувствовали внимание руководства к своей судьбе. Забегая вперед, скажем, что сразу же после извинений руководство укатило развезаться на Средиземноморское побережье, позабыв и думать о таких пустяках, как чьи-то там финансовые трудности. Но Коврижкин об этом еще не знал, поэтому ничто не мешало ему чувствовать себя триумфатором.

Повсюду царила поэтическая осень. Погоды стояли дивные. Пейзаж располагал к согласию с миром: тихое предзакатное сиреневое небо, роскошно позолоченные кроны деревьев и живописные группы детишек, веточками сгребавших кружево опавшей листвы в кучи.

Но долго соглашаться с миром Коврижкин не мог.

Рядом с его подъездом была разбита большая клумба, лелеемая кем-то из жильцов. На клумбе имелось все, что положено: ухоженная трава, несколько изящных кусти-

ков и обилие радовавших взор цветов. Тут можно было увидеть и фиолетовые иголочки астр, и еще не успевшую отцвести пушистую ромашку, и георгины с их царственным пурпуром, и мелкие рыжие бархотки и, конечно, золотые шары — миниатюры солнца на длинных стройных стеблях. К сожалению, окрестные хулиганы и равнодушные к красотам природы прохожие регулярно портили всю отраду, разбрасывая окурки, конфетные фантики, упаковки от чипсов и опорожненные бутылки.

Каждый раз, когда Коврижкин это замечал, у него портилось настроение, а в душе вскипал праведный гнев против окружающей невоспитанности и бескультурья.

И как раз в то самое время, когда Петр Алексеевич подходил к подъезду, стоявший рядом с клумбой молодой человек сделал глубокую затяжку и швырнул тлеющую сигарету в еще нетронутую желтизной траву.

Коврижкин затрепетал и вскипел:

— Юноша! Зачем вы бросили сюда окурки?

Преступник, уже направивший было стопы прочь, обернулся. На носу у него зрел прыщ, во взоре царил приятная пустота.

— Чего? — кратко выразил он свое недоумение.

— Я повторяю! — загремел Петр Алексеевич. — Зачем вы бросили на траву окурки?

— А куда же мне его бросать? — удивился молодой человек.

— Это мне неизвестно, — признался Коврижкин, сам неоднократно писавший возмущенные письма о недостатке в окрестностях мусорных урн. — Куда угодно, но ведь не на клумбу же! Вы что, не видите, за ней люди ухаживают, цветы сажают?

Нарушитель равнодушно пожал плечами и вознамерился удалиться.

— Я с вами разговариваю! — зазвенел Коврижкин от гнева. — Вас родители не научили, что мусорить нехорошо? Не воспитали должным образом?

Прыщ на носу молодого человека побагровел.

— Иди-ка ты, дядя, отсюда подобру-поздорову, пока не навалили, — огрызнулся он, угрожающе выпятив челюсть. — Тоже мне, юный натуралист, тьфу!

И, подкрепив свои слова плювком в сторону Петра Алексеевича, презрительно фыркнул и отбыл. Коврижкин был раздавлен. Опять он безо всякого успеха попытался достучаться до бесчувственных сердец, и был жестоко посрамлен. О, если бы призвать к ответу тех, кто нарушает нормы цивилизованного общежития и совершает дурные поступки! Увы, для этого нужно была волшебная палочка, не меньше. Или хотя бы танк. С испорченным настроением Петр Алексеевич уныло поплелся к подъезду. Занятый очередным сеансом борьбы за справедливость, он не заметил, что за ним наблюдала сидевшая на лавочке у подъезда крошечная старушка, облаченная с ног до головы в черное. Из-под густых седых кудрей виднелся замечательно кривой нос. Востро, не по возрасту живо поблескивали сложносочиненные желто-голубые глаза. С юным аппетитом грызла она семечки, бодро сплевывая шелуху в карман. К скамейке прислонилась клюка, расписанная в черно-белую полоску. У ног вертелся серый кот — лоснящийся, пухлый и поглядывающий по сторонам с обычным для своего рода превосходством высшего существа. Кошачьи глаза были той же расцветки, что и у старушки, при этом еще и светились от распиравшего животное высокомерия.

— Что ж ты так надрываешься, мил человек? — с интересом осведомилась бабуля у затосковавшего Петра Алексеевича.

— А как же иначе? — мгновенно оживился тот. — Загрязняют окружающую среду! Вас это не возмущает?

Старушка громко расхохоталась, обнажая крепкие еще зубы, похожие на куски залежалого сахара:

— Эх, милый, поживешь с мое, перестанешь и возмущеваться, и диву даваться.

— Не перестану, — буркнул Коврижкин.

Он намеревался бороться за правду до конца дней.

— Тогда плохи твои дела, — заявила бабуля. — Изведешь себя, да ничего не добьешься, помяни мои слова.

— Вы что же, будущее предсказываете? — раздраженно спросил Петр Алексеевич.

Бабка ему не нравилась. Было в ней что-то странное, да еще и вертевшийся рядом кот изливал на него потоки какого-то немыслимого презрения, невольно заставлявшие чувствовать себя ничтожным червем, которому никогда не откроется ему, коту, ведомая истина.

— Могу и будущее, — хитро усмехнулась старушка. — Да только с тобой, сокол ясный, никаких предсказаний не нать. У тебя же все на лице написано — и прошлое твое, и настоящее, и будущее невеселое. Если все не переменишь, вестимо.

В дополнении к ее словам кот зыркнул на Петра Алексеевича с особой многозначительностью.

— Это не мне надо меняться, а им, — сказал Коврижкин, широко поведя вокруг рукой. — Только не изменятся они, а я на них повлиять не могу. Так и продолжают мусорить, воровать, леса вырубать... Что им сделается-то? Верно все же поэт отметил: «Нет правды на земле, но нет ее и выше».

— Много он понимал, твой поэт, — хмыкнула бабка.

— Вы-то уж, конечно, больше понимаете, — съязвил Коврижкин.

— Вестимо, больше, — отрезала она. — Безо всяких сомнений.

Петр Алексеевич улынулся вежливо, но холодно и вознамерился откланяться.

— Да ты погодь, погодь, — остановила его старушка. — Ответствуй-ка мне, сокол: нешто ты желаешь всюду порядок навести?

— Уж я бы навел, — мечтательно вздохнул Коврижкин. — Уж я бы всех к ответу живо бы призвал! Вестимо.

— Коли так...

Бабка усмехнулась своей коварной улыбочкой, полезла в карман, вытаскала оттуда что-то мелкое и вручила Коврижкину. Тот пригляделся и обнаружил крошечный пластиковый меч, отобранный, видимо, у какого-то игрушечного солдата.

— Это к чему? — удивился он.

— Дык порядок наводить. Ты же сам желал. Колиждо взмахнешь единожды, порядок и наведется. Взмахнешь второй раз — виновный и накажется. А в третий раз... Но о том опосля. Бери вот и владей.

«А гражданка-то в маразме», — подумал Петр Алексеевич и натянул на физиономию сладкую успокоительную улыбку.

— Благодарствую за дар, баушка свет старушка, — молвил он, надеясь порадовать ее такой манерой речи, поклонился почти в пояс и, поразмыслив, добавил знакомое старославянское слово, — исполать.

— Ой, уморил! — развеселилась бабуля. — «Исполать»! Смешные вы стали. Во что надо не верите, во что не надо, верите... Думаешь, глумлюсь над тобой? А ну, гляди.

Петр Алексеевич невольно огляделся. К подъезду вальяжно катила крупная машина иностранного происхождения, изукрашенная яркими рисунками с изображением тропической флоры и фауны. Машина, рыча, остановилась и распахнулась, выпустив из себя дорогой ботинок, а затем прилегающего к ботинку крупного же и вальяжного мужчину. Тот, оставив зажигание включенным, направился к подъезду и пошел в дом.

Петр Алексеевич взвился костром. Он буквально ненавидел такое безответственное, вредное для экологии поведение. Зачем оставлять автомобиль работать без толку, травя воздух выхлопными газами? Рука непроизвольно сжалась в кулак, слегка уколовшись об игрушечный меч в ладони. Старушка сверкнула глазами и зубами.

— Чего ждешь, сокол? Неужто опробовать не желаешь?

Конечно, Коврижкин ни на миг не поверил в бабкину ерунду. Он вообще был убежденным материалистом большую часть свободного времени. С досадой он передернул плечами. Бросил снисходительный взгляд на бабку. Подумал, что безумцев стало последнее время слишком много. Время, наверное, такое. И взмахнул детской игрушкой один раз. Просто так. На всякий случай.

Ничего примечательного не произошло. Автомобиль продолжил грозно рычать, выдыхая вонючий дым из выхлопной трубы. «Я так и знал», — подумал Коврижкин не без тайного разочарования и поглядел на старуху в тревожном ожидании какого-нибудь истерического фокуса.

Но та лишь мирно грызла свои семечки, бубня себе что-то под кривой нос.

— Ну, что же, — начал он, пятясь к подъезду задом, но не успел отступить.

Дверь распахнулась, и из дома выскочил бывший вальяжный мужчина, бегом припустившийся к своему четвероногому другу, на ходу вытаскивая ключи. Кинувшись к дверце, открыл машину, залез внутрь и выключил зажигание. Во дворе сразу стало значительно тише. Лицо у мужчины, как успел заметить Коврижкин, было ошарашенное, как будто он плохо соображал, что, собственно, делает. Потоптавшись некоторое время на одном месте, он снова пошел в дом, ступая неуверенно, словно младенец, делающий первые шаги.

Петр Алексеевич проводил его ошеломленным взглядом и обернулся к бабке, но та на него уже не смотрела.

— Батюшки, — засуетилась она, глядя на наручные часы, — времени-то сколько!

Тут она поднялась со скамейки, подхватила свою черно-белую клюку и засеменила прочь. Кот устремился следом.

— Подождите! — востропнулся Петр Алексеевич. — А как же?... А что же?... Ничего не понимаю...

Старушка обернулась.

— Чего тут понимать-то? Хотел правоту вершить, вот и верши, — кот согласно мяукнул. — Пошла я, мил человек, а то в кино опоздаю.

— С котами в кино не пускают, — сказал Коврижкин.

Голова его была как в тумане.

— Меня везде пускают, — заколыхалась напоследок старушка и то ли очень быстро ушла, то ли растаяла в сумерках.

Следующие дни были, по счастью, выходные.

Варвара Степановна загрузила супруга домашними делами, во время выполнения которых он беспрестанно обдумывал случившееся. Думал, стоя в магазинной очереди, размышлял, ревя в квартире пылесосом, гадал, фаршируя бельем стиральную машинку.

Случившееся было странно, более того, удивительно. А, если уж совсем честно, то и вовсе смахивало на какое-то волшебство.

Но возможны ли чудеса в нашем реальном мире?

Чушь, бред! Однако Коврижкин наблюдал случившееся своими глазами. Быть может, просто произошло совпадение?

Пластиковый меч тихо лежал в кармане плаща, и Петр Алексеевич ужасно боялся к нему подходить, одновременно страстно того желая.

Выходные пролетели быстрее, чем опавший лист, подгоняемый ветром.

В понедельник Коврижкин совершил весь положенный утренний ритуал, рассеянно чмокнул жену в нос, попытался потрепать сына по голове, как маленького, но был презрительно отвергнут со своими неуместными нежностями. Затем надел плащ с мечом и отправился на работу. Сердце его колотилось быстрее обычного, мысли сменяли друг друга с повышенной скоростью.

Диковинная игрушка захватила его полностью. Опомнился Петр Алексеевич только в автобусе на самом подьезде к месту службы. Из задумчивого тумана его вывели раскатистые голоса двух представителей пролетариата, ведущих между собой оживленную беседу с частым употреблением слов, импортированных, по одной из версий, в русскую речь в далекие времена татаро-монгольского ига.

Рядом с Коврижкиным сидел маленький мальчик, таращивший на них чистые глаза и внимающий каждому новому и неизвестному слову.

Первым поползновением Петра Алексеевича было немедленно вмешаться в непристойный разговор. Но, увы, опыт подсказывал, что ничем хорошим это бы не кончилось, хулиганы обычно лишь начинали ругаться пуще прежнего. И тут его рука сама поползла в карман, где лежал заветный меч.

«Попробовать или нет?» — терзался Петр Алексеевич. В душе спорили меж собой здравомыслящий взрослый и еще не утративший веру в чудеса мальчишка, каким Петр Алексеевич, скорее всего, когда-то был, хотя точно уже не помнил.

Вытащив меч из кармана, он нервно вертел его в пальцах. Эти движения не укрылись от внимательного детского взгляда.

— Дядя, это что? — поинтересовалось дитя страшным шепотом.

— Волшебная палочка, — ответил Петр Алексеевич ему в тон.

Молодая мать пытливого ребенка наградила Коврижкина суровым взглядом. Мол, ни к чему подыгрывать детским фантазиям, от них одни разочарования в жизни. Почему-то именно это возымело эффект, и, охваченный духом противоречия, Петр Алексеевич взмахнул мечом, как дирижер перед оркестром. Через пару мгновений один пролетарий изменился в лице, ис-

коса поглядел на любопытного ребенка и замолчал так тяжело, что молчание почти приобрело форму.

— Ты чего? — удивился второй гегемон.

— Дите тут, а мы разорались, — ответил тот медленно, будто через силу. — Нехорошо.

Теперь странное выражение напоззло и на лицо его товарища, и шумный разговор заглох.

— Дядя, а где волшебство-то? — спросил мальчик.

— Никакого волшебства не существует, оно только в сказках бывает, — раздраженно вмешалась мать. — Дядя пошутил.

Ах, если бы только она знала!

Но она не знала, как не знали и остальные.

Лишь Петр Алексеевич Коврижкин — обычный человек, одержимый необычайно сильной жадой справедливости — знал, что получил в дар от загадочной старушки вещь страшной волшебной силы.

Опьяненный, он проехал свою остановку и возвращался обратно пешком, вернее, почти бежал и даже немножко подпрыгивал от радости.

На работе он не обратил внимания ни на угрюмые взгляды сотрудников, ни на царящую вокруг атмосферу подавленности: зарплаты по-прежнему не было, и весть о начальстве, улетевшем развлекаться на курорт, тоже не доставила массам особого удовольствия.

Коврижкин заметил народные настроения лишь ближе к обеду.

— Что случилось? — осведомился он у коллеги. — Кто-то умер?

— Если бы, — пожалел тот со вздохом и поделился новостями.

Стоило Петру Алексеевичу услышать о безобразном поведении руководства, его захлестнул привычный гнев. Но теперь у него было чудесное орудие борьбы за справедливость. Он направился в уборную, где очень кстати никого не было, заперся в кабинке, достал свой меч, по-

думал о зарплате и взмахнул рукой. Кто-то вошел в туалет. Коврижкин немного постоял в кабинке, спустил воду и вышел, стараясь придать лицу ничего не значащее выражение. Затем отправился обедать и выжидать.

По возвращении из столовой Петр Алексеевич отметил перемены в конторе. Начались суета, беготня и перезвон. Он уже не удивился, когда коллега, разведав обстановку, сообщил, что начальство связалось с бухгалтерией и дало установку на выдачу зарплаты:

— Никто не знает, почему!

И вновь правду знал лишь Петр Алексеевич, взиравший на ошарашенных сотрудников умильным взглядом родителя, сделавшего детям подарок под личиной Деда Мороза.

Никогда он не чувствовал себя лучше. Казалось, сама богиня Справедливости высится за его спиной, словно тень. В тот вечер Коврижкин внес в дом свою зарплату гордо, как Наполеон после победы под Аустерлицем. Жаль только, что нельзя было ни с кем поделиться тайной. Но в то же время единоличное знание тайны усиливало радость обладания ею, заставляло чувствовать себя еще могущественнее.

Несмотря на некоторое головокружение от успеха Петр Алексеевич вовсе не собирался бездумно творить добро направо и налево. Напротив, он решил действовать осторожно, начав с водворения небольшой правды и скромной справедливости, а уж затем, если все пойдет удачно, переходить к широте и размаху. Он был человеком начитанным и знал, что любое действие может иметь непредсказуемые последствия. Ему совсем не хотелось, чтобы в один прекрасный день грянул бы где-то гром, разразился бы ураган в Тихом океане или еще чего похуже. Как изменилась жизнь Петра Алексеевича! Бесплодные попытки урезонить, зывания к людской совести, пламенные речи и жалобные письма остались в прошлом.

Взмах — и Петр Алексеевич добивался того, чего никак не мог добиться раньше.

Взмах — и люди вокруг начинали вести себя вежливо, корректно и культурно.

Всего один взмах — и мир менялся к лучшему, становясь чище, добрее и приятнее для проживания в нем.

Петр Алексеевич стал спокойнее, кушал с большим аппетитом, округлился лицом и постепенно приближался к состоянию просветления буддийского монаха.

Эти перемены не ускользнули от внимания близких.

Варвара Степановна вначале обрадовалась тому, что муж прекратил свой вечный бунт, но вскоре заподозрила неладное, начиная от вовлечения в религиозную секту, заканчивая появлением женщины на стороне. Признаки подобных ужасов, однако, отсутствовали. Петр Алексеевич не таскал в дом подозрительного вида брошюрок, не пах посторонними духами и не задерживался дольше обычного на работе. Так и не придя ни к каким выводам, Варвара Степановна заняла напряженно выжидательную позицию, как разведчик в тылу врага.

Сын Борька, все еще не найдя языка для общения с миром, решил разработать вместо него шифр и занялся писательством. Героем его первого романа стал отважный юный космолетчик из отдаленного будущего, достигший невиданных успехов в покорении звездных пространств и однажды навсегда улетевший из родного дома к дружественным инопланетянам.

Петр Алексеевич, захваченный в плен волшебством, все это блестяще игнорировал. Нежно любя свою семью, он, к сожалению, не очень ее замечал. Родные люди были для него неким фоном, вроде театрального задника, обойтись без которого, конечно, нельзя, но и ставить на первый план как-то странно.

Так или иначе, сейчас ему было не до треволнений родственников, так что и мы в них углубляться не станем.

Был тихий теплый вечер, плюшевое покрывало густо-синего неба мягко укутало город, и казалось, что все в мире хорошо и благополучно.

Однако это было не так, в чем Петр Алексеевич вскоре и убедился.

Он сидел перед телевизором, чей фоновый шум не мешал ему предаваться размышлениям, и почти не слушал выпуска новостей, ближе к финалу которого упитанный диктор вдруг помрачнел отретушированным лицом, сдвинул на переносице красивые брови и возвестил:

— Пенсионерку войны выселяют из квартиры, в которой она прожила почти пятьдесят лет!

Новость, долетев до слуха Петра Алексеевича, мгновенно вывела его из состояния благодушной задумчивости.

Несправедливость, о которой сообщили в новостях, была значительно ужаснее нецензурных разговоров и задержек зарплаты.

На экране телевизора возникло лицо пострадавшей пенсионерки. Петр Алексеевич увидел слезы в ее глазах, и сердце его сжалось от жалости и ужаса.

Он подскочил с дивана, как ужаленный, вызвав недоумение жены.

— Петя, ты что?

Но Коврижкин не ответил, а поспешил в ванную, где включил в качестве отвлекающего маневра воду, выхватил из кармана халата чудо-меч, с которым теперь не расставался, и взмахнул им.

Заплаканное лицо пенсионерки по-прежнему маячило перед внутренним взором, словно требуя кары своим обидчикам.

И Петр Алексеевич решился.

Он крепко зажмурился и взмахнул мечом правосудия во второй раз. Когда он увидел свое отражение в зеркале, то не узнал себя. Его глаза горели — ярко и пламенно, огнем бунта, бунта одного человека против целого света.

Он отвернулся от зеркала, выключил воду и покинул ванную комнату.

На следующий день в новостях доложили, что история окончилась для пенсионерки благополучно.

— Принесены извинения, а ситуация взята под контроль соответствующими органами, — сообщил диктор удовлетворенно.

Что случилось с обидчиками старушки, Петр Алексеевич так и не узнал. Более того, по какой-то причине знать он этого не хотел. История повлияла на него удручающе. Он стал тих и рассеян, мало реагируя на внешние раздражители. Волшебный меч перекочевал в ящик стола, где валялись старые счета и записные книжки, а Коврижкин постепенно вернулся к традиционным способам наведения порядка.

Он вновь начал покрикивать в очередях, повышать голос в транспорте и написал умеренно гневное письмо в одну инстанцию, как всегда, безрезультатно. Жизнь вернулась в обычную колею, что очень обрадовало жену Петра Алексеевича. Рассерженный муж был ей понятен и привычен. Привычен был и мусор на уже знакомой читателю клумбе. Сор продолжал возмущать Коврижкина, но уже не так сильно, как раньше. Однажды он вновь увидел злополучного юнца с прыщом, который опять кинул в траву окурки, но Петр Алексеевич лишь устало махнул рукой. Прежний энтузиазм покинул его.

Новости он теперь старался не слушать, да и вообще иногда ему хотелось свернуться калачиком и затихнуть где-нибудь, как жуку в корбочке с ватой.

Но у жизни были иные планы. Однажды, когда Петр Алексеевич шел с работы к автобусной остановке, дорогу ему перекрыло ярко-оранжевое пятно, заговорившее вдруг человеческим голосом.

— Доколе?! — возвестило пятно, захлебываясь интонацией. — Долго ли будем терпеть? Нет беспределу! Дадим ответ! Выступим против! Не потерпим и не допустим!

С этим воззванием оказавшийся внутри пятна — яркой плащевой куртки — человек сунул Коврижкину ворох разноцветных бумажек и направился дальше пружиnistым шагом борца с мировым злом.

Ошарашенный его напором Петр Алексеевич прочитал листовки. Они сообщали о случаях несправедливости и беззакония, грозно требуя немедленных действий.

Оказалось, что пока он лишь лелеял мечту о партии протестующих, кто-то такую партию успел создать, и теперь ее члены там и сям возникали по городу, призывая граждан на митинги и выступления.

Петр Алексеевич читал, напиваясь энергией чужого возмущения, и чувствовал, как прежние силы возвращаются к нему. Внутри что-то дрогнуло и потеплело. Затем вскипело и забурило.

Он ринулся к автобусу, расталкивая окружающих, чтобы скорее вернуться домой, где ждало его спрятанное, но не забытое оружие, которым обладал он один, а значит, и сделать мог больше, чем все остальные возмущающиеся вместе взятые.

Встревожив жену лихорадочным возбуждением и наспех проглотив ужин, он удалился в свою ванную вотчину, чтобы изучить список дел, требовавших вмешательства. Список был велик и включал в себя проблемы из различных областей жизни. Жажда свершений жгла пальцы и, схватив покрепче волшебный меч, извлеченный из недр стола, Петр Алексеевич принялся махать им во все стороны.

— Хотят вырубить аллею?! — горячо шептал он и делал взмах.

— Оставляют жителей без тепла?! — и делал другой.

— Двадцать лет без ремонта?! — и третий.

— Волокита и килограммы отписок?! — четвертый...

Вскоре справедливость была восстановлена, а жена пришла под дверь взволнованно интересоваться, не случилось ли чего и почему супруг так долго оккупирова-

ет ванную. Петр Алексеевич выключил горячую воду и распахнул дверь, выступив из напущенных клубов пара, как новорожденная Венера из морской пены.

— Варвара! — воскликнул он и потряс разноцветными листовками. — Есть правда на земле!

Жена перепугалась, начала спрашивать, не заболел ли он, и настояла на измерении температуры.

Сияющий Коврижкин лежал на диване с холодным компрессом на лбу и градусником под мышкой, ощущая полноту бытия.

Вернувшийся домой сын обозрел эту картину и тут же застрочил продолжение своей художественной эпопеи, настолько вдохновляющим показалось ему это диковинное зрелище.

— Волнуюсь за отца, — прошептала Варвара Степановна.

— Кризис среднего возраста, — брякнул Борька бездумно.

Ему было все равно, у него было вдохновение.

У Петра Алексеевича — тоже. Он стал филонить на работе, позабыл друзей, игнорировал родных. Все усилия шли на борьбу, на жизнь ничего не оставалось. Большую часть дня он тратил на поиски и анализ информации о событиях, требующих его участия. Вскоре начальство обратило на это внимание и вызвало Петра Алексеевича на ковер, где он невнимательно слушал и вяло кивал. Начальство, покрытое бронзовым средиземноморским загаром, вещало о необходимости полной отдачи усилий, и Коврижкин, не бывший в отпуске уже несколько лет, испытал искушение применить свое волшебное оружие. С соблазном он справился, но чувство власти над обстоятельствами было таким сладким, что впоследствии он не раз возвращался к нему мыслями.

Уверенность в себе нашего героя крепла с каждым взмахом. Новоявленная Фемиды — Петр Алексеевич Коврижкин начал раздумывать о наведении порядка

в серьезных масштабах — города, страны, планеты... Почему бы и нет?

Отгорчало лишь то, что никто не знал о его чудесах. Множество героев остаются безвестными, в их честь не возводят памятники, их профили не украшают монеты, а дети не заучивают в школах даты их рождения и кончины. В этом, считал Петр Алексеевич, тоже заключалась известная несправедливость, с которой он, правда, еще не придумал, как бороться. Возможно, именно в таких неясных ситуациях требуются сразу три взмаха, вскользь упомянутые старушкой с котом?

Об этом ему вскоре и предстояло узнать.

В тот день шел дождь, переставший к вечеру. Воздух пах, как обычно, городом, но сейчас сильнее всего в нем чувствовался аромат сырой прелой листвы. Деревья стояли в отблесках ржавчины. Знаменитая клумба, как прежде, блистала цветами и сияла осколками разбитой бутылки.

Осенняя тишина приглушила шум мегаполиса, навеяв сонливость и делая мир уютнее, покойнее, мягче.

Но разум возвращавшегося с работы Коврижкина не дремал — было слишком много дел, которыми следовало заняться. Его воинственный пыл резко контрастировал с дворовым покоем, обострял его слух и надеялся взгляд пронизательностью портативного рентгена. Теперь он видел реальность, словно через специальное устройство вроде увеличительного стекла, отмечая ее уродство и безобразие, требовавшие искоренения.

Так, например, сейчас внимание Петра Алексеевича привлекла картина, казалось бы, идиллическая: юноша-подросток играл с собакой, дразня ее палкой. Никто бы не нашел в этом зрелище ничего предосудительного, но какое-то шестое чувство заставило Коврижкина остановиться и наблюдать дальше. Вскоре он заметил злую радость на лице мальчишки и заодно понял, что пес совсем не похож на ухоженного домашнего любимца: это

была потрепанная дворовая собака, которая, возможно, пыталась выклянчить еду или просто хотела приласкаться. Подросток же подносил раз за разом палку к ее морде и легонько бил по носу. Собака непонимающе и обиженно тявкала, но снова и снова тянулась к своему обидчику, словно надеясь, что тот передумает.

Внезапная ярость ослепила Петра Алексеевича так же сильно, как в тот раз, когда он услышал по телевизору об обиженной пенсионерке. И те негодяи, и этот подлый мальчишка покушались на самых незащитных, на тех, кого ни при каких условиях обижать нельзя.

Руки дрожали, когда он вытаскивал из кармана свой волшебный меч правосудия.

И, как в прошлый раз, он вознамерился не только восстановить попорченную справедливость.

Петр Алексеевич жаждал покарать злого мальчишку, проучить, заставить раз и навсегда понять, что так поступать — мерзко, гадко, недостойно...

Все произошло быстро. Вначале пес отступил назад и нехорошо ощерился, а подросток по инерции попытался шлепнуть его палкой еще раз, но не успел.

Собака зарычала и кинулась на него с таким остервенением, будто в нее вселился адский демон.

Дворовую тишину пронзил крик — страшный, дикий, исполненный страха и боли.

Прохожие застыли в оцепенении, но вскоре один из них бросился оттаскивать от мальчишки взбесившегося пса. Затем на помощь побежали еще несколько человек. Коврижкин же стоял, не в силах ни пошевелиться, ни оторвать взгляда от ужасающей картины, а в ушах его, будто звон труб Страшного суда, стояли рыдания, вопли и истошный животный вой.

Собака пыталась добраться до обидчика и бросалась теперь на всех подряд, заходясь диким лаем и лязгая пастью так, как будто и впрямь легион бесовских сил отплясывал в ней.

Петра Алексеевича била крупная дрожь.

«Колиждо взмахнешь единожды, порядок и наведется...»

Рука тряслась теперь так, что пластиковый меч не падал из нее лишь потому, что прилип к взмокшей ладони.

«Взмахнешь второй раз — виновный и накажется...»

Петр Алексеевич очень хотел бы потерять сознание, но почему-то не мог. Крики и лай заполнили мир до краев, а потом отступили, и свинцовая тишь сдавила виски.

«А в третий раз...»

Петр Алексеевич увидел на морде пса кровь, и все вокруг потускнело и размылось.

Мяч потяжелел, но не выпал из рук. Не изменившись внешне, оставаясь невесомой пластиковой игрушкой, он вдруг потянул к земле с такой силой, что едва удалось удержаться на ногах.

Петр Алексеевич тряхнул рукой, чтобы его отлепить, но это было невозможно.

Меч сросся с его ладонью.

Земля потеряла твердость и начала проваливаться под непомерной тяжестью, как зыбучий песок, и ноги ушли в нее по колено.

«Взмахнешь в третий...»

Собрав остатки сил, он попытался поднять руку, чтобы совершить третий взмах, но меч был слишком тяжел.

Земля втянула в себя Петра Алексеевича по пояс. Плач и вой стали громче, словно поселились у него в ушах, и теперь ему показалось, что он слышит хруст раздираемых суставов и треск ломающихся костей.

Темный рот земли распахнулся еще шире, готовясь всосать его в себя целиком.

«Пожалуйста! — взмолился Петр Алексеевич неизвестно кому. — Не надо...»

Он обхватил меч двумя руками, в которые словно навалили горю камней.

Трудно описать, чего это стоило Петру Алексеевичу Коврижкину.

Так трудно, что мы и не станем.

Но он взмахнул мечом в третий раз.

Действительно взмахнул.

Мир вернулся на прежнее место — со всеми красками, звуками, криками и другими приметам жизни.

Пес прекратил нападать и сбежал с места происшествия так скоро, что никто и не сумел бы его остановить, даже если бы попытался.

К рыдающему подростку бежала женщина, а в отдалении уже слышались завывания сирены «скорой помощи».

— Ну-ну, — утешая, скажет через какое-то время врач. — Не убивайтесь так, мамаша, подлатаем вашего ребенка, и будет, как новенький.

— Я собаку обижал, — станет всхлипывать пострадавший подросток. — Но я больше не буду, не буду!

И, правда, больше не будет, даем вам честное слово.

Прохожие разойдутся, взволнованно обсуждая случившееся. А Петр Алексеевич Коврижкин вернется туда, где стоял вначале.

Стоял же он у своего подъезда на совершенно твердой опять земле, рядом со скамейкой, на которой художественным каллиграфическим почерком была выведена красивая надпись: «Сидоров — гнида».

На эту самую скамейку, добредя до нее на трясущихся ногах, и опустился тяжело вершитель правосудия, так и не разжавший судорожно сведенных рук.

В голове было пусто и немного гудело низким колоколом. Сколько бы он так просидел в молчании и в опустошенности, неизвестно, но, спустя некоторое время, около подъезда нарисовалось юное создание — соседский малец Юрка, выглядевший до крайности огорченным какими-то личными обстоятельствами. Увидев объект, на который можно было излить свою горечь, — понуро-

го Коврижкина — дитя, немного подумав, издало жалобный всхлип.

Услышав еще один за сегодняшний день детский плач, Петр Алексеевич схватился за сердце и вскочил.

— Что случилось?! — возопил он, глядя в страхе на Юрку.

Обретя благодарного слушателя, тот зарыдал в полную силу, тщательно морща мокрый нос.

— Потелял! Потелял! — всхлипывало дитя, протягивая Коврижкину игрушечную фигурку.

Сквозь запотевшие очки Петр Алексеевич увидел пластикового средневекового рыцаря, покрытого золотистой краской. Рыцарь был хорош, но при ближайшем рассмотрении оказался лишен положенной амуниции — рука его была пуста, и разить врагов было нечем.

— Меч потерялся? — догадался Коврижкин.

— Потелялся, — подтвердил Юрка между всхлипываниями.

— Уф, — выдохнул Коврижкин с облегчением, — а я-то думал...

И даже улыбнулся тому, что ничего ужасного не случилось.

Ребенок от возмущения перестал плакать. Он не понимал, чему тут радоваться, когда такая трагедия.

— Лыцаль меч потелял, — объяснил он непонятливому дядьке и на всякий случай весомо добавил, — совсем.

Петр Алексеевич посмотрел на покрасневшее зареванное личико и внезапно понял, что нужно делать.

— Держи вот взамен, — протянул он ребенку волшебный меч.

Юрка принял подношение и стал недоверчиво разглядывать игрушку.

— У меня не такой бив, — сказал он недовольно. — Мой был жевтый, а этот сельый.

— Другого нет, — сказал Петр Алексеевич извиняющимся тоном. — Давай посмотрим, подойдет ли.

Он подвел детскую ладошку к рыцарской руке, вставил в нее меч и убедился, что тот сел в нее как влитой.

— Годится? — спросил Коврижкин.

— Годится, — разрешил Юрка меч и ушел играть, забыв поблагодарить.

Но Петр Алексеевич не обиделся. Он вдохнул полной грудью, и осенний воздух вошел в его легкие, наполняя ароматом высыхающей листвы и притаившихся где-то в траве грибов. Ветерок дружески потрепал по волосам. В доме кто-то включил музыку, приоткрыл окно, и Коврижкин услышал полившуюся на улицу приятную мелодию. На асфальте трогательно голубела меловая просьба: «Люся, прости! Давай начнем все сначала», увенчанная прицельно спикировавшим на землю кленовым листом, похожим на золотое сердечко.

Мир был несовершенен, но все-таки не столь уж плох.

У заветной клумбы оказался достопамятный молодой человек с сигаретой и прыщом. Прыща, впрочем, уже не было. А вот сигарета была, ее курили с удовольствием и, докурив, вне всяких сомнений, собирались кинуть в многострадальную траву.

Петр Алексеевич поднялся и зашагал к клумбе — уверенно и решительно, как бывалый гладиатор, выходящий на арену к хорошо знакомому льву.

— О, здорово, дядя! — глумливо обрадовался юнец. — Что, опять воспитывать будешь?

С этими словами он глубоко затянулся напоследок и театральным жестом бросил окурочек на клумбу, задев красивый густо-красный георгин, засыпав лепестки пеплом. Петр Алексеевич, не произнеся не слова, дождался, пока сигарета потухнет, нагнулся, поднял окурочек, поправил георгин и пошел прочь.

— Мужик, ты чего, дурак, что ли? — посылалось ему вслед.

Но Петр Алексеевич, не обращая внимания, направлялся к дому. Урн поблизости по-прежнему не было,

и выкинуть окурочек можно было только в мусоропровод в подъезде.

— Так и будешь теперь за мной подбирать? — голос хулигана прозвучал вызывающе, но немного нервно.

Петр Алексеевич задумался. Остановился и обернулся.

— Так теперь и буду, — твердо ответил он.

— За всеми подбирать придется, — сказал юнец едко. Коврижкин пожал плечами и удалился.

Молодой человек остался стоять. Он почему-то чувствовал себя глупо. Задетый окурочком обиженный георгин резал взгляд.

— Точно дурак, — буркнул он, думая о Коврижкине.

Георгин укоризненно покачал красной головой.

— А куда мне их, спрашивается, бросать? — сердился юнец. — Самому, что ли, урну тут ставить?

Но на это ему никто не ответил.

Коврижкин же, избавившись в подъезде от окурочка, оказался, наконец, дома.

Там, сидя у окна, грустила его жена. Ей хотелось надеть нарядное платье и куда-нибудь пойти.

— Петя, давай куда-нибудь пойдём, — сказала она мужу заранее расстроенным голосом.

— Давай, — сказал тот. — А куда?

Варвара Степановна, не рассчитывавшая на такой оборот, растерялась.

— В театр? — неуверенно предложила она.

— Давай в театр, — согласился Петр Алексеевич. — Хочешь, я билеты куплю?

— Хочу, — обрадовалась Варвара Степановна.

Муж подошел, обнял ее и поцеловал в висок.

— Варя, — сказал он через какое-то время, — у нас есть запасная пара резиновых перчаток?

— Есть в кухонном шкафу, а зачем тебе?

— Надо, — ответил Коврижкин загадочно и ушел искать перчатки.

Сначала Варвара Степановна решила огорчиться, принять успокоительных капель и позвонить подруге, чтобы пожаловаться на очередной непонятный заскок мужа, но потом передумала. В конце концов, жить с Коврижкиным было хоть и трудно, но непротивно. А иногда она — хоть и ни за что бы в этом не призналась — даже думала: «Хорошо, что он такой равнодушный». Слишком много было вокруг людей, которым вообще на все плевать. И еще она подумала, что сын Борька, кажется, решил стать писателем, и это нужно непременно с мужем обсудить, хотя бы для того, чтобы понять, как на такое реагировать. Коврижкин же вновь оказался во дворе, только наряженный теперь в бодряще желтые кухонные перчатки. В руках он держал большой целлофановый пакет и шел, конечно, к своей любимой клумбе. Ступив внутрь аккуратно, чтобы не помять какой-нибудь цветок, он наклонился и принялся собирать мусор. Мимо проходили люди, и некоторые из них косились на человека в строгом офисном костюме, подбирающего с земли окурки и бутылки. Петр Алексеевич, не обращая ни на кого внимания, продолжал свое дело, мурлыча под нос отчего-то вспомнившуюся песню «Не думай о секундах свысока». А затем в траве мелькнули серые лапы, и вот уже возвышавшиеся над ними круглые внимательные глаза уставились на Петра Алексеевича с выражением насмешливого интереса.

— Какие люди! — услышал Петр Алексеевич веселый голос.

Коврижкин вздрогнул. Потом подумал, что говорящие коты, наверное, входят в комплект с волшебными мечами, поэтому особенно удивляться не стоит.

Но заговорил, как ни странно, вовсе не кот.

Хозяйка кота — та самая таинственная бабуля, вооружившая Коврижкина мечом, — прислонив к ограде свою полосатую кляку, ловко залезла на клумбу через невысокую ограду. На ней был все тот же вороний наряд

слегка оживленный такими же, как у Петра Алексеевича, желтыми резиновыми перчатками.

— Здравствуйте, — растерянно поприветствовал ее Коврижкин.

— И тебе того же, добрый молодец! Ты тут теперь убирать подрядился?

— Вроде того, — смутился Коврижкин.

— Вот и славно, — улыбнулась она. — Вдвоем веселей будет. Котофеича-то я в счет не беру, он у нас ученый и прибираться не любит.

— А вы что, в смысле, тоже? — поразился Коврижкин. — Я имею в виду, здесь же? То есть как же?..

Он запутался в словах и мыслях.

— Так-то, мил человек, моя ж клумба, — ухмыльнулась бабуля. — Я это дело посадила, теперь вот холю и прибираю, когда накидают.

— О! — сказал Коврижкин.

Ему бы и в голову не пришло, что жильцом, занимающимся клумбой, могла оказаться эта самая бабуля, изрядно смахивающая на сказочную ведьму, наделенную хитрыми сверхчеловеческими ресурсами.

Кот подошел на доверительное расстояние и принялся чесать голову о штаны Петра Алексеевича, щедро сажая на них шерсть. Таинственная бабуля вытаскивала из кармана шуршащий целлофановый пакет и начала его разворачивать.

— Отдал его кому? — спросила она, ничего конкретно не уточняя, но Коврижкин все понял.

— Мальчишке соседскому, — ответил он и вдруг взволновался. — А это ничего, что я его вам не вернул?

— Это, мил человек, совсем ничего, — сказала она.

Они нагнулись над клумбой, и уборка продолжилась.

После дождливого дня вылезло тяжелое вечернее солнце, надуло щеки и засияло. Медвяной осенний свет разлился в воздухе, и все вокруг стало казаться удивительно красивым. И даже немножечко волшебным. **□**